

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 7—8

МУЗЕЙНЫЙ

МОСКВА—1929

Xⁿ 2
1085

~~17788~~
se

ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

МОСКОВСКИЙ КРАЕВЕД

Выпуск 7—8

МУЗЕЙНЫЙ

Настоящий 7—8-ой выпуск „Московского Краеоведа“ выпускается Обществом совместно с Музейным подотделом МОНО и посвящается всецело вопросам музейного строительства в Московской губернии.

Решающих доводов за выпуск такого музейного номера „Московского Краеоведа“ было два: один довод заключается в том, что музейное дело в Московской губернии, несмотря на свой большой удельный вес, до сего времени нигде не имеет сколько-нибудь полного освещения в печати, и выпуск этого номера явится первой печатной информацией, необходимой как музейному работнику, так и массовику-краеведу в их практической деятельности.

Вторым доводом за выпуск настоящего сборника было сознание того, что музейное дело является одним из основных органических слагаемых в краеведении нашей губернии, и жизнь каждого музея — тем более состояние всего музейного дела — чрезвычайно важны для Общества изучения Московской губернии.

В сознании того, что этот неполный и далеко не совершенный очерк музейного дела в губернии явится началом более широкого освещения в печати поднятых здесь вопросов, редакция „Московского Краеоведа“ обращается ко всем краеведным организациям и ко всем товарищам впредь полнее освещать местную жизнь на страницах нашего журнала.

Ответственное редактирование номера несла по поручению правления и издательской комиссии О-ва комиссия в составе: председателя И. Г. Клабуновского и членов Б. Б. Веселовского и Н. А. Дорогутина.

Редакция.

Ответственный редактор
Б. Б. Веселовский.

Значение музеев Москвы и Московской губернии для музейного строительства СССР.

Москва—это один из самых замечательных городов Европы. Если с историей развития других крупнейших культурных центров обычно связан ряд известнейших имен архитекторов, то строителем Москвы можно назвать лишь одного „архитектора“—самую жизнь. Москва строилась и росла органически без заранее составленного и продуманного плана, и тем не менее план ее носит печать строгой закономерности и большой осмысленности, предвосхитившей потребности, весьма отдаленные от того времени, когда она началась строиться. План ее очень прост. Из одного центра расходятся радиально основные улицы, связывающие окраины с центром, а эти радиусы—улицы—периодически пересекаются рядом концентрических колец. Такой план города теперь начинает признаваться наиболее практичным и в Америке. Города, разделенные улицами на прямоугольные, почти одинаковые кварталы, начинают прорезаться по инициативе современных строителей радиальными улицами, сходящимися в одном центре.

Этот замечательный план Москвы есть результат весьма простого процесса ее роста. Москва росла довольно быстро, застраиваясь деревянными домиками. От времени до времени она огораживалась рвами, башнями и стенами, вновь обрастала пригородами и снова огораживалась. Невольно хочется такой процесс развития города сравнить с ростом какого-то исполинского дерева; вместо годовых древесных колец Москва откладывала свои „вековые“ кольца: Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город, Камер-коллежский вал. Однако эти кольца ни в какой момент не изолировали ее от ближайшей территории. Радиальные улицы Москвы служили не только путями сообщения города; нет,—они являлись в то же время началом основных путей сообщений государства, началом его основных артерий. За городом радиальные улицы незаметно переходили в дороги в Тверь, во Владимир, в Кострому, в Ярославль, в Смоленск, в Рязань, в Калугу, в Нижний-Новгород и пр. По мере роста Москвы эти основные торговые пути государства втягивались в пространство, огороженное ее кольцами, становясь ее основными улицами: Тверской, Калужской, Стромынской и проч.

Таким образом, Москва не только органически росла, но органически связывалась своими улицами с обширной территорией государства. В ней, как в фокусе линзы, сходились исторические пути страны, и ее „вековые“ кольца были не только летописью ее жизни, но летописью государства. Между Москвой и окружающей ее территорией нельзя провести в этом смысле резкой границы. Вот почему говорить только о музеях одной Москвы нельзя; нужно расширить границы и говорить одновременно и о музеях к ней прилегающей территории, по крайней мере, о музеях Московской губ. Иначе вопрос будет поставлен искусственно. Итак, музеи Москвы и музеи Московской губернии весьма тесно связаны.

На развитии музейного дела в Москве ярко отразилась история города. Также стихийно и беспланово по внешнему виду осуществлялось в ней музейное строительство, но внутренне оно подчинялось простым закономерностям, вытекавшим из естественного роста культурных потребностей населения. В московском музейном строительстве, подобно росту города, не трудно заметить явно выраженную периодичность. Нарождение новых общественных сил, новых культурных потребностей вызывало новый этап музейного строительства и новые формы музейных учреждений. При чем очень любопытно отметить особую московскую черту. Старые музейные организмы большею частью имели тенденцию, подобно кольцевым укреплениям города, не разрушаться для построения новых, а оставались памятниками истории музейного дела, еще ярче подчеркивая новые задачи вновь возникающих музеев. В этом отношении полную противоположностью была музейная жизнь Ленинграда, где первый его музейный опыт, кунсткамера Петра, не сохранилась, а ее части послужили лишь материалом для пополнения, уже позже возникших естественно-исторических музеев Академии наук. У Эрмитажа от прошлого осталось лишь название. Непрерывно впитывая все новые и новые коллекции, он не сохранил свой прежний внутренний облик и структуру. Его старые материалы растворились в новых поступлениях, и было бы глубоким заблуждением в нем видеть памятник музейного строительства екатерининской эпохи.

Музейное строительство Москвы своими корнями уходит в глубь отдаленной эпохи. Его начало относится к расцвету средневековья. Две основные силы прошлого наложили яркий отпечаток на первые шаги этого строительства: церковь и государство; последнее в лице Московского царизма. В результате мы имеем две начальные формы музейных учреждений: придворный музей и монастырскую ризницу. Ризницы в СССР являются наиболее древними музеями по формальной дате своего основания, так как они обычно создавались вскоре после основания монастыря, т.-е, следовательно, появление их можно отнести уже к XIV веку. Однако музеем, т.-е. специальным учреждением для сохранения культурных ценностей монастырей, главным образом тех ценностей, которые изымались по тем или иным соображениям из церковного обихода, ризницы стали значительно позже. Древнейшие описи их по большей части относятся к XVII в., т.-е. к тому времени, когда их собрания стали принимать уже вполне организованный вид. Во всяком случае, монастырские ризницы сравнительно скоро после расцвета строительства монастырей стали играть роль единственных центров, куда стекались исторические вещественные памятники самого монастыря, наиболее замечательные произведения искусства своего времени, как высокого искусства, так и прикладного, и выдающиеся по редкости или материальной ценности предметы, отлагавшиеся в быту той или иной эпохи, как результат экономического или культурного общения восточной Европы с ее западными или восточными соседями. Как раз одним из самых древних и самых замечательных по составу коллекций музеев подобного рода обладает Москва с ее окрестностями, а именно ризницей Сергиевского монастыря, основанного еще в первой половине XIV века. Несомненно, эту ризницу приходится признать типичнейшим церковным музеем средневековья для многочисленных музеев этого рода, разбросанных по территории всего Союза, игравшим роль своеобразного центрального музея по отношению к целой сети соответствующих местных музеев.

Если ризница Сергиевского мон-ря может быть отмечена, как типовой памятник музейного строительства далекого прошлого, то другой, не менее выдающийся музей средневековья на территории Москвы—„Оружейная палата“ (основана 1547 г.) должна быть признана индивидуальным, единственным учреждением этого рода. Основанная при дворе Московских царей, как хранилище наиболее выдающихся предметов придворного быта, она постепенно приобрела своеобразную форму, сочетавшую обычную для средневековья „Silberkammer“—хранилище драгоценностей—с производственной мастерской, ставшей в XVII веке центром производства предметов искусства и художественного оружия и использовавшей таким образом в практических целях основные собрания музея. В силу общественных исторических причин „Оружейная палата“ не могла служить объектом для подражания, но она сыграла в свое время большую роль как в деле развития собирательства предметов декоративного искусства на территории СССР, так и в области создания оригинального стиля русского декоративного искусства XVII века. Есть еще одно отличие „Оружейной палаты“ от ризницы Сергиевского мон-ря. В противоположность монастырскому музею „Оружейная палата“ получила некоторое дальнейшее развитие. Она не осталась законсервированной, ее собрание не изолировалось от дальнейшего музейного собирательства. Она продолжала пополняться коллекциями, отражавшими новый дворцовый быт, и некоторыми случайными предметами мемориального или исторического значения. (Личные предметы Петра I, Петра II, Наполеона I; знамена трофейного характера и пр.). Однако это пополнение не носило столь энергичный характер, чтобы в корне изменить ее внутренний состав. Хотя „Оружейная палата“ не сохранила внешнего облика средневекового дворцового музея, но основное ядро ее собрания столь ярко и характерно в подборе коллекции и предметов, что позволяет без особого труда осознавать существо этого первого камня светского музейного строительства.

Итак, именно в Москве и ее окрестностях суждено было создаться и сохраниться первому и основному центру музейного дела далекого прошлого, включившего в свой состав две характерных для этого периода формы музейных учреждений: дворцовый и монастырский музеи.

Второе кольцо музейного строительства не скоро замкнулось вокруг ядра допетровских музейных учреждений. Культурный центр перенесен был в новую столицу. Там началось оживленное развитие музейных типов: Петровская кунсткамера, строительство обширных дворцов, как очагов деятельного собирательства по преимуществу предметов западного искусства, организация Академии наук, как центра собирательства научных коллекций, основание Эрмитажа, как нового центрального придворного музея,—вот последующие этапы развития музейного строительства СССР. Это строительство не получило сколько-нибудь значительного отражения в музейной жизни Москвы.

XVIII век для Москвы и в этом отношении был веком упадка. Культурный рост новой северной столицы за этот период создал прочный фундамент для создания крупнейшего научного центра обширной страны. И до сего времени Ленинград остается местом сосредоточения богатейших научных музеев Союза. Эрмитаж, Русский Музей, Музей Антропологии и Этнографии при Академии Наук, естественно-исторические музеи Академии, Горный музей Горного Института

и мн. др. остаются главнейшими центрами собирательства разнообразных научных коллекций и их научной обработки. Однако это положение в полной мере справедливо только для естественно-научных дисциплин и для зарубежного искусства. Искключительным центром собирательства культурных ценностей страны Ленинград не стал, и в организации этого дела Москве суждено было играть особую роль,

Что же принес музейной жизни Москвы и ее окрестностей XVIII век?

Государственное строительство культурных учреждений было перенесено в Ленинград, поэтому музейное строительство могло проявляться лишь в частном собирательстве, которое на первых порах раболопски следовало примеру императорского двора. Наибольшее впечатление производила не постройка кунсткамеры, не соби- рание научных коллекций, а пышное строительство загородных дворцов и различного рода увеселительные затеи. В результате, в особенности к концу XVIII века, Москва стала обстраиваться рядом замечательных подмосковных усадеб. Кусково, Останкино, Архангельское получили широкую популярность еще у современни- ков. Крупная роль усадебного строительства в культурной жизни Москвы особенно подчеркивалась тем обстоятельством, что задуман- ное дворцовое строительство в ней не получило полностью своего осуществления. Грандиозный Баженовский проект Кремлевского дворца остался проектом; постройка дворца в Царицыне остано- вилась на полпути, обогатив подмосковный пейзаж поэтическими раз- валинами и т. д. Подмосковные усадьбы, возникшие под влиянием дворцов новой столицы, в меньшей степени носили бытовой ха- рактер, они были оболочкой, оформлявшей дворянское собиратель- ство и культурную жизнь того времени. Эти усадьбы обычно имели или специальную картинную галерею (Останкино), или парадные комнаты их с самого начала являлись в сущности музейными залами, т. е. служили для размещения основных собраний владельца (Архангельское с залами, посвященными Тьеполо, Гюбер-Роберу, Ротари и пр.). На ряду с произведениями живописи — скульптуры в стенах усадьбы размещались интереснейшие коллекции предметов декоративного искусства (мебель, фарфор, бронза, античные древ- ности: нумизматика и пр.). Главной целью строителей подмосковных было создание не комплекса жилых и удобных помещений, соответ- ствующих бытовому укладу того времени, а пышной рамы для праздничных увеселений и развлечений. Внешний блеск, богатство фантазии декоратора доминировало над практической целесооб- разностью. Жилые постройки окружались обширными парками с мно- гочисленными статуями, беседками, гротами, увеселительными доми- ками и пр. Внутри главного корпуса (Останкино) или в специаль- ном здании обычно располагался театр (Архангельское). Самое поверх- ностное ознакомление с наиболее популярными „подмосковными“ показывает, что они не могли служить удобным и практическим жи- лищем помещика. Все меньше и меньше эти усадьбы могли удовле- творять их обитателей, по мере изменения, усложнения и роста куль- турных потребностей последних. Нет ничего удивительного в том, что через несколько десятков лет эти „подмосковные“ все меньше и меньше служили своему прямому назначению. и превращались в своеобразную форму историко-культурного музея: Останкино и Кусково в большей, Архангельское в меньшей степени. Ими весьма слабо пользовались для жилья и они были доступны для осмотра посе-

тителей, хотя и не слишком широкому кругу посетителей. Такого рода культурные памятники не индивидуальное явление Москвы. Они типичны для усадебного строительства XVIII и начала XIX вв. Надеждино в Саратовской, Ляличи в Черниговской губ., Ивановское в Курской губ., Алексино в Смоленской губ. и т. д. явления одного и того же порядка, как и подмосковные. Различие их в том, что бытовая сторона усадьбы богаче и определеннее выражена в провинциальных образцах, и меньше очевидно внешней декоративности, заимствованной от ленинградских образцов дворцового строительства. Усадебное собирательство и усадебное строительство внесли одну особенность в процесс развития культурной жизни того времени. Владельцы усадеб не ограничивались собирательством иноземных памятников искусства, наоборот, они вызвали к жизни творческие силы окружавшего их населения. Усадьбы были центром искусства крепостных, легшего в основу развития самостоятельного национального искусства. Если в отдельных случаях западно-европейские художники и архитекторы принимали участие в строительстве усадеб, то это участие было неизмеримо слабее по сравнению с участием их в строительстве дворцов северной столицы. Имена—Аргуновых, Левицкого, Рокотова и др. тесно связаны с историей усадебной культуры и еще более связаны с ней те неизвестные имена, которые создали замечательную по мастерству деревянную резьбу декоративного убранства Кускова, Останкина—мебель, ковры, роспись потолков и пр.

Это усадебное строительство, тесно связанное с музейным собирательством, продолжалось не слишком долго. Его расцветом была последняя четверть XVIII в. и начало XIX в. Ко времени царствования Николая I оно сошло почти на нет, но зато появились новые черты в культурной жизни усадеб. С историей русской усадьбы с 20-ых годов прошлого столетия тесно сплелась история русской литературы.

Почти в творчестве всех крупнейших писателей до 40-х годов усадьба и ее жизнь играла большую, пожалуй, доминирующую роль. Творчество А. С. Пушкина тесно связано с Михайловским Псковской губ. и Болдыным Нижегородской губ.; с Остафьевым Московской губ. связаны имена Карамзина, Пушкина, Вяземского; литературная деятельность Баратынского—с Мурановым Московской губ. и Татевым Смоленской губ.; Тургенева и Фета с их усадьбами в Орловской губ.; Тютчева—с усадьбой Овструг Орловской губ.; Аксакова—с Абрамцевым Московской губ. и др. Это продолжалось в меньшей степени и позже. Достаточно вспомнить Ясную Поляну—Л. Н. Толстого, Щельково—А. Н. Островского и некоторые другие. Нельзя сказать, что эта связь литературы и усадьбы была особой формой музейного строительства, но эта связь, как это мы увидим в дальнейшем, предопределила одну из его линий и прежде всего музейное строительство Московской губ. В этого рода усадьбах, которые получили в наше время общераспространенное и меткое название „литературные гнезда“, естественно отложились выдающиеся по культурной ценности материалы. Интереснейшие библиотеки корифеев русской литературы, собрание подлинных рукописей, богатая переписка с кругом близких людей, фрагменты „подлинной бытовой обстановки, окружавшей писателей и поэтов, родовая иконография близких людей, игравших большую роль в творчестве того или иного писателя,—все это отложилось в таких усадьбах и для позднейших научных изысканий и для сохранения в памяти потомства, окружавшей писателя или поэта внешней среды имело и имеет

и будет иметь первенствующее значение. Таким образом, второй цикл—дворянский период музейного строительства для Москвы и ее окрестностей, а также и для основной территории СССР выражался главным образом в усадебном строительстве¹⁾, в создании художественных, архитектурных, парков и бытовых ансамблей, в отложении в них культурных пластов в виде библиотек, архивов, мемориальных вещей, иконографических собраний. Это строительство не создало особых типов музейных учреждений в узком смысле этого слова, но предопределило необходимость сохранения особого типа музея-памятника, музея-усадьбы.

Неизмеримо более интересным, многообразным и широким по охвату был третий период музейного строительства Москвы, тот период, который начался в эпоху реформ 60-х годов. Краткость статьи не позволяет останавливаться на многом, хотя и довольно существенном, приходится сосредоточить внимание только на самом основном. Общественное движение 60-х годов, захватившее широкие круги интеллигенции, пробудило до сей поры искусственно подавленную реакционным режимом Николая I общественную инициативу. Широкие планы просвещения народа, в связи с освобождением крестьян от крепостной зависимости, завладевшие сознанием идеалистически настроенной интеллигенции, должны были получить прямое выражение в развитии музейного дела. Если не принимать в расчет организацию в 1858 г. музея—„Дома бояр Романовых“, который внешне представлял из себя опыт реконструкции исторического быта, а по существу был довольно грубой фальсификацией этого быта, сделанной архит. Рихтером в угоду династическим интересам тогдашних дворцовых кругов, то начало этого периода нужно считать с даты организации Московского Румянцевского музея, т.е. с 1862 г. После упорной борьбы московских деятелей за перевод музея, основанного гр. В. П. Румянцевым, из Петербурга в Москву, после присоединения этого собрания к научным коллекциям, выделенным из музеев и кабинетов Московского университета, Москва впервые обогатилась научным музеем с широкими просветительскими задачами. Однако этот почин все таки был еще почином отдельных лиц.

Общественный почин явился несколько позже, а именно с момента выдвижения на первый план Московской культурной жизни О-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Этим О-вом в течение 12 лет устраивается три научно-просветительных выставки. В 1867 году открывается Этнографическая выставка, в 1872 г. Политехническая выставка и в 1879 г. Антропологическая выставка. Первая и последняя выставки имели две цели, в процессе собирания материала объединить научные силы Москвы для широких исследований в области этнографии или антропологии на русском материале — и в процессе демонстрации собранного добиться общественного интереса к проблемам этих наук. В силу этого сами исследования велись с большой для того временей тщательностью, а собранный материал преподносился в весьма доступной и образной форме, далеко уходившей от музейного трафарета того времени. В смело задуманных картинах давались бытовые картины отдельных народностей, пейзажи геологических

¹⁾ Несомненно, в эту эпоху, музейное собирательство развивалось так же в городах, но это было для СССР неизмеримо меньше усадебного, и по преимуществу ограничивалось Ленинградом (дворцы Меншикова, Шереметева, Юсупова и др.).

периодов, искусственные каменные пещеры и пр. Политехническая выставка, конечно, имела по преимуществу просветительное значение. Этот опыт прошел с большим внешним успехом. Вместе с тем, он дал большой толчок музейному строительству Москвы. Этнографическая выставка поставила на ноги этнографический отдел Румянцевского музея, Политехническая выставка положила основание специальному производственному политехническому музею, а антропологическая выставка положила основание соответствующему музею при Московском Университете.

В непосредственной связи с одной из этих выставок, а именно политехнической (1872 г.) находится основание крупнейшего центрального музея по истории культуры Союза Советских Республик — Московского Государственного Исторического музея. Севастопольский отдел выставки лег в его основу. Начало оформления этого музея приходится отнести к 1873 г., когда известному археологу гр. А. С. Уварову удалось провести утверждение основных положений музея. Фактически свою деятельность музей начал лишь с 1883 года. Следует тут подчеркнуть два интересных момента: он строится по общественному почину и строится, главным образом, как просветительное учреждение. Его создатели не рассчитывали в его стенах собрать достаточно полные коллекции по истории культуры восточной Европы, им казалось, что наиболее актуальной задачей было подвести итоги научным знаниям по истории страны. Отсюда широкие планы по применению иллюстраций, (картины Васнецова В. М., Семирадского Т. С. и др.) копий тех памятников, которые не могут быть перенесены в музей, отсюда стремление передать в отделке отдельных зал стиль той или иной эпохи. Этот просветительный характер музей не смог сохранить при его дальнейшем развитии, энергичный приток коллекций вскоре сделал его по преимуществу хранилищем музейных материалов весьма широкого диапазона. Этим исчерпывается музейное строительство 60—70-х годов, реализовавшее просветительные планы московских научных и общественных кругов.

Однако, на ряду с этим следует отметить тенденцию частного собирательства и частной инициативы в организации музеев. Дворянская усадебная культура претерпевает кризис. Жизненный нерв переносится в город. Усадьба, как культурный фактор, неуклонно идет к упадку. На арену культурной жизни страны 60-х годов выступает новый класс: купечество. Москва в этом отношении шла впереди других городов. Уже в 1856 году в Москве было положено П. М. Третьяковым начало собиранию коллекции по русскому искусству. К 80-м годам это замечательное начинание получило уже оформление в виде организованного частного собрания, а с 1892 г. по воле собирателя оно превратилось в Городской музей — Третьяковскую галерею, ставшую по существу центральным музеем по русскому искусству. Нет надобности доказывать, какое огромное влияние имело основание Третьяковской галереи на развитие русского искусства. Нет надобности говорить о той популярности, которую по справедливости приобрел этот художественный музей среди самых широких слоев населения страны. Третьяковская галерея получила известность далеко за пределами СССР, а ее основание имело особое значение. Собирательство П. М. Третьякова, столь блестяще начатое, вызвало подражание и в Москве и вне Москвы. С этого времени неуклонно росло число частных собраний в городах, при чем оно захватывало все более и более широкий круг

объектов. Цветковская галерея, Театральный музей А. А. Бахрушина, собрание П. И. Щукина по истории русской материальной культуры, собрание И. С. Остроухова по русскому искусству и пр., собрания С. И. Щукина и И. А. Морозова по новейшему французскому искусству, собрание А. В. Морозова по русскому фарфору, иконе и гравированному портрету, вот основные результаты этого Московского частного музейного собирательства. Эти собрания имели тенденцию становиться общественным достоянием и, таким образом, впервые на ряду с общественной инициативой по организации музеев, стала проявляться широкая частная инициатива.

60-ые годы выдвинули на первый план еще одну проблему, хотя и подготовленную славянофильским движением 40-х годов, а именно проблему развития народного и с ним связанного национального искусства. Если дореформенная Россия и в области искусства и в формах быта рабски следовала западу, если даже крепостное искусство усадьбы воспитывалось на западных образцах, то 60-ые и 70-ые годы могут быть названы годами увлечения народным творчеством. Усиленно собирается материал по народному эпосу, народной песне, крестьянскому быту, крестьянской вышивке и резьбе и начинает ставиться довольно остро и широко проблема о самобытности национального искусства. Это движение выявилось и в музыке, и в архитектуре, и в живописи. Это движение своеобразно отразилось в музейном деле, при чем одновременно была поставлена практическая проблема, а именно—изучение проявлений народного творчества должно повести также к сохранению творческих возможностей народа. В Москве это движение за народное и национальное искусство получило особенно яркое выражение в области развития декоративного искусства. В 80-х годах это началось с объединения С. И. Мамонтовым группы художников (М. А. Врубеля, Е. Д. Поленовой, В. Д. Поленова, В. М. Васнецова и др.), вокруг производственных начинаний в его усадьбе Абрамцево (Московской губ.), усердного собирания образцов декоративного искусства и местного кустарного промысла, а кончилось уже позднее организацией специального Кустарного музея Губернского Земства, где производственные цели были совмещены с торговыми. Такого рода начинания были типичны для того времени, и они получили довольно широкое распространение на территории Европейской России (Тенишевский музей в Смоленске, работы Полтавского, Вятского, Нижегородского Земства и др.). Гораздо слабее в дореволюционное время проявилась в Московской губернии организация краеведческих музеев, в особенности по сравнению с провинцией. Сам город Москва не имел ни одного краеведческого учреждения, а на территории было лишь 3 и то небольших краеведческих музея в Рузе, в Михайловском Подольского уезда, в Дмитрове ¹⁾, да, кроме того, своеобразный по форме полукраеведческий, полумемориальный музей Ново-Иерусалимского мон-ря, в задачу которого входило обрисовать историю только самого мон-ря. Однако, организация Рузского музея относится еще к концу прошлого столетия, следовательно инициатива и в этом направлении проявлена была Москвой в начале развития краеведческого движения.

Еще слабее обстояло с развитием естественно-исторических музеев. Они все без исключения тесно были объединены с высшей школой, по преимуществу с университетом. Попытки создать само-

¹⁾ В 1916—17 г. только еще зарождалась идея организации краеведческого музея.

стоятельный естественно-исторический музей при основании Московского Публичного музея, соединенного с Румянцевским музеем в виде специального отдела, не увенчались успехом. Коллекции естественно-исторические, вначале взятые из университетских кабинетов, вновь возвратились на старое место. Хотя по мере роста научной работы в Москве, в особенности со времени учреждения Об-ва Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, университетские музеи выросли далеко за пределы простых учебных кабинетов, хотя некоторые из них получили специальные выстроенные здания (Зоологический и Геологический), тем не менее, их работа оставалась подчиненной педагогически потребностям ВУЗ'а, и их просветительные возможности далеко не получили своего максимального развития. Сходное положение было в провинциальных университетских центрах. Вне этих последних Естественно-Исторические музеи однако создавались как самостоятельные учреждения (Ярославль, Пенза, Симферополь, Свердловск, Саратов, Нижний-Новгород, Ставрополь и др.). Иными словами, пути развития этого сектора музейного строительства в провинции не совпадали с московскими путями.

Этим следовало бы и закончить краткий обзор развития музейного дела после эпохи реформ 60-х годов. Этим замыкался третий круг музейного строительства. Между тем, некоторые признаки показывают, что с 1900-х г.г., в особенности к началу второго десятилетия нынешнего столетия, как-будто обозначился новый этап. Усиленно стал дебатироваться вопрос о необходимости организации крупного синтетического музея, который бы смог выявить природу и население страны, намечались крупные планы реорганизации Румянцевского музея путем расширения его отдельных частей и пр., но реально осуществилась лишь постройка весьма широкого по задачам Музея изящных искусств, Музея, преобразованного из Университетского Кабинета и сохранившего на первых порах тесную связь с последним. Этот намечавшийся период можно было бы охарактеризовать, как период гораздо более значительного участия государства в музейном строительстве Москвы и период широких планов и проектов. Война положила конец намечавшимся планам, и это кольцо истории музейного дела Москвы не получило сколько-нибудь яркого выражения. Характерно лишь одно, что и Музей изящных искусств, как и его более ранние собратья, в своей природе содержал типичные московские черты. Музей был задуман, как учреждение с широкими просветительными задачами, как музей слепков, которые должны были дать общую картину развития мирового искусства, а не отдельных частей последнего, определяемых собранными в музее подлинными коллекциями. Музей осуществился и возник благодаря крупной и очень энергичной общественной поддержке. Таким образом, не приходится говорить специально об этом периоде в связи с развитием музейного дела в стране. Этим закончилось московское дореволюционное музейное строительство.

Что же дал этот этап, начиная с 60-х годов, музейной жизни СССР? Даже из краткого обзора истории музейного дела последних дореволюционных десятилетий в Москве и Московской губернии видно, как органически оно развивалось, и как оно было связано с развитием научного изучения культурной истории территории СССР. В противоположность музеям Ленинграда музеи Москвы в неизмеримо меньшей степени ставили себе задачи собирания материалов мирового искусства, зарубежной археологии и этнографии, коллекций по природе земного шара в целом и т. д. Основным стержнем

деятельности московских музеев за этот период было дать представление об истории материальной культуры, отлагавшейся с момента первого появления человека в пределах СССР, и лишь попутно затрагивались те общие научные проблемы, которые непосредственно соприкасались с историей территории СССР и разрешение которых могло базироваться на зарубежном материале. Только в самом начале при разработке плана построения „Московского публичного музея и Румянцевского музея“ и в конце при создании „Музея Изыщных Искусств“ были выдвинуты более широкие задачи. В остальном, и выставки, предшествовавшие созданию трех московских музейных организмов (Этнографическая, Антропологическая и Политехническая), и Исторический музей и в большинстве своем частные собрания Москвы служили вышеуказанной основной задаче. Естественно поэтому, как бы несовершенны были московские музеи, они становились основными прототипами для музейного строительства провинции, т. к. отвечали ее аналогичным культурным запросам. Это тем более было естественно, что в провинции на значительной территории складывались аналогичные условия и действовали одни и те же творческие силы. Музеи провинции за исключением окраинных областей Сибири, Туркестана и Кавказа создавались по общественной или частной инициативе при минимальном участии государства. Обычно инициатива принадлежала или Научным обществам, или Архивным комиссиям, или Статистическим комитетам, организациям полупубличного порядка. И лишь на окраинах колонизаторская политика государства вызывала его заинтересованность в работе музеев, как центров изучения окраин, и поэтому оно уделяло некоторые средства на их содержание. В результате—Государственный Исторический музей и Отдел Этнографии Румянцевского музея стали прототипами для гуманитарных музеев провинции, а Третьяковская галерея—недостижимым идеалом для частного провинциального собирателя или общественного художественного собрания.

Вместе с Московской музейное строительство провинции переживало одни и те же беды. Вреднейшее увлечение псевдо-русским стилем, непоправимо испортившее в музейном отношении здание Госуд. Историч. музея, погубило не одно музейное здание в провинции (Владимир, Кострома и пр.). Теснота музейных помещений, сорвавшая осуществление просветительных замыслов основателей Румянцевского, Исторического и Политехнического музеев, превратившая их больше в склады вещей и коллекций, чем в учреждения, популяризирующие научные достижения, для большинства музеев провинции имела те же плачевные результаты. И тем не менее музеи Москвы, Московское Археологическое Об-во с Археологическими съездами, Об-во Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии были основной опорой для музейного строительства Европейской части территории СССР в дореволюционное время ¹⁾.

Октябрьская революция внесла коренной переворот в музейное строительство СССР, Разрозненная, а иногда и конкурирующая инициатива частных собирателей, городских самоуправлений, различных ведомств и отдельных общественных организаций была заменена инициативой государства. В музейное строительство была внесена плановость, а деятельность музеев получила новое более

¹⁾ Для музеев Сибири, Туркестана и Кавказа такой опорой для их развития и деятельности являлись Академия Наук СССР, Русское Географическое Об-во и в несколько меньшей степени Археологическая Комиссия.

ответственное направление — служить основным проблемам государственного строительства и прежде всего культурным потребностям населения и нуждам современного народного хозяйства. Эта перестройка выдвинула на первых порах весьма ответственные задачи, суметь сохранить культурные достижения прошлого и в особенности те культурные ценности, которые отложились в музеях за столь длительный промежуток времени, а также и те культурные ценности, которые еще не успели попасть в музеи, а находились еще в частных руках, а также найти формы использования этого культурного достояния и создать новые типы музеев, которые бы соответствовали новым потребностям страны, выявляющимся в процессе ее строительства. История музейного дела и перенос в Москву столицы СССР предопределили руководящую роль и весьма ответственные задачи для московских музейных учреждений.

Нет надобности подробно останавливаться на общей картине развития за эти годы музейного дела в Москве и Московской губ. Для нас, современников, это протекало на наших глазах, да и уже были сделаны попытки подвести эти итоги. Наконец, это потребовало бы весьма много места. Для того, чтобы вскрыть связи музейного дела Москвы с музейным строительством СССР достаточно остановиться на некоторых основных моментах. Несомненно, вся та большая работа, которая была проделана по рациональному распределению коллекций между музеями, по концентрации однородных материалов по возможности в каком-либо одном музейном учреждении, по ликвидации частного собирательства, типична для любого музейного центра СССР. Несомненно, что работа Москвы не только была примером для провинции и Союзных Республик, но часто из Москвы и московских музеев провинция получала поддержку в работе и прямые директивы. Но главное не в этом. Для нас интересен прежде всего вопрос, какие музеи служили руководящими формами в новом музейном строительстве СССР, и какие руководящие формы связаны с Москвой. На первом месте в этом отношении, несомненно, должен быть поставлен Московский музей Революции при ЦИК'е СССР. Хотя Ленинградский музей Революции является таким же центральным музеем по своим задачам, хотя он организовался значительно раньше Московского и был поистине первым опытом в этом направлении, тем не менее, его роль в развитии музеев революции или отделов революции при краеведческих музеях ничтожна по сравнению с Московским. Московский музей Революции сумел не только найти методы и формы для наиболее экспозиционно яркого выявления своих коллекций и четкую общую схему расположения материала, но и смог найти жизненные пути для установления прямых и прочных связей с соответствующими музеями провинции. С того момента как окреп музей Революции в Москве — построение этих отделов на местах получило твердую опору.

Большая роль и большая ответственность выпала на московские музеи в области развития краеведческих музеев. К сожалению, жилищный кризис и скудость средств НКП не позволили за 11 лет создать крупный Краеведческий музей достойный Москвы и ее роли в музейном деле. Попытка создать в Москве Областной музей для Центральной Промышленной Области осталась пока еще попыткой. Но тем не менее и этот молодой организм уже стал проявлять большое влияние на повышение уровня научной работы в краеведческих музеях области и успешно вовлекать местных работников в плановое собирательство научных коллекций. Еще более действенным при-

мером для краеведческого движения СССР служит и в особенности будет служить в ближайшее время сеть краеведческих музеев Московской губернии в целом. Она не только велика численно, но и имеет в своем составе ряд образцовых учреждений, достаточно указать для примера хотя бы Воскресенский и Дмитровский музеи. Но главное достижение этой сети в том, что она охватила не только районные и уездные центры, но даже волостные, положив этим начало построения первичного элемента музейно-краеведческого строительства.

История музейного дела в Москве предопределила ее роль в развитии современных производственных музеев. Московский Политехнический музей до сих пор является единственным Центральным Промышленным музеем в СССР, уже этот факт поставил его в положение единственного рассадника идеи производственных музеев и их методологии. Несколько хуже обстоит дело с организацией центра содействия развитию сельскохозяйственных музеев. Пока в Москве нет единого учреждения, объединяющего всю столичную работу в этой области. Эта работа в несоответственно малом масштабе ведется сразу тремя музеями: Политехническим музеем, музеем при Центральном Доме Крестьянина и музеем при Московском Губ. Доме Крестьянина. Актуальнейшей задачей ближайшего времени является объединение всей этой работы.

Усиленное строительство производственных научно-исследовательских институтов в Москве еще более подчеркивает необходимость развития в ней производственных музеев по отдельным отраслям техники. Организацию Авиахиммузея в Москве можно рассматривать, как первый шаг в этом направлении.

Пока еще довольно печально обстоит дело с развитием естественно-исторических музеев. За 11 лет удалось Москве получить лишь один самостоятельный естественно-исторический музей: „Дарвиновский“. Все остальные остаются связанными с ВУЗ'ами и продолжают влачить довольно жалкое существование, поэтому эти музеи пока имеют сравнительно малое руководящее значение для музеев СССР. Однако, довольно быстрое развитие Москвы, как крупного научного центра, ставит перед музейным строительством задачу подтянуть этот отставший фронт.

Этим, пожалуй, исчерпывается основная роль московских музеев в музейном деле СССР для настоящего и самого ближайшего времени. Но есть еще те задачи, которые пока еще можно видеть лишь в перспективе будущего, хотя и не столь отдаленного. Москва—центр Союза Социалистических Республик—это обязывает ко многому. Она должна помочь найти то, что культурно и экономически крепко связывает Союз в единый целостный организм, в котором отдельные части не теряют своей природной и культурной самобытности. Нет надобности доказывать, что это в музейном деле не должно выражаться в искусственной концентрации культурных ценностей Союза в одном центре. Нет надобности подчеркивать устарелость и вредность такого рода идей прежде всего для самого музейного дела, т. к. это опустошает окраины и ослабляет возможность сохранения оставшегося на месте культурного достояния. Однако, все-таки перед музеями Москвы стоит проблема суметь, работая в самом тесном контакте с музейными учреждениями Союзных Республик, отразить основные черты их культуры и природы, дабы население всех Республик в каком-то одном центре могло найти выражение их общей работы прочной культурной связи.

Истекшее одиннадцатилетие раскрыло перед музеями колоссальные перспективы развития, освободив от пут бесплановой индивидуальной деятельности отдельных лиц и учреждений. Оно поставило их в условия проявления широкой коллективной творческой работы. Перед московскими музеями выросли весьма ответственные новые задачи, надо надеяться, что они их выполнят, почувствовав, что концентрические круги московского строительства позади, что новое строится уже за Камер-Коллежским валом. Из прошлого должно быть взято два основных московских принципа, музей должен служить наряду с научными целями широким просветительным задачам, и музей должен иметь горячую общественную поддержку населения. Если московские деятели 60-х годов, избрав правильный путь, не сумели и не смогли довести музейное строительство до поставленных ими целей, то надо надеяться, что современные московские музеи смогут новыми путями достигнуть успешно поставленных перед ними новых задач в силу этого стать руководящим центром для музейного строительства СССР.

Музейное строительство в Московской губернии.

Без преувеличения можно сказать, что Москва с ее уездами не только занимает одно из выдающихся мест по насыщенности музейной сети, но и явно превосходит всю провинцию страны как численностью музейных учреждений, так и их качеством. Сотни тысяч приезжих экскурсантов ежегодно посещают музейные хранилища столицы Советского Союза, сотни сотрудников музейно-научных учреждений провинции постоянно черпают новые силы и новые знания в многочисленных лабораториях и кабинетах столичных музеев. И не удивительно: за годы Революции, с одной стороны, до такой степени расширилась область музейного строительства, что, кажется, нет ни одной сколько-нибудь важной отрасли хозяйства, которая не имела бы в Москве, при своем управленческом центре, соответственного музея, а, с другой стороны, работе музеев уделяется такое внимание, что они, несмотря на всякие недостатки, становятся центрами подлинной научно-исследовательской деятельности, направленной на содействие социалистическому строительству в стране. Унаследованные от прошлого представления о музее, как о хранилище вековой культуры, нужном для изучения, а не для строительства („поместить в музей“ стало приравняться к „сдать в архив“), теперь явно не удовлетворяют ни массы посетителей, которые приходят в музей за знаниями ради и во имя практического строительства, ни—в равной мере—самых работников музея, которые все больше и все убедительнее чувствуют себя строителями новой культуры и нового хозяйства на ряду с миллионными массами рабочих и крестьян.

За последние 1½—2 года ряд музейных работников Москвы имел возможность близко ознакомиться с постановкой музейного дела в странах Западной Европы, и все они возвращались в Москву с одним чувством—чувством гордости за те неоспоримые достижения, какими богато музейное дело в Советской России. Не говоря уже о том, что заграничные музеи до сего дня являются в большинстве случаев „частными“ музеями, что содержится они за счет „частной инициативы“, что судьба огромного дела нередко зависит от воли и настроения того или иного „мецената“, европейский музей стоит в стороне от какого-либо участия в строительстве, европейский музей, оказывается, не имеет и понятия о тех сотнях тысяч посетителей, которые наполняют наши музеи, о той организующей роли, которая проявляется в работе наших музеев с посетителями. Только теперь видно, какие гигантские шаги сделала Советская Россия в области музейного дела за годы Революции и на какую высоту успела поставить проблемы музейного строительства за первое десятилетие.

Естественно, что Москве в этом отношении принадлежит первое место, которого она не хочет делить даже с Ленинградом. И это объясняется тем, что на ряду с сетью музеев Наркомпроса, в большинстве своем перешедших от дореволюционного времени, Москва полна музеями ведомственного характера, целиком возникшими за годы Революции. С этой стороны принятое у нас сравнение с довоенным уровнем здесь было бы просто излишним. К сожалению, до сего времени не удалось произвести точного и строгого учета этих ведомственных музеев, что лишает возможности говорить сейчас о посетителях этих музеев, об их бюджете, о содержании научной работы и т. д.

Сеть музеев Москвы и губернии в настоящее время (к октябрю 1928 года) представляется в следующем виде:

1) Музеев Наркомпроса (состоят на бюджете и в ведении НКП) в Москве и губернии — 37 из общего числа музеев по РСФСР в 65 единиц.

2) Музеев Московского Отдела Нар. образования — 45 из общего числа т. н. местных музеев (т.-е. состоящих в ведении Губоно) по РСФСР—333-х.

3) Т. н. ведомственных музеев (Наркоматов, Вуз'ов и пр.)—200.

Эта огромная сеть учреждений, почти в 300 единиц, охватывает самые разнообразные отрасли знания и строительства наших дней. Все—от величайших произведений мирового искусства до скромных матерьялов по изучению наших микрорайонов в волостях — нашло свое отражение в экспозиционных залах музеев или в их лабораториях-кабинетах. В очень близком будущем Московским Кабинетом Краеведения выпускается специальный справочник по всем музеям Москвы; читатель найдет в нем все основные сведения по каждому музею: от Третьяковской галлерей до волостного краеведческого музея. Здесь уместно назвать лишь несколько музеев по каждой группе для характеристики всех трех групп:

1) Музеи Наркомпроса, за исключением 2-х — в Сергиеве и в Клину—находятся все в Москве. Сюда относятся: Музей изящных искусств, Третьяковская галлерей, б. Щукинское и Морозовское собрание современной западной живописи, Политехнический музей, Исторический музей с его 7-ю филиалами по РСФСР, музей фарфора, музей игрушки, Дарвинский музей, Оружейная палата и др. Здесь сосредоточены все музей-гиганты с огромными коллекциями, большими штатами, огромной пропускной способностью и с европейской известностью.

2) Музеи Моно, о которых, главным образом, и будет идти речь в настоящем очерке, раскинуты преимущественно в уездах, и в основной своей массе за вычетом усадеб являются музеями краеведческими; их задача—всестороннее изучение и выявление своего края в отношении экономики, природы и культуры. Примером усадебных музеев может служить „Остафьево“, „Кусково“; чисто краеведческие музеи—Дмитровский, Ленинский и др.; смешанные музеи — Воскресенский, Серпуховский, Царицынский, Волоколамский и др. Все они занимают лишь вторую линию в рядах музейных учреждений Москвы, хотя каждый из них сам по себе представляет большой интерес и имеет неоспоримое значение в нашей научной и массовой культурной работе. Если посещаемость Наркомпросовских музеев измеряется десятками тысяч (50—100 тысяч человек в год), то через музеи Моно проходят лишь тысячи; исключение составляют усадьбы: Архангельское, Кусково, Останкино, — их посещаемость дает 20—30 тысяч человек за летний сезон.

3) Третья группа музеев („ведомственных“) наиболее разнообразна. Здесь и европейски известный Музей Революции (в ведении Союзного ЦИК), и Этнологический музей 1-го МГУ, и музей Коломенского завода, и музей Наркомфина, и музей Дома Крестьянина, и Сельско-хозяйственный музей Бронницкого УЗУ и т. д. и т. д. Все эти 200 слишком музеев характеризует один признак: они носят строго производственный характер и выросли на почве широкого научного содействия той отрасли строительства, которую представляет данный музей. Ни Наркомпрос, ни Моно до сего времени не смогли произвести точного учета ни самим ведомственным музеям, ни их научно-просветительной работе. До сих пор мы не можем сказать, сколько же москвичей посещает ежегодно эти музеи, как растут коллекции музеев, какие изменения происходят в структуре музеев и в их сети, какие средства отпускаются на их содержание и пр. Такое ненормальное положение остро чувствовалось все истекшие годы. Состоявшееся в августе т. г. решение Президиума ВЦИК кладет предел этому разному и обязывает Наркомпрос (тем самым и его местные органы) „распространить идеологическое и методическое руководство на музеи, принадлежащие другим ведомствам“.

Надо сказать вообще, что названное решение Правительства от 20/VIII 1928 года, впервые подводящее итоги музейному строительству в РСФСР, открывает новые, широкие перспективы этого дела и все ответственные проблемы музейного строительства ставит в тесную связь с социалистическим строительством в нашей стране. Из трех основных общеизвестных функций музея—охранная, научная и просветительная—две последние функции для наших музеев являются определяющими и осмысливающими всю их деятельность. В свете этих именно работ музея становится понятным и роль музея в общем социалистическом строительстве. Музеи Советской России—лишь часть огромного научно-исследовательского и политико-просветительного организма страны, музеи Советского Союза — лишь орудие перевоспитания широких масс и орудие в борьбе за формирование нового человека.

А в этой борьбе одинаково необходимым оружием должны стать и картина первоклассного художника, и образцы производства того или иного завода, и демонстрация в музее усовершенствованных приемов обработки земли, и уголки дворянской культуры в сохранившихся музеях-усадебках. В этом аспекте становится понятным то огромное значение, которое приобретает собирательская работа наших небольших и, на первый взгляд,—малозначащих музеев провинции. Именно эти музеи становятся центром изучения своего района, и вокруг них организуются широкие массы населения для культурной работы, а через нее—и для новой культурной жизни.

Вот почему, кажется нам, двухлетний опыт музейного строительства в Московской губернии, опыт, построенный на сети, главным образом, второстепенных музеев, стоит того, чтобы его осветить в печати.

Лишенный возможности что-либо извлечь из опыта работы ведомственных музеев, автор статьи обходит и другую крупную группу музеев—Наркомпросовскую, включая в свое изложение исключительно работу музеев и других учреждений Московского Отдела Народного образования.

Необходимо сказать несколько слов об истории развития музейного дела в Моно. За последнее время установилось мнение,

что эта область работы в Московском Отделе народного образования насчитывает всего лишь 2 с небольшим года своей истории. И это будет вполне справедливо, если говорить о той новой полосе в работе, которая отмечена плановостью, организацией и твердым бюджетом самих музейных учреждений.

Если же говорить о музейном деле вообще, в широком толковании слова, то надо считать, что это дело в Моно не переставало занимать большее или меньшее внимание за все годы Революции.

Живым тому примером может служить, хотя бы непрерывная работа Реставрационной (в начале—Экспертной) Комиссии Губмузея ¹⁾. Но этой Комиссией отнюдь не ограничивается вся музейная работа Моно за истекшие годы. Известно, что в течение ряда лет в ведении Моно была группа т. н. „Пролетарских“ музеев, организованных в б. оставленных или конфискованных особняках Москвы: сосредоточенные в этих музеях большие ценности бывших владельцев в дальнейшем, при ликвидации музеев, пополнили лучшие собрания Москвы. В ведении Мосгубмузея долго были некоторые из тех музеев, которые существуют и до настоящего времени. Одно, однако, отличало этот период „накопления“, „предыстории“: музейное дело не вступило еще в полосу руководства и твердого бюджетного существования. С другой стороны—перед Моно не стояла вся сумма вопросов музейного строительства: экспедиции, раскопки, краеведческие учреждения и пр. Если можно говорить о формальном начале этого дела, то таким началом следует считать передачу в Моно 13-ти музеев из Наркомпроса летом 1926 года (Правительственный декрет от сентября 1925 года). Следующим важным этапом была передача в Моно новой группы музеев НКП в ноябре - декабре 1927 года (решенке Правительства от 30/IX 27 г.). На ряду с передачей существовавших ранее музеев из Наркомпроса сеть Моно постепенно—правда, чрезвычайно медленно—расширялась и за счет естественного роста. Были открыты музеи в Сергиеве, Царицыне, в Ульяновской волости, в Подольске и др. За два года сеть музеев Моно выросла ровно вдвое: с 22-х до 45-ти единиц. Одновременно шла оживленная работа по учету памятников архитектуры, революционного движения и др.; введен систематический учет всем раскопкам и экспедициям, проводимым в губернии; установлены прочные связи Губмузея с научными музейными центрами страны и т. д.

За два года, несмотря на огромные трудности, удалось добиться совместными усилиями музейщиков и краеведов—того, что музейная среда живет полной, хотя подчас и горькой жизнью.

Регулярно созываемые конференции и совещания являются узаконенным местом для обмена широким интересным опытом. Растущая из года в год (к сожалению—все еще медленно) издательская деятельность музеев и краеведческих объединений свидетельствует о росте научных матерьялов не в меньшей мере, чем о жизненности самих учреждений и организаций. Наши связи с очень широкими массами населения становятся тем прочнее, чем актуальнее проблемы, выдвигаемые перед музеями.

Что же представляет собою наша сеть музеев? Мы разбиваем ее по трем основным группам: I. Музеи краеведческие—их . . . 23
II. „ историко-бытовые— . . 12
III. „ мемориальные— . . . 8

¹⁾ См. статью Б. М. Клушанцева.

Музейный фонд и вновь организуемый музей безбожника стоят вне этой классификации. Таким образом, 45 музейных единиц с сотней тысяч экспонатов, с сотней тысяч первоклассных книг, с двумястами сотрудников, 250.000 рублей годового бюджета и 42 миллионами ценностей,—вот тот „основной капитал“, с которым приходится иметь дело музейно-краеведческому п/отделу Моно в настоящее время.

В целях характеристики этой сети возьмем наиболее типичные учреждения.

Раздел I—Музеи краеведческие—в свою очередь следует разбить на 3 подгруппы: большие уездные музеи с установившимся бюджетом, с достаточным штатом и помещением. Это—„благополучные“ и явно „аристократические“ музеи. Их два—в Дмитрове и в Воскресенске. О последнем достаточно сказать, что его бюджет выражается в 30.000 рублей. Эти музеи широко отразили в своих экспозиционных залах все стороны жизни своего края от неолитической стоянки до тракторизации современной деревни. Серия ежегодных экспедиций дает им возможность из года в год расширять свои залы за счет новых поступлений и новых чрезвычайно интересных опытов. Споры вокруг систематической и синтетической экспозиции выросли именно в этих музеях. Ландшафтный принцип, примененный в Воскресенском музее в виде опыта изучения одного района, явится ценнейшим вкладом в практику строительства краевых музеев, как равным образом и те остроумные приемы, которые применены в экспозиции кустарного отдела в Дмитровском музее. Оба музея стали подлинными центрами изучения уезда. Ни один вопрос местной культуры и хозяйства не проходит мимо музея и находит свое отражение в его залах. С большим сожалением приходится констатировать далеко недостаточное использование музейного материала и научных работ музея со стороны местных органов власти и руководителей хозяйства.

Другую подгруппу краеведческих музеев составляют музеи, состоящие на нищем уездном бюджете, лишаящем музей возможности какой-либо планомерной работы по изучению края. Те 2—3 тысячи рублей, которые получают на год эти музеи от местных Уик'ов едва хватает на содержание Заведующего музеем и технического служителя, а отсутствие достаточных средств на организацию научных работ в значительной мере снижает значение и силу этих учреждений. Все еще ничтожное внимание работе этих исследовательских центров в уезде лежит в основе и других трудностей, в первую очередь—жилищных: общий жилищный кризис Москвы и уездных городов тяжело отражается на работе музеев, лишенных самой необходимой площади для развертывания своих коллекций.

К этой второй подгруппе относятся музеи: в Можайске, Рузе, Ленинске, Сергиеве, Бронницах, Подольске. Все эти музеи возникли за годы Революции в результате прямых требований на изучение уезда, и подержка в их деятельности нам кажется столь же элементарной необходимостью, как и само изучение края для целей социалистического строительства. Непонимание этого часто приводит, как показал опыт, к совершенно напрасным расходам, вызванным незнанием края или плохой его изученностью.

Говоря о темных сторонах нашей действительности, нельзя обойти молчанием двух буквально драматических мест нашей губернии: Каширы и Орехово-Зуева. В течение 2-3 лет идут переговоры о создании краеведческих музеев в этих двух уездных центрах: из

года в год Орехово-Зуево якобы отпускает даже средства, но... дело никак не движется. Кашира после подлинного разгрома музея в 1924 году в истекшем году отпустила средства на восстановление музея, но после его восстановления — через 5-6 месяцев — вновь кредиты закрыли, и музей снова не существует. Все, что можно, МОНО делалось и делается для изживания таких явлений: был спасен от полной ликвидации музей в Звенигороде и Рузе; много потрачено энергии в борьбе за помещение в Ленинском музее, в Подольске; без числа совершались „визиты“ в Каширу, в Орехово и т. д.

К сожалению, всякие возможности имеют свои пределы: очень многого Губмузею не удалось добиться и до сего времени.

Было бы, однако, несправедливым видеть только минусы в работе и этой группы музеев. Напротив, с большим удовлетворением можно говорить о собирательской и научной деятельности Ленинского музея, при содействии краеведческого общества совершающего каждый год ряд экспедиций и энергично пополняющего свои коллекции; Сергиевского музея, всего лишь за один год развернувшего две больших залы с материалами по природе и быту своего уезда; Подольского музея, успевшего тоже за один год энергией одного человека собрать такое множество матерьяла, что его уже сейчас хватит на 3 таких комнаты, какую занимает этот музей. Таким образом вторую подгруппу краеведческих музеев характеризует наличие здоровой потенциальной силы, не находящей своего выхода исключительно вследствие недостатка средств и помещения.

Между этими группами надо поставить музеи, обеспеченные большими средствами, чем только что описанные, но еще не успевшие развернуть своей деятельности до пределов общеуездной работы в полном смысле. Эти музеи: Звенигородский, претерпевший тяжелый кризис в истекшем году в связи с его временным закрытием, сменой персонала и частичным сокращением сметы; Волоколамский музей, огромные трудности которого, как нам кажется, вытекают из его отдаленности от уездного центра; Богородский музей при Институте Краеведения, который в борьбе за помещение провел целый бюджетный год; наконец — два волостных опытных музея в Царицыне и в Ульяновской волости.

Третью подгруппу составляют внебюджетные волостные краеведческие музеи, возникшие по инициативе местных работников и до сего времени остающиеся без регулярного денежного субсидирования. Значение этой подгруппы музеев, пожалуй, не столько в их работе по изучению волости, сколько в неоспоримом культурном влиянии на организованные вокруг музея круги населения. К этой подгруппе относятся музеи: в Суханове Подольского у., в Мореве Можайского уезда, в Яхrome Дмитровского уезда, в Кудинове Богородского у., в Васильевском Клинского у., в Лопасне Серпуховского у., и в Софрине Сергиевского у. Большинство их выросло на основе работ по обеспечению краеведным материалом местных школ, собраны они руками учителей и школьников, и лишь в дальнейшем, когда работники будущего музея осознали себя, как коллектив низового научного краеведения, работа музеев пошла по линии изучения волости. МОНО считает своим долгом всячески помогать этим молодым краеведческим учреждениям и усиленно добиваться перевода их на твердый бюджет, который должен заменить те случайные ассигнования, на которые живут эти музеи до сих пор.

Вся эта группа краеведческих музеев губернии как бы завершается сравнительно недавно организованным методическим центром

краеведения в губернии вообще — Московским Кабинетом Краеведения — с одной стороны и... пока еще только „идеей“ Губернского Краеведческого музея — с другой. Оба названных учреждения между собою органически слиты, и работа одного никак не мыслится без другого. Вот почему, главным образом, мы встречаем столько трудностей в организации работ Кабинета Краеведения и вот почему даже открытая на страницах „Вестника Просвещения“¹⁾ дискуссия по этим вопросам не дает пока радикальных рецептов. Все дело, видимо, в том, что кабинет призван быть одновременно и лабораторией для самих краеведов и музееведов, и центром краеведной обработки учебного материала для единой школы, и средоточием глубокой проработки вопросов научно-исследовательской деятельности музеев. Всего этого Кабинет пока охватить совершенно не в силах, хотя все эти линии в работе для него ясны и бесспорны, — а отсюда общая неудовлетворенность Кабинетом и резкое расхождение между предъявляемыми требованиями и выполняемой работой. Нельзя забывать, впрочем, и о том, что Кабинет нормально существует только один год, который к тому же целиком ушел на организационное оформление и установление тех связей, без которых работа Кабинета вообще не возможна.

Что касается Губернского музея (или „музея по изучению Московского края“, как предпочитают называть его иначе товарищи), то вопрос о нем буквально не сходит с очереди в течение 3-4 лет. С именем Губернского музея справедливо связывают судьбу всего краеведения в губернии; никакое плановое изучение губернии просто не возможно без такого научно-организационного центра. Понятны поэтому неоднократные выступления Общества изучения Московской губернии в защиту этой идеи и в печати, и на различных съездах и собраниях.

Небезинтересно отметить попытку одного из наших видных работников заменить Губернский музей рядом Районных музеев, связанных между собою через планирующий всю работу Краеведный Совет и поставленных во главе „приписанных“ к нему уездных и волостных музеев. Так или иначе музейно-краеведные круги не покидала мысль об едином научно-организационном центре в губернии, и таким центром фактически стал Музей Центрально-Промышленной области. Прелюбопытная „борьба“ развернулась вокруг этого музея сначала в 1924—25 году, когда Моссовет предложил Наркомпросу содержать музей совместно, затем осенью 1927 года, когда над музеем повисла угроза его закрытия и наконец, летом 1928 года, когда как будто все были за передачу музея в ведение Моссовета, и несмотря на это музей остался за Наркомпросом, который и поспешил его ликвидировать (официально — „свернуть“) на целый год!.. Надо, чтобы эта печальная страница кем-нибудь была раскрыта.

Как-раз в ближайшие дни предстоит разрешение этого теперь уже не спорного вопроса — где быть музею — в правительственных органах. Но если бы и этого не случилось, то — все равно — в связи с образованием Центрально-Промышленной области музей должен перейти к областным органам власти, и тогда, наконец, Московское краеведение и музееведение обретут свой научно-организационный центр в Москве. К счастью, взаимоотношения, установившиеся у МОНО с музеем Ц. П. О., настолько дружественные и деловые, что уже и теперь обе стороны нередко извлекают немалую пользу

1) „Вестник Просвещения“ — орган МОНО — №№ 7-8 и 9.

для общего дела изучения края и поднятия на должную высоту краевой науки.

II группа музеев—историко-бытовых и художественных,—состоящая из 12 единиц, почти целиком содержится за счет МОНО. Исключение составляют: Серпуховский музей—с редким для уездного города собранием русской и европейской живописи и с начатой недавно краеведческой работой; небольшой Сергиевский музей, бывший до 1925 г. частным собранием А. А. Александрова, и разнообразное собрание пока еще не систематизированного материала в Егорьевском музее.

Все три музея по природе своей крайне различны, никакой сколько-нибудь общей идеей не связаны и исторически абсолютно случайны: Серпуховский музей мог возникнуть и в Егорьевске, если бы Егорьевский купец сумел привести столько же картин в свой дом, сколько их привез купец Серпуховский, или наоборот.

Но это обстоятельство нисколько не умаляет того редкого собрания, которое представлено в Серпуховском музее или той серьезнейшей работы, которая еще предстоит Егорьевскому музею.

Вся группа историко-бытовых и художественных музеев состоит из двух музейных типов: монастыри-музеи и усадьбы-музеи.

И тому и другому типу музейного строительства в настоящем сборнике посвящены специальные статьи, и это освобождает нас от необходимости подробной характеристики каждого музея. Остановимся на вопросах, объединяющих и осмысливающих работу этих музейных организмов в целом.

Как бы органически не были связаны эти музеи с краем, с губернией и какую бы „краевую“ печать они на себе ни имели, все же эти музеи—монастыри и особенно усадьбы—не могут считаться достоянием одной Московской губернии. Известно, что за вычетом двух небольших усадеб под Ленинградом, по всей РСФСР не сохранилось более ни одной усадьбы, где бы уцелела в своей неприкосновенности эта дворянская культура по меньшей мере полутора столетий. Элементарное материалистическое отношение к этому вопросу не дает нам никакого права на легкомысленное или сколько нибудь небрежное отношение к этим удивительным памятникам прошлого. Все эти усадьбы-музеи с их картинными и портретными галереями, с анфиладами комнат и первоклассной заграничной мебелью должны сделаться могучим орудием познания культурного прошлого и овладения методом исторического материализма в руках наших многочисленных экскурсоводов; вина наша, как и наша общая беда в том, что мы до сего времени эти музеи не умеем еще использовать в целях подлинной массовой работы.

К сожалению, о каждом из таких музеев, поскольку они не служат непосредственно делу хозяйственного возрождения страны, подобно краеведческому музею, принято судить по количеству посетителей; а все они отстают обычно за несколько верст от железной дороги и даже в летнее время, не говоря о зиме, при нашем бездорожье—не могут быть использованы в должной мере.

Стоит только представить себе Москву, через пять-десять лет соединенную электрической дорогой с Мурановым или Архангельским, как жизнь этих подмосковных музеев-усадб буквально закипит в течение круглого года, что с такой убедительностью подтверждает уже сейчас Останкинский музей, соединенный с Москвою трамваем.

И еще одно обстоятельство объединяет эту группу музеев: это до последней меры досадная неналаженность так наз. внемузейной

работы этих учреждений с населением. За истекшее время лишь в виде опыта удалось развернуть эту работу в одном только усадебном музее— в Абрамцеве; имеются все основания считать, что мы вплотную и очень деятельно подошли к этой работе в другом усадебном музее— в Остафьеве.

Большая и интересная научная работа музеев-усадб, совершенно естественно, в настоящее время сводится к необходимому анализу ценнейшего архивного материала. Именно на нем мы решаем и другую сторону музейно-усадебной жизни, которая до сих пор так безобразно слабо отражена в этих музеях-дворцах и которая должна обнажить социальные корни и быта и искусства, представленного в великолепных залах Кускова, Архангельского или Остафьева. Этот благодарный краеведческий материал в процессе работы отдельных наших музеев уже теперь приобретает общероссийскую значимость, и ему мы отводим одно из первых мест во всей нашей работе.

Из трех монастырей Москвы, сохранных в качестве музеев, наиболее законченным и полным комплексом можно считать бывш. Донской монастырь-музей, где в таком редком по силе сочетании встретились: церковная и гражданская архитектура XVIII века, лучшее, что уцелело от кладбищенской и церковной, мраморной и бронзовой скульптуры передовых мастеров того времени, особенно интересен удачным подбором реалистической церковной живописи эпохи перехода к светскому письму и своим единственным в стране, к сожалению далеко еще не полным, музеем надгробий, где собраны работы Витали, Пименова и др.

Едва ли не самым трудным местом в работе музейного отдела МОНО следует считать два других монастыря: Симонов и Новодевичий. Первокласная архитектура XV-XVII в., данная в обоих этих музеях, ни в какой мере не облегчает положения. И это объясняется тем, что ни один музей (монастырь-музей в том числе) не может не иметь своей физиономии, своего собственного лица; быть же только музеем архитектуры совершенно не достаточно как со стороны внутримузеевнй научной работы, так и с точки зрения посетителей. Длительные и всем хорошо знакомые разговоры об антирелигиозном уклоне в работе музеев-монастырей тоже не решают вопроса, т.-к. они касаются методов работы с посетителями, а не экспозиционных материалов.

С неоспоримым успехом нам удалось разрешить эту сторону дела в б. Донском музее, который по самому подбору материала (живопись, скульптура, документы по экономике владения) является не плохим центром антирелигиозной активной работы.

Этого никак не скажешь ни о Симоновом, ни о Новодевичьем монастыре. Коллективные усилия разрешить этот вопрос привели нас к мысли о создании в Симоновом монастыре музея обороны Московского государства с XIV по XVII век, а в Новодевичьем монастыре-музея шитья, которым славился Новодевичий монастырь на протяжении веков. Разрешение этих, самих по себе интересных задач, упирается в огромные трудности, связанные прежде всего с подбором матерьяла и его ограниченностью. Непременной задачей каждого из музеев монастырей (а таковые мы имеем еще в Воскресенске, Звенигороде, Волоколамске) считается собиание и графическое выявление матерьялов по экономике и истории монастыря: эти матерьялы убедительно вскрывают крепостническую феодальную сущность монастырей и их эксплуататорскую роль в хозяйственном строе до-

революционной России. В самое последнее время оживленно стала дебатироваться мысль о вводных кабинетах при такого рода музеях. Задача кабинета в том, чтобы на нескольких наиболее ярких примерах показать посетителям, как надо рассматривать *весь* выставленный в музее материал, что и как надо изучать в музее для наиболее правильного материалистического восприятия и усвоения всего, что заполняет территорию музея-монастыря. У нас нет никакого сомнения в том, что этот кабинет, несмотря на очевидные трудности в его организации, станет ближайшим помощником экскурсовода или музейного работника.

III группа музеев — мемориальные музеи. Сюда относятся такие различные учреждения, как Мураново и Кутузовская изба, как Яропольцы и Бородино. Впрочем и эти 8 музеев не трудно поделить на музеи, связанные с именами выдающихся деятелей (Ф. И. Тютчева — в Муранове, Ф. М. Достоевского — в Москве и в Даровом Каширского уезда, А. С. Пушкина — в Яропольце Волоколамского уезда, П. А. Кропоткина — в Москве и в Дмитрове), и на музеи, связанные с выдающимися событиями, как Бородинский музей в Можайском у. и Кутузовская изба под Москвою (оба связаны с войною 1812 года) и Краснопресненский музей, основанный на месте и в память событий 1905 года, а затем и революции 1917 года в районе.

Если к этому добавить, что в настоящее время организуется новый интересный тип музеев — музей антирелигиозной пропаганды, вся работа которого — и массовая, и научная — пока еще впереди, то сеть музеев Моно будет охарактеризована полностью.

Естественно спросить о перспективах, о плане, о строительстве музеев и, в связи с этим, — о музейной политике в губернии. Ведь, если можно говорить о музейном строительстве, как говорят о строительстве школьном, заводском и пр., то лишь при условии, что в него вносятся сознательные волевые моменты — с одной стороны, и что оно развивается в соответствии с каким-то планом. Вот этой сознательности, этого плана в музейном строительстве по Московской губернии до сих пор нет, — и это мы относим к числу огромных минусов в своей работе, хотя субъективно мы очень мало в этом повинны.

Необходимо прежде всего установить, что вопросы роста музейной сети, музейного строительства в широком смысле могут быть отнесены только к музеям краеведческим. Ни о каком строительстве музеев усадебного типа не может быть речи; едва ли займет значительное место в этом вопросе и группа новых мемориальных музеев (рост которых, конечно, не исключен в связи с тем или иным юбилеем, смертью того или иного писателя и пр.). Об органическом росте музейной сети можно говорить лишь применительно к музеям краеведческим. И этот вопрос был обращен к Моно двумя своими сторонами: одна сторона — заполнение бреши в 3-х уездах (Коломна, Орехово, Клин) и другая сторона — поднятие существующих музеев на должную высоту, выведение их научно-исследовательской работы из того тупика, в который попали отдельные музеи из-за систематического безденежья. С разрешением этих двух задач можно было бы считать дело изучения губернии поставленным на твердые ноги. Особняком стоит вопрос о развитии сети волостных краеведческих музеев. Исходя из реальных денежных возможностей, Губмузей МОНО считал необходимым открыть в плановом порядке за пяти-

летие 9 музеев в т. н. образцовых волостях, часть которых случайно совпала с волостями, где по местной инициативе уже возникли волостные музеи,—и это составляло наш план-минимум. Оптимальный же вариант был рассчитан на то, чтобы открыть музеи во всех типичных по характеру производства волостных и фабрично-заводских центрах губернии. Этот стержневой принцип предусматривал организацию музеев а) по сельско-хозяйственному разрезу в районах: льняном, торфяном, садово-огородном, молочно-луговом и др., б) по кустарно-промысловому разрезу в районах: керамическом, мебельном, ткацком, башмачном и пр., в) по заводскому разрезу в районах: текстильном, машиностроительном, фарфорово-фаянсовом и др. В этот же круг явлений вводились музеи: крепостная фабрика (в Остафьеве), первая мануфактура (в Орехово-Зуеве), посессионная фабрика (а Богородске), крестьянский двор XVIII века и др. На этом фоне очень ярко выступали и обращенные в музеи барские усадьбы, выросшие на том социально-экономическом окружении, которое представлено в производственных музеях. Этот стройный план развития музейной сети в Московской губернии¹⁾ целиком охватывает музейные объекты под открытым небом, как городища, валы, архитектурные памятники, заповедники и открывает при наличии достаточных средств широкую перспективу для исследовательской работы. В план входят также музей гор. Москвы (Коммунальный музей) и районные краеведческие музеи, выделенные из теперешних педагогических музеев в помощь школе.

Разумеется, все это планирование подлежит коренному пересмотру в связи с предстоящей организацией области и созданием округов. Как очень грубую перспективу в этой новой обстановке можно считать создание музеев на изложенных только что принципах—применительно к порайонному делению Центрально-Промышленной области, с созданием которой Москва с округами станет огромным плацдармом музейно-краеведческой работы.

Если можно говорить в связи с планированием музейного строительства и о музейной политике, то она в основном определяется задачами изучения края (губернии с уездами или области с округами) при чем в круг этого изучения войдут и музеи усадебной культуры, и те лучшие образцы искусства, которые собраны в небольших картинных галереях или музеях-монастырях.

Прежде чем перейти к содержанию работы музеев, в двух словах осветим бюджетный вопрос по состоянию его на новый 1928—29 год. Всего на 26 музеев губернского бюджета отпускается 165.000 р. (беру с округлением), что дает в среднем 6 с небольшим тысяч рублей на каждый музей. Суммы, которые падают на каждый музей в отдельности, колеблются от 1.500 р. (Рузский музей) до 22.000 рублей (Воскресенский музей). По группам большая сумма денег падает на историко-художественные и бытовые музеи, требующие больших средств для охраны, поддержания усадеб и пр. Дополнением к указанной сумме губернского бюджета служат т. н. специальные средства, исчисляемые в 95.000 рублей; эти деньги не идут в общий фонд музеев и потому увеличивают бюджет лишь тех 15-ти музеев, которые эти средства собирают. Следующая таблица дает понятие о сводных бюджетах по всем 4-м группам музеев.

¹ Выработан Н. С. Елагиным и одобрен отделом.

№№	Группы музеев	Получают по губ. бюджету				Получают по спец-средствам				Приходится в среднем на один музей по обоим источникам
		Ск. укрежд.	Всего в год	В т. ч. на зарплату	В среднем на кажд. музей	Ск. укрежд.	Всего	В т. ч. на зарплату	В среднем на 1 музей	
1	Краеведческие . .	8	67.246	43.678	8.406	4	13.792	5.452	3.448	4 музея по 8.406 руб. и 4 музея по 11.754 р.
2	Историко-художественные . . .	9	65.640	44.534	7.293	9	69.042	26.378	7.671	14.964
3	Мемориальные . .	7	15.782	9.121	2.254	2	526	—	263	2.517
4	Другие	2	13.613	9.991	6.807	—	—	—	—	6.807

Таким образом суммарно бюджет всех музеев губернского бюджета выражается в 260.000 руб. без капитального ремонта, на каковой отпускается особо 36.000 руб. по 12-ти учреждениям.

Бюджет уездных музеев еще не известен, но едва ли он резко будет отличаться от бюджета прошлого года, который определился в 37.000 рублей по 11-ти учреждениям. В обоих бюджетах обращает на себя внимание сокращение расходов административно-хозяйственных и рост научно-организационных расходов. За два года при росте губернского бюджета с 60-ти до 165.000 руб. (соответственно росту сети музеев), т.-е. на 150% ассигнования на научную часть выросли с 2½ тысяч рублей до 20 тысяч рублей, т.-е. на 800%, тогда как административно-хозяйственные расходы поднялись с 18.000 р. до 30.000 р., или на 60%. Цифры эти не столь, разумеется, важны в своем абсолютном выражении, сколько в том, что они указывают на здоровую тенденцию к развитию научно-исследовательской работы. Именно при этом условии стала возможной та обширная исследовательская деятельность, которая характеризует нашу музейную сеть за последний год и которая глубоко осмысливает самое существование музеев.

* * *

По своему содержанию работа каждого музея распадается на научную часть, куда входят: работа над коллекциями, вне музейная собирательская работа, издательство и часть политико-просветительную, слагающуюся из экскурсионной работы с посетителями, из лекционно-выставочной работы и популяризации всей деятельности музея через печать (газета, путеводитель, листовка). Каждую из этих отраслей работы придется освещать по тем же группам музеев: краеведческих, историко-бытовых и мемориальных.

Мы имеем все основания быть не удовлетворенными научной работой усадебных музеев, которые за 5—6 лет их бюджетного существования не сделали, к сожалению, и половины того, что

могли и должны были сделать; лишь последний год оказался годом бесспорного оживления этой деятельности, что нельзя не объяснить в известной мере некоторой свободой маневрирования средствами музеев. Научная работа усадебных музеев за последние 1½ года буквально покрывает все то, что было и не было выполнено за предыдущее время.

Особенно интересно развернулась работа во дворце-музее „Архангельское“; музей энергично работает над восстановлением картинной галлерей „Архангельского“, разбросанной по различным музеям Москвы и Ленинграда; работы музея над историей и экономикой владения уже дали возможность развернуть ценнейший материал по крепостному праву и дать ряд любопытных документов по истории искусства и по истории фабричного строительства (Купавинская фабрика, фарфоровый завод). Острая ограниченность в штатах музея не дает возможности ускорить темп этих работ. В аналогичном направлении развернулись работы „Останкина“ и „Кускова“, которым удалось (особенно „Останкину“) извлечь и выявить из шереметевских архивов большого значения материалы по крепостному праву, дворцовому строительству, крепостному театру и др. Ценную работу развернул Абрамцевский музей в области изучения кустарного производства своего района, как известно, выросшего вокруг абрамцевских мастерских. Неисчерпаемые материалы для научной работы критика-литератора и искусствоведа-художника дает „Остафьево“, до сего времени — девственный в этом отношении музей. За десять лет ничего не вышло из этого музея, хотя библиотека его полна всевозможных заметок и собственноручных записей целой плеяды русских писателей, хотя собрание гравюр (до 30.000 ш.) до сего времени даже не описано, не говоря об изучении, хотя среди коллекций музея достаточно назвать уникальную группу германских примитивов XIV—XVI века и т. д.

В отношении научной работы все усадебные музеи, правда, поставлены в очень своеобразные условия, явно мешающие нормальному ходу дела: в течение всего лета эти музеи — под напором посетителей; всякие перевозки, перевески, изъятия предметов для изучения, наблюдения, описания крайне затруднены, а с наступлением холодов работники музеев лишаются физической возможности работать в самом музее и вынуждены урывками вести свою работу в отапливаемой комнате какого-либо из соседних зданий.

Наряду с оживлением собирательской работы и работой по изучению самих коллекций музея последние 1½ года отмечены также началом издательской деятельности усадеб, пока еще чрезвычайно узкой и ограниченной.

Научно-организационная работа музеев-монастырей выразилась, главным образом, в собирании коллекций и в систематизации монастырских библиотек и архивов. Та целевая установка, которая дана каждому из музеев-монастырей, определяет целиком и их собирательскую деятельность: музей б. Донского монастыря с огромным успехом собрал в своих залах единственную коллекцию кладбищенской скульптуры и предметов искусства XVIII века (шитье, ткани, живопись, деревянная скульптура, книга и др.); Симонов монастырь — крепость занят энергичным собирательством предметов вооружения и обороны XIV—XVII веков; в Н.-Девичьем систематизируются материалы по истории золотошвейной мастерской, что наиболее полно характеризует вековое прошлое этого монастыря. Общей для всех монастырей работой является изучение экономики монастырей, как

крепостников-феодалов, как опоры самодержавия; обработка этих матерьялов явится первым и наиболее реальным шагом к активной анти-религиозной работе музеев-монастырей. Видную часть научной деятельности этих музеев составляют также реставрационные работы, проводимые над памятниками архитектуры и живописи в этих монастырях.

Работа краеведческих музеев никак не мыслится вне научно-исследовательской деятельности, как бы узка по отсутствию средств эта деятельность порою ни была: поэтому каждый музей с момента своего основания в большей или меньшей мере ведет научную работу. Но наиболее широкое развитие ее также падает на последние 1½—2 года. За это время все краеведческие музеи далеко продвинулись по пути изучения своего края и в настоящее время с полным правом заняли место научно-исследовательских центров в своих районах. Это изучение далеко еще не стало все-сторонним и рассчитанным на непосредственное обслуживание хозяйственного и культурного строительства в губернии, местами оно еще из рук вон плохо обеспечено средствами и подготовленными работниками,—но в целом по губернии нашими музеями ведется большая и нужная работа. Наиболее полно развернуты работы по изучению природы и природных богатств (производительных сил) губернии; отдельные музеи в этом отношении имеют огромные успехи (Воскресенский, Дмитровский, Богородский). Это обстоятельство важно вдвойне: во-первых, оно свидетельствует о том, что нами собраны основные богатства историко-культурного характера, чем были заняты музеи долгие годы, и силы музеев развязаны для новой работы по изучению экономики и природы края, а во-вторых, оно указывает на то, что наши музеи уже принимают посильное участие в реконструкции хозяйства страны, а это — лучший для них аттестат.

По линии изучения природы находит свое разрешение давний спор музеев о принципах экспозиции: всеобщее внимание завоевывает ландшафтный принцип, по которому успешно развешиваются материалы в том же Воскресенском и Дмитровском музеях. Широкое практическое применение находят работы Богородского Института краеведения и музея над глинами и фосфоритами своего уезда.

Не менее интересны работы музеев над экономическими вопросами, хотя последние все еще занимают далеко не первое место, что объясняется, впрочем, отсутствием среди музейных работников специалистов этого дела. Наиболее изученной и выявленной отраслью хозяйства по музеям оказываются кустарные промыслы, которые привлекают широкое внимание музеев не только выигранностью своей экспозиции, но и тем удельным весом, какой они занимают в хозяйстве губернии. Некоторые музеи при активном участии краеведческих объединений проводят опыт монографического изучения деревни, которая в поле зрения музеев занимает очень большое место по всем разделам работы: в экономике деревни, в сельском хозяйстве, в этнографии, в кустарных промыслах и пр. Вообще говоря, лицо деревни музеями отражается неизмеримо полнее, чем лицо города и фабрично-заводского центра, который мы явно не научились еще отражать в наших экспозиционных залах.

Это наше неуменье служит предметом постоянных упреков и нареканий, как — в одинаковой мере — и однобокость в изображении самой деревни: ни один музей не сумел еще дать лик современной советской деревни, даже элементы этой новой деревни подаются слабо и неубедительно. Предъявляемое к нам требование — пере-строиться, переключить наше внимание на новое (отнюдь, разумеется,

не забывая о старом, об уходящих явлениях быта и экономики) — всеми нами принимается без особых споров: остановка лишь за осуществлением.

Необычайно интересны работы некоторых музеев, проводимые над жгучими вопросами современности: над изучением дорог, над изучением рынка-базара и связанных с ним путей экономического тяготения, над районированием губернии и др. По этим разделам работа ведется не только уездными, но и волостными, внебюджетными музеями, вокруг которых для такой работы формируются кадры добровольцев-краеведов из учащейся молодежи, учительства, передового крестьянства.

В области истории и культуры ведутся широкие работы по краевой этнографии, палеонтологии и археологии, охраны памятников искусства, истории революционного движения в районе. Последняя работа, за вычетом 2-х музеев, ведется с досадной медлительностью, несмотря на всякие обращения, программы и указания, хотя она и представляет огромный интерес для историка-архивиста, и хотя эта работа в огромной мере сближает музей с нашей общественностью. Нет недостатка в этнографических и археологических работах по губернии: работы эти ведутся не только музеями МОНО и краеведческими организациями, но и многочисленными научными учреждениями Москвы, в частности — Вузами. Надо, наконец, упомянуть издание некоторыми музеями географических карт своего края.

Вся эта широкая работа музеев по изучению губернии ищет своего прямого выхода в издательстве — с одной стороны и в планировании ее — с другой.

К сожалению, ни один музей не только МОНО, но и вообще Москвы не может похвастаться своей издательской деятельностью и поспорить, скажем, с Костромским или Переславль-Залесским музеем. Как и по усадебным музеям, издательство краеведческих музеев находится буквально в зародыше. Если исключить полдюжины небольших брошюр, выпущенных Воскресенским и Дмитровским музеями, то едва ли мы найдем что-либо солидное, что станет на издательский актив краеведческих музеев. С издательством у нас вообще очень плохо, и Музейный п/отдел считает своей генеральной задачей развитие этого дела.

Теперь о планировании научной работы музеев. Если бы за истекшее время была проделана работа и в десять раз большая, все равно она не будет оценена должным образом до тех пор, пока в нее не будет внесена строгая плановость и подлинная увязка с текущими задачами хозяйственного строительства. Лишенная до сих пор этой увязки, научно-исследовательская работа музеев шла мимо спроса и требований наших хозяйственных и планирующих органов. Попытки войти в такую связь с Упланами, Уик'ами, выработать общий план исследовательских работ были неоднократно; но все они упирались или в отсутствие твердых ассигнований на это дело, или в неясность общего плана, или, наконец, в недоверие к нашей работе. Было и такое!..

Было и пока есть!.. Сейчас мы стоим перед вполне реальной попыткой такую увязку провести: в ближайшее время начнет свои работы Губернский Краеведный Совет, в задачи которого входит учет и координирование всей научно-исследовательской деятельности, проводимой различными учреждениями и организациями по изучению Московской губернии.

На работе Губернского Краеведного Совета, как она нам рисуется сейчас, надо остановиться тем более, что, в связи с появлением о Совете хроникерских заметок в газетах, мы уже получили несколько запросов из других губерний о „положении“ и о практической деятельности Совета. Никто из нас не скрывал того, что предстоящая деятельность Краеведного Совета не раз вызывала в нас сомнения; и до сего времени мы не уверены в том, что нам легко удастся одолеть всевозможные канцелярии Московских научных учреждений, чтобы выяснить проводимые этими учреждениями ежегодно исследовательские работы по Московской губернии и чтобы свести в единый общий план, как и общий ежегодный итог, все, что делается в этом отношении по губернии за год.

Сравнительно недавно на Президиуме Центрального Бюро Краеведения удалось слышать увлекательные сообщения о состоянии исследовательских работ по двум крупным районам нашей Рес-публики: по Северо-Кавказскому краю (Ростов-Дон) и по Дальнему Востоку (Хабаровск). И в том и другом крае за последнее время созданы специальные центры, ведущие систематический учет всем тем работам, которые проводят разнообразные правительственные и местные органы, научные учреждения, организации, учебные заведения и пр. в области изучения своего края. Такие центры даже планируют исследовательскую работу и планируют ее на пять лет. По Дальнему Востоку или по Северному Кавказу точно установлены работы на пятилетие в области геологии, изучения пушного или рыбного промысла, археологических раскопок, этнографии, исследования почв и т. д., и т. п. Нет сомнений, что планирование такой работы не может быть совершенным; но самый факт существования такого органа в крае, который следит за ходом исследовательских работ, учитывает их и даже регулирует, не может не вызвать завистливого чувства у каждого краеведа и нашей Московской губернии.

Московский Краеведный Совет и должен стать таким именно центром учета (на первых порах—хотя бы только учета!) всех научно-исследовательских работ, проводимых в губернии.

Для характеристики научной работы группы мемориальных музеев необходимо указать на частное соби-рание материалов по жизни и творчеству Ф. М. Достоевского (музей его имени); на широкую работу Мурановского музея над архивом Тютчевых, открывающую все новые и новые страницы как в творчестве поэта, так и в истории нашей культуры, и пользующуюся заслуженной известностью; на широкую сравнительно с другими издательскую деятельность этого музея (см. его „каталоги“ к выставкам, „Мурановский сборник“). Но, кроме этих двух учреждений сколько-нибудь значительной научной работы в группе мемориальных музеев не ведется.

Нам остается осветить массовую просветительную работу музеев. Как известно, вопросы обслуживания масс в музеях являются наиболее актуальными и наиболее трудными вопросами. При соответствующих условиях мы сможем найти нужного нам специалиста для разработки того или иного вопроса, для определения вновь поступивших материалов, для консультации при экспозиции нового отдела музея и т. д. Мы знаем немало музеев с образцово поставленной научной работой, но буквально нет ни одного музея, где бы не жаловались на недостатки массовой работы, на плохого руководителя экскурсий, на плохо составленный путеводитель, на слабую просветительную работу с населением и т. д.

и т. п. Музеи, работа которых освещается в этой статье, не составляют приятного исключения: нарекания к нам идут по всем линиям и через администрацию музеев, и через печать, и через те многочисленные заседания, где нам или самим музеям приходится отчитываться в своей работе. Жалуются на то, что руководитель рассказывает про всякие стили — барокко и ампи́р, — а социально-экономической основы под эти стили не подводит; рассказывает о владельцах дворца или усадьбы, строителях, перечисляет всех родичей Юсупова, Шереметева, забывая, видимо, о том, что эти родословные только путают новичка-посетителя, в голове которого образуется ужасная каша от Голицыных в Архангельском, Голицыных в Вяземах, Урюпине, Дубровицах и т. д.; жалуются на то, что наши краеведческие музеи отвечают на все, а вот на какой-нибудь особый вопрос ответить не могут; что во всех краевых музеях ни за что не найдешь подлинной жизни уезда в наши дни и т. д.; жалуются на отсутствие лекционной, недостаток выставочной работы в музее, на то, что население не видит в музее действительного центра научно-просветительной работы, хотя таким центром музеев должен быть не в меньшей мере, чем в области собственно-научной работы.

Таким образом, в сложнейший узел сплетаются эти отдельные требования, с которыми подходит к музею население и органы власти. Естественно, что пока наши музеи будут музеями, т. е. учреждениями, которые не только ведут нужную стране научную работу, но и открывают свои залы для посетителей, этот комплекс вопросов не перестанет стоять в центре нашего внимания.

За два года Губмузеем сделано немало для разрешения некоторой части стоящих в этом кругу вопросов; но все сделанное — капля в море требований и законных претензий. Особенно остро в данное время стоят два вопроса: 1) изучение посетителя и работа с ним и 2) создание вокруг музея постоянного коллектива, из которого вырастет и огромная воспитательная работа над самим коллективом, и широкая массовая работа. Опыт организации „друзей музея“, который сейчас настойчиво рекомендуется, удалось провести в одном из наших музеев и, судя по сообщениям (непосредственно эту работу наблюдать не пришлось) — успех этого дела очевиден: музей („Абрамцево“) стал „другом“ 4—5 десятков местных граждан, которые собираются регулярно для чтений, бесед, организации выставки, сбора материала и пр. Это сделано в небольшом усадебном музее, где не слишком развернешься, где возможности крайне ограничены. Здесь нет смысла повторять те советы и примерные планы просветительной работы, которые не один раз уже давались. Надо лишь подчеркнуть, что наблюдающемуся консерватизму, неподвижности в этой сфере музейной деятельности надо положить конец. Учитывая всякие извиняющие обстоятельства, надо однако сказать, что большинство музеев к этому делу все еще относится с прохладцей, упорно забывая, что широкие массы, население судит о нашей работе как-раз по успехам на этом участке.

Посетителей через наши музеи проходит свыше 260.000 человек в год. Правда, это едва составляет четверть той массы посетителей, которая ежегодно заполняет государственные музеи Москвы (свыше миллиона человек). Но эти две цифры вместе свидетельствуют уже о том, что по крайней мере четверть всего населения губернии посещает свои музеи и знает их. А это возлагает на нас особую ответственность за работу с посетителем.

Сводные данные о посещении музеев за последний год позволяют сделать следующие основные выводы:

1) главная масса посетителей направляется в музеи усадебного и историко-художественного характера; только за летние месяцы музеи-усадьбы пропускают больше посетителей, чем краеведческие музеи за весь год.

2) мы имеем совершенно ненормальную нагрузку усадеб-музеев в праздничные летние дни при отсутствии посетителей в другое время; в таких музеях, как Кусково и Останкино, нагрузка доходит до совершенно недопустимых пределов, когда ставится под сомнение самый смысл такого посещения музея.

3) ничтожно малый % посетителей крестьян (2% по усадебным музеям и 17% по краеведческим), что заставляет нас вновь и вновь подумать о расширении культурной работы среди населения.

Для обслуживания широкой волны посетителей нужны хорошо подготовленные руководители, знающие материал музея и могущие дать вполне материалистическое, созвучное времени освещение этому материалу. Здесь мы упираемся в задачу переподготовки экскурсоводов, вполне актуально поставленную в последнее время.

В помощь посетителям (группам и одиночкам) наши музеи выпускают двоякого рода издания: путеводитель с подробным освещением всех сторон деятельности музея и всех основных групп выставленных материалов и листовку с коротким доступным изложением того, что необходимо знать о данном музее, как минимум. Издание таких листовок некоторые музеи распространяют на отдельные залы музея, на отдельные темы проведения экскурсии.

Лекционно-выставочная работа музеев развернута далеко не достаточно. Едва ли больше, чем два-три музея успели ввести это в систему своей работы. Наиболее ценными моментами в этой работе музеев можно признать организацию следующих выставок за последние 1—2 года:

- 1) выставка по изучению деревни в Воскресенском музее
- 2) выставка садово-огородных культур „ Царицынском
- 3) выставка осветительных проборов „ Останкине
- 4) выставка „Крепостной театр“ там же
- 5) выставка Садово-паркового строительства в Кускове
- 6) выставка Ф. И. Тютчева „ Муранове
- 7) выставка местных художников „ Серпухове

И только!.. Лекционная же работа в музеях вообще прививается плохо. Между тем, нам не раз приходилось говорить о тех широких возможностях, которыми располагает каждый музей, усадебный и краеведческий в равной мере. Надо заметить, что текущий год будет годом значительного оживления в этой области. Целым рядом музеев намечено проведение выставок, выездов на предприятия, цикла бесед, чтений и пр. Текущий год станет проверкой наших сил и умения использовать огромный культурный рост населения.

Очерк музейного строительства в Московской губернии не будет полным, если не сказать еще об одной задаче музеев. Эта задача—научно-краеведное обслуживание учебных и политико-просветительных учреждений и в первую очередь—школы и избы-читальни. Всем хорошо знакомая триада музей-школа-краеведение—далека еще от сколько-нибудь удовлетворительного разрешения; те отношения, которые установились у музея с школой, оставляют желать очень многого, несмотря на широкую работу, развернутую отдельными музеями. Основное, что бросается при этом в глаза—случайность, неорганизованность всей работы музея с школой и очень часто—ее неконкретность. Целый ряд задач, поставленных перед

музеями в этом направлении, ждут своего разрешения. Важнейшими из этих задач надо считать:

1) систематическую подготовку краеведческими музеями краевого материала для развития, хотя бы узловых тем программы Гус'а, хотя бы по кварталам учебного года;

2) постоянные выставки с меняющимся материалом в помощь той же школе;

3) создание вокруг музеев постоянных кадров из учительства и старших групп учащихся;

4) издание популярных пособий для школы, в роде: „одежда в нашем уезде“, „фабрики нашего уезда“, „реки нашего уезда“ и т. д.;

5) издание хрестоматийных материалов для школы на основе изучения края;

6) участие музеев в работе курсов по поднятию квалификации учительства и т. д.

Целый ряд из этих мероприятий нашими музеями уже проводится, не без успеха начал свои работы кабинет краеведения, и надо лишь всему делу придать систематический, плановый и широко-общественный характер.

В заключение—о кадрах... Кто же ведет и должен вести всю эту работу? Штатный вопрос отнюдь не является маленьким делом. Те 75 штатных единиц административно-научного персонала, которыми располагают наши музеи, едва дают 2-х человек в среднем на каждый музей. Привлечение даровых сил местных культурных работников кажется совершенно неминуемым. И к этой мере прибегают музеи: есть отдельные случаи, когда музеи обрastaют постоянным и вполне надежным кругом лиц, с помощью которых музею удастся разрешать серьезные и ответственные задачи и собирательства, и экспозиции, и научной обработки материала.

Конечно, на ряду с этим у каждого музея имеется постоянный круг специалистов, приглашаемых на сдельную разовую работу, для консультации и пр. Некоторым музеям удастся из года в год проводить по своим специальным средствам или случайным денежным остаткам практикантов из среды студенчества. Но все это, однако, ни в малейшей мере не покрывает огромных требований, стоящих перед музеем, и вопрос расширения штатов научного персонала остается одним из актуальнейших вопросов применительно ко всем музеям, особенно же к музеям краеведческим.

Таким образом, три важнейшие проблемы стоят перед музейным строительством:

1) широкое развитие массовой просветительной работы с населением;

2) научно-краеведное обслуживание школы и политико-просветительных учреждений;

3) изучение экономики, природы, культуры края в целях содействия социалистическому строительству наших дней.

Широкий круг вопросов внутри-музейного характера (экспозиция, план, программа новых отделов и т. д.)—лишь ингредиент трех основных и стоит в тесной зависимости от них. Раскрытие этих обоих кругов—и большого и малого—задача не одного года и задача не из простых. Здесь нужно большое напряжение сил и прежде всего—привлечение советской общественности, привлечение передовых рабоче-крестьянских масс к изучению своего края и к активному музейному строительству.

Музеи-усадьбы Московской губернии.

В настоящее время в Московской губернии имеется 9 музеев-усадьб: Абрамцево, Архангельское, Коломенское, Кусково, Мураново, Никольское-Урюпино, Останкино, Остафьево и Царицыно. Восемь из них находятся в ведении Музейного П Отдела М. О. Н. О., а одна — Коломенское, является филиалом Государственного Исторического Музея.

Первое, что является характерным для всех названных музеев-усадьб, это то, что они не повторяют друг друга. В каждом есть такие индивидуальные черты, которые не встречаются в других. Две из усадеб — Коломенское и Царицыно, являются царскими усадьбами, 6 — Архангельское, Кусково, Мураново, Никольское-Урюпино, Останкино и Остафьево, — чисто дворянскими и одна Абрамцево — дворянско-купеческой. Таким образом большинство нынешних музеев-усадьб Московской губернии принадлежало в прошлом одному и тому же общественному классу. Тем не менее и они индивидуально хорошо различимы и, давая каждая в отдельности яркие картины из прошлого быта когда-то „первенствующего“ сословия взятые вместе, дают возможность чрезвычайно разносторонне и глубоко познать этот быт. Объясняется это тем, что дворянство, будучи единым классом, объединенным общими экономическими интересами, распадалось на целый ряд групп и по общей сумме своих материальных достатков, и по своему культурному уровню, и — в силу всего этого — по всему складу своего быта. Как нельзя по бюджету Шереметевых судить о доходах и расходах других дворянских фамилий (несмотря на известные черты сходства: в источниках доходов, в назначении основных статей расхода и т. п.), так и по бытовой обстановке Кускова нельзя судить о быте владельцев Никольского-Урюпина или Муранова. Только изучение всех названных дворянских усадеб до некоторой степени может привести к пониманию дворянского бытового уклада XVIII—XIX в.в. Мы говорим „до некоторой степени“, так как, во-первых, хронологически все 6 музеев-усадьб захватывают довольно ограниченный отрезок времени: вторую половину 18-го века и первые $\frac{3}{4}$ 19-го века. Таким образом, не полностью охвачены и эти два столетия, не говоря уже о том, что о 17-м столетии они не дают никакого представления. Во-вторых, они изображают быт по преимуществу высшего и отчасти среднего (в имущественном и общественном отношении) слоев дворянства; дворянство мелкопоместное, численно преобладавшее, этими музеями-усадьбами не представлено, а в его быту было очень много важного для понимания роли и силы этого класса в прошлых судьбах нашей страны. Поэтому приходится пожалеть, что не сохранена в виде музеев хотя бы некоторая часть усадеб мелкого, так сказать,

„ниже среднего“ дворянства, и тем самым утрачена возможность наглядного знакомства с жизнью тех, кто принадлежал к „командующим“ классам России.

Второй отличительной чертой, свойственной всем музеям-усадьбам Московской губернии и характерной для них, является то, что они являются не только бытовыми музеями, но и музеями художественно-бытовыми и притом опять-таки во многом индивидуально-отличными. Картины, мрамор, фарфор, бронза, резьба по дереву и проч. — все это, вставленное в раму художественно-архитектурного замысла, дает ансамбль, который искусственно не воссоздать. Каждый из художественных элементов внешнего и внутреннего облика музея-усадьбы создавался в свое время в определенном расчете на соответствующее окружение; в нем он получает особый смысл и значение, вырванный из него, перенесенный, напр., в выставочные залы какого-нибудь городского музея, он уже утрачивает значительную долю этого смысла. Перенесите, напр., люстру из театрального зала „Останкина“, в какое-нибудь из помещений Исторического музея, и вы ее не узнаете: весь ее художественный смысл, слитый со всей архитектурикой Останкинского театра и его отделкой, будет утрачен. Вынесите книги из библиотечных комнат „Остафьева“, и на полках библиотеки того же Исторического музея они уже ничего не скажут ни вашему уму, ни вашему сердцу. Одним словом, понятие искусство в быту можно только в том сочетании отдельных его элементов, которое дают музеи-усадьбы. Никакая самая искусная экспозиция наших дней в специально построенных музейных залах заменить этого не может.

Наконец, нужно отметить еще одну черту, свойственную всем музеям-усадьбам, несмотря на все индивидуальные различия между ними: удивительное сочетание элементов эстетики, заключенных в природе, с элементами эстетики, созданными руками человеческими. В самом деле, какая гармония между строгими и тонкими очертаниями церкви Вознесения в Коломенском и замечательными далями, открывающимися с галереи, ее окружающей; между „регулярным“ Кусковским садом (в нем самая природа удивительно сочеталась с эстетикой человека) и всеми его павильонами; между террасами итальянского парка Архангельского и синеющими переделками далей за рекой Москвой и т. д. и т. д. Постичь, почувствовать это искусство сочетать природу с созданиями своих рук, в такой степени свойственное людям прежних поколений и отживших уже классов, можно только при личном знакомстве с музеем-усадьбой. Никакой план, никакая картина, никакая фотография не могут заменить этих непосредственных личных восприятий. А едва ли нужно говорить, как важно это искусство, это умение в строительстве новой жизни.

Теперь посмотрим, что представляет собой каждый из перечисленных музеев-усадоб в отдельности. Начнем с бывших царских усадоб.

Коломенское — самая древняя из подмосковных усадоб, превращенных теперь в музеи. Как великокняжеская усадба, она существовала уже в XV веке. В начале XVI в. здесь воздвигаются две замечательные церкви: Вознесения в самом Коломенском (1532 г.) и в соседнем селе Дьякове (1529 г.). И та и другая — непревзойденные потом шедевры строительного искусства, ставшие предметом многих подражаний и вариаций. В XVII в. тут строится замечательный царский дворец, прекрасный образец русского деревянного зодчества

(в музее Коломенского имеется поздняя модель дворца, дающая некоторое представление о его своеобразной красоте; от самого дворца не сохранилось ничего). Двое каменных ворот, церкви Казанская и Георгия, „Соколиная“ башня, реставрируемые теперь „приказная палата“ и палата „Сытного дворца“ дополняют и иллюстрируют основные памятники. Той же цели содействуют те музейные коллекции — по преимуществу архитектурного порядка, которые наполняют „музей“ Коломенского в узком смысле этого слова. Замечательные фруктовые сады (положившие основу садоводству большой округи) с целым рядом вековых представителей различных лиственных и хвойных пород, с системой давно уже высохших прудов, живописный высокий склон к Москве-реке, — все это делает нам понятным, что Коломенское было любимой подмосковной „самодержцев“ XVII в., хотя с ним у них были связаны воспоминания едва ли приятного порядка: лагерь Болотникова у Коломенского в эпоху Смуты, т. н. „денежный“ бунт (1662 г.) и т. п. Понятны нам и неоднократные попытки „самодержцев“ XVIII и XIX в.в. основать здесь царскую резиденцию в новом стиле (попытки сочетать этот новый стиль с сохранившейся стариной см., напр., в проектах арх. Штакеншнейдера при Николае I — в собраниях музея в Коломенском).

Для ознакомления с зодчеством по преимуществу XVI—XVII в.в. и изучения его Коломенское — незаменимый и ни с чем несравнимый памятник.

Другая царская подмосковная, но уже XVIII в. — Царицыно. До последней четверти этого столетия — дворянская усадьба, оно в 1774 г. было приобретено Екатериной II, и здесь была начата постройка грандиозного дворца, разбивка громадного парка, расчистка и углубление прудов и т. п. Постройка Царицына была поручена одному из замечательнейших архитекторов конца XVIII века В. И. Баженову, который создал тут прекрасный образец русской готики. Его дело продолжал М. Ф. Казаков, но дворец остался незаконченным. Однако, те руины, которые мы сейчас видим в Царицыне, столь прекрасны, что можно только пожелать, чтобы и впредь они сохранились от дальнейшего разрушения, а все это место оставалось музейным, не подлежащим застройке, вырубке и т. п. В будущей „Большой“ Москве Царицыно, вместе с Коломенским, будет прекрасным оазисом прошлого в одном из самых его художественных выявлений. Если в Коломенском природа гармонично сочетается с искусством человека, то в Царицыне согласно вкусам и понятиям XVIII в. она приспособляется к эстетическим запросам строителей этой подмосковной: парк и пруды должны здесь служить фоном или рамой для многочисленных произведений зодчества; отсюда вытекает вся их планировка, посадка определенных пород деревьев и т. п. Усадьбы, строго говоря, в Царицыне нет, но и незаконченные постройкой ее остатки: дворец, службы, мосты, беседки и проч., дают полное основание считать это место музеем-усадьбой.

Обращаясь к дворянским музеям-усадьбам, мы, как на наиболее ранней, должны остановиться на Кускове. Эта усадьба известна уже в XVI веке, но сохранившийся ее облик отражает лишь XVIII век. Первая планировка усадьбы относится, надо думать, еще к первой половине XVIII века. Тогда же тут возникают и некоторые из уцелевших до сих пор построек, точно датируемых: „церковь“ (1739 г.) и „Голландский домик“ (1749 г.). Устроитель Кускова гр. П. Б. Шереметев отдал дань в этих и других постройках 1750-х годов вкусам отчасти еще Петровской эпохи („Голландский домик“), а главным

образом — Елизаветинской. Образцом для этого служили, с одной стороны, императорские усадьбы под Петербургом, с другой (хотя тоже, может быть, в преломлении этих усадеб) — французские и английские поместья XVIII в.; отсюда — „регулярный сад“, Кускова бывший как бы уменьшенной копией Версаля, отсюда (теперь не сохранившийся) — английский парк, примыкавший „к регулярному саду“ с севера. Но Шереметев был русский помещик; отсюда те многочисленные затеи и в саду и в парке, о которых мы знаем теперь

Анфилада комнат в Кускове.

только по старым планам, рисункам и описаниям и в которых было больше причуд, чем красоты. Кусково было постоянной резиденцией этого магната, одного из богатейших людей своей эпохи. Поэтому и „Большой Дом“ Кускова и его „регулярный сад“ (единственный уцелевший в подмосковных усадьбах до нашего времени) со всеми его „домиками“ и другими постройками так ярко отражают быт крупного дворянства второй половины XVIII века. В Кускове нет, или почти нет, первоклассных произведений живописи, скульптуры и т. п. (по старым описаниям тут должны были быть и Рембрандт, и Рубенс, и Ван-Дейк). Но зато мы видим здесь подлинное высокое мастерство крепостных художников, мало еще изученных и недостаточно оцененных. Одна семья Аргуновых, давшая несколько крупных мастеров в разных сферах искусства, чего стоит!

(см. о них недавно вышедшую работу В. К. Станюковича „Крепостные художники Шереметевых“, в I т. „Записок бытового отдела Гос. Русск. Музея в Ленинграде“). Многочисленные портреты, украшающие стены „Большого Дома“ в Кускове, представляют по преимуществу бытовой интерес, но среди них есть и такие, которые обнаруживают высокое мастерство. Как бытовая усадьба по преимуществу, Кусково интересно еще в одном отношении. В конце XVIII в. здесь существовал крепостной театр, не только не уступавший тогдашнему императорскому театру в Москве, но во многих отношениях его превосходивший: репертуар, обстановочная часть и пр. здесь, как показывают новейшие исследования, были выше, чем на казенной сцене, так как главный организатор и устроитель этого театра гр. Н. П. Шереметев — театрал и музыкант — был постоянно в курсе того, что было лучшего на парижских сценах. В этом отношении Кусковский театр можно было сопоставить с оперой Мамонтова и Зимина в конце XIX — нач. XX в. в их отношении к Большому Московскому театру. Здание Кусковского театра не сохранилось (в музее — усадьбе есть его „разрезы“ и рисунки постановок в нем), но в парке довольно хорошо сохранились остатки „воздушного“ театра, и сейчас поражающего нас своей акустикой. То, что в Кускове в театральном деле получило только начальное развитие, хотя и дало уже прекрасные плоды, нашло свое полное выражение в Останкине.

Останкино, как и Кусково — старинная дворянская подмосковная. Перейдя от кн. Черкасских к гр. Шереметевым в середине XVIII в., она в конце этого столетия превращается в усадьбу-театр. В 1792—1797 г.г. гр. Н. П. Шереметевым здесь воздвигается при самом деятельном участии его крепостных архитекторов и мастеров „Большой Дом“ на месте старых хором. Центр этого дома — театр, со сложным машинным оборудованием, с почти феерическим превращением театрального зала в танцевальный. Окружающие театр комнаты в сущности,—его одно роскошное фойе, украшенное великолепной резьбой, лепкой и раскраской частью наемных, частью крепостных мастеров. Ни в одной быв. подмосковной нет такой роскоши и яркости в отделке комнат и в их убранстве, как в Останкине. Проходя по его залам (в одной сохранились остатки прекрасной картинной галлерей), вы чувствуете, что это — место празднеств, балов и пышных приемов. Тут нет „вседневных“ комнат со всеми мелочами их интимной обстановки. Здесь все парадно, торжественно и... как-то музейно холодно. Не даром уже задолго до 1917 г. Останкино стало в сущности музеем. Прежние владельцы, и то не подолгу жили здесь в особом флигеле. Симметрично ему, по другую сторону „Большого Дома“, была расположена „репетишная“, где жила и готовилась к спектаклям крепостная труппа артистов, которую возглавляла сначала возлюбленная, а потом жена гр. Н. П. знаменитая в свое время Параша Жемчугова — Прасковья Ивановна Ковалевская-Шереметева. „Парадный“ двор перед домом — место для пышных, раззолоченных карет той знати, которая в дни торжеств наполняла залы Останкина. За домом обширный парк с прудами и речкой Каменкой — место иллюминаций, шествий и катаний. Таким образом, зрелищное начало и вне дома — характерная черта Останкина.

Иной тип дворянской „подмосковной“ представляет Архангельское. Тоже старинная усадьба, она уже в начале XVIII в. выделялась из остальных „подмосковных“, когда ею владел знаменитый в свое время „верховник“ кн. Д. М. Голицын, автор олигархическо-дворянской конституции 1730 г. Сады, оранжереи, громадная библиотека, по европейски обставленный дом — все это было еще большой новостью в дворянском быту начала XVIII в. После ссылки и смерти кн. Д. М. Архангельское, видимо, приходит в упадок, но в конце столетия при его внуке расцветает вновь. Разбивается парк итальянского стиля, строится „Большой Дом“ и т. д. Но особенно блестящая пора в жизни Архангельского начинается с 1810 г., когда оно переходит в руки кн. Н. Б. Юсупова, большого знатока и поклонника искусства, мецената и коллекционера. Юсупов с одной стороны доканчивает и развивает то, что было начато Голицыным, с другой — кладет начало совершенно новым моментам в жизни Архангельского; наконец, он придает всем своим начинаниям такой размах, что нам понятны и восторженная ода Пушкина „К вельможе“ и прочувствованные страницы Герцена в „Последнем празднике дружбы“. Стоя на той точке зрения, что Архангельское не есть доходная усадьба, Юсупов не жалел средств, чтобы превратить его в подлинно художественный музей. Лучшие архитекторы того времени работали над украшением Архангельского, картины и скульптура лучших иностранных мастеров украшали стены его зданий. Специальная картинная галлерей насчитывала свыше 300 №№; скульптура в доме и в парке (здесь она насчитывала несколько десятков фигур и групп), превосходила и по количеству, и по качеству все, что можно было бы найти в какойнибудь-другой „подмосковной“.

И сейчас зал Тьеполо (восстановлен в 1928 г.), 2 комнаты Гюбер Робера, комната Ротари и проч., несмотря на опустошение Архангельского сыном кн. Н. Б. после его смерти в 1831 г. и вывоз некоторых картин в другие музеи после 1917 г., дают представление о тех громадных художественных сокровищах, которые были собраны здесь в первой трети XIX в. Но Юсупов не только собирал, но и создавал

Комната Гюбер Робера (Архангельское).

художественные ценности. В Архангельском им были устроены „живописное заведение“, в котором работало от 20 до 30 чел., хрустальный завод, выпускавший в некоторые годы по несколько сотен предметов разной посуды, и „фарфоровое заведение“, превратившееся потом в завод, тоже с большой продукцией. Образцы работ всех этих „заведений“, выпустивших не мало квалифицированных мастеров, можно видеть сейчас в музее усадьбе. Именно здесь так выразительны и Тьеполо, и Гюбер Робер, и фарфоровые чашки, и хрустальные бокалы, здесь в усадьбе крепостника-мецената, с ее замечательными террасами итальянского парка по склону к Москве-реке и дымчатыми далями полей и лесов на горизонте. Перенесите их в музейные комнаты со „стандартной“ отделкой, — и они поблекнут.

Соседнее с Архангельским Никольское-Урюпино гораздо более скромная усадьба, и в этом ее интерес и значение. Усадьбы типа Архангельского насчитывались в прежние времена все-таки единицами, поскольку и таких богачей-помещиков, как Юсупов, было не много.

Усадьбы типа Никольского-Урюпина характерны более для „среднего“, так сказать, дворянства, численно, конечно, преобладавшего над Юсуповыми. Дело в том, что хотя Никольское-Урюпино и принадлежало кн. Голицыным, владельцам Архангельского до 1810 г., тем не менее оно отражает вкусы и привычки не верхнего слоя дворянства. Во-первых, и самый род Голицыных в XIX в., владельцы этой усадьбы, не то, что род Юсуповых; во-вторых, в этой их

Гостиная в Никольском-Урюпине.

усадьбе обывательная, будничная жизнь ее обитателей во всяком случае складывалась проще и интимнее, чем в усадьбах типа Кускова, Останкина и Архангельского. Скромный и изящный летний „белый дом“ постройки конца XVIII века, с его прекрасной внутрен-

ней отделкой, но, к сожалению, лишенный теперь своей обстановки, небольшой „регулярный“ сад с маленьким прудом перед домом, зимний дом, отстроенный в 1811 г., с очень интересной в художественном и бытовом отношении обстановкой, английский парк возле него, несколько „служб“ — все это, повторяем, типично для „среднего“ дворянства конца XVIII века, и большей части XIX в. в его будничном укладе жизни. При продаже Архангельского в 1810 г кое-что было перевезено отсюда Голицыными в Никольское - Урюпино, в частности — остатки знаменитой в свое время библиотеки „верховника“ кн. Д. М. Голицына.

Еще более подходит под понятие усадьбы „среднего“ дворянства Мураново с его более, чем скромным с внешней стороны домом, небольшим и скромным парком и тоже небольшим прудом (ушедшим в последние годы вследствие прорыва плотины). Зато чудесна его внутренняя отделка и обстановка, изящная, тонкая, хотя и не блестящая именами крупных мастеров: на всем лежит печать высокой культуры. Но главный интерес Муранова в другом: это мемориальная усадьба, связанная с именами таких крупных поэтов XIX в., как Баратынский и Тютчев. Значит, в то же время это и литературная усадьба, подводящая к жизни и творчеству названных писателей. Чтобы вполне понять их и их творчество (особенно в отношении Тютчева), надо побывать в Муранове.

Кабинет Тютчева и Баратынского.

Физический кабинет кн. Андрея Вяземского.
XVIII в.

Такой же литературной и отчасти мемориальной усадьбой является Остафьево. Известное с начала XVII века, оно в конце следующего столетия переходит в род кн. Вяземских. При втором владельце из рода Вяземских, кн. П. А. Вяземском, известном в свое время поэте и друге Пушкина, Остафьево становится временами местопребыванием крупных писателей 20 — 40-х годов. Впрочем, еще до этого Карамзин пишет здесь 8 томов своей Истории Го-

сударства Российского, а потом знаменитая вековая аллея лип в Остафьеве, примыкающая к дому, делается „Русским Парнасом“. Пушкин, Мицкевич, Гоголь, Жуковский, Дмитриев и проч. — были частыми и всегда желанными гостями в Остафьеве. И в специальной „Карамзинской комнате“, и в других залах музея, а также

в парке, целый ряд предметов — портретов, бюстов, картин, книг и т. п., напоминает нам об этом. При сыне Петра Андреевича Вяземского Остафьево превращается уже в сущности в музей: разная немецкая мебель, восточное оружие и посуда, старо-немецкие и нидерландские „примитивы“ XV и XVI в.в., древние ткани и т. д. были собраны, здесь кн. Павлом Петровичем. Не мало им было собрано и

„Пушкинский кабинет“ в Остафьево.

книг, которые вместе с библиотеками его отца и деда образовали в Остафьево одно из интереснейших усадебных библиотечных собраний. Рядом с книгами очень выразительны многочисленные приборы „физического кабинета“ кн. Андрея Ивановича, столь характерные для „натур-философов“ из дворян конца XVIII века.

Последним из рассматриваемых нами музеев-усадб является Абрамцево. Эта усадьба типична

для того процесса перехода земельной собственности из рук дворянства в руки буржуазии, который характеризует все дворянское землевладение после 1861 г. В первой половине XIX в. Абрамцево принадлежало Аксаковым, род которых дал несколько крупных представителей литературы, науки и общественной славянофильского толка. Аксаковы — несомненно одна из культурнейших московских дворянских семей середины XIX в., связанных со всеми виднейшими представителями русской культуры той эпохи, и потому нам понятно, что Гоголь читал здесь — в Абрамцево — некоторые главы „Мертвых Душ“. Во второй половине XIX в. Абрамцево переходит к Мамонтовым, культурным представителям новой буржуазии. Мамонтовы сумели собрать в Абрамцево целый художественный кружок: В. Васнецов, Репин, Поленов, Врубель и др. — все они оставили здесь печать своего творчества. Абрамцевский дом (внутри) отражает по преимуществу эпоху Аксаковых, парк со всей его обстановкой, с его церковкой, „избушкой“ и проч. — эпоху Мамонтовых. И в том же и в другом случае мы не видим той роскоши и блеска, которые свойственны Кускову или Архангельскому, хотя Мамонтовы, напр., были люди с большими средствами. На всей Абрамцевской усадьбе лежит печать уюта и интимности. Будучи, так сказать, литературно-художественной усадьбой, Абрамцево в то же время и мемориальная усадьба, т. к. теснейшим образом связана с крупнейшими представителями русской культуры XIX в. и начала XX века

Таковы в кратких чертах существующие теперь музеи-усадьбы Московской губернии.

Общий вид Сергиевского музея монастыря (б. Троице-Сергиевская лавра).

Музеи-монастыри Московской губернии.

Н. Н. Померанцев.

Из всех существующих в настоящее время музеев-монастырей большая часть их сосредоточена в Московской губернии — это объясняется исключительно тем, что в Московской губернии были расположены древние монастыри, наиболее интересные в музейном отношении. На долю других губерний подобного рода музеев приходится столь незначительное количество, что, если бы их не было и в Московской губернии, то можно было бы сказать, что от всего исключительно ценного, что дают для истории культуры памятники древних монастырей, мы не сохранили ничего. Отсюда становится особенно понятной ценность музеев-монастырей, имеющихся в Московской губернии.

Необходимо отметить, что до революции музеев-монастырей вовсе не существовало. Весьма поспешное уничтожение памятников старины и отсутствие достаточного количества специалистов на местах привели к необходимости организации при Музейном Отделе НКП специальной комиссии, в задачи которой входило научное обследование и изучение важнейших памятников. В результате большой работы, проведенной в весьма трудных условиях, стало очевидным и все то исключительное значение, которое дают памятники древних монастырей, являвшихся средоточием произведений искусства большой художественной ценности, а их бытовое значение настолько велико, что теперь без существования музеев подобного рода немислимо настоящее изучение прошлого.

Однако, как это не странно, самая идея организации музеев-монастырей пришла не сразу. Пишущему эти строки в дружной работе с целым рядом видных специалистов по древне-русскому искусству и быту пришлось в течение ряда лет переносить колоссальные трудности, вынуждавшие подчас прибегать к исключительным мерам, принятым в защиту идеи организации музеев-монастырей, каковая в то время не встречала сочувствия даже среди большинства музейных работников.

Еще в начале революции многим казалось странным, что в монастырях, служивших до этого в течение ряда столетий исключительно для отправления религиозного культа, могут быть музеи. Несмотря на то, что музеи-монастыри в настоящее время находятся

еще в стадии организации, необходимость их существования теперь уже не вызывает никакого сомнения; достаточно посмотреть лишь на то колоссальное количество экскурсий и одиночек посетителей, которые с исключительным интересом проходят по музеям-монастырям.

Первоначально при организации музеев-монастырей была разработана весьма стройная сеть музеев, выявляющих в своем целом наиболее важные этапы истории русской культуры, при чем ни один из музеев не являлся повторением другого. В зависимости от целого ряда обстоятельств некоторые из древних монастырей, находившихся в Московской губернии и обладавших исключительными по своему значению памятниками, не были превращены в музеи. В этом отношении приходится отметить первоклассные памятники древних монастырей, находившихся в Серпуховском, Дмитровском и Можайском уездах, в которых местные музейные работники в свое время недостаточно оценили их музейное значение¹⁾. Несмотря на это, существующие музеи-монастыри Московской губернии дают прекрасную иллюстрацию ряда историко-бытовых моментов, позволяющих чрезвычайно глубоко и разносторонне почувствовать и изучить условия жизни предыдущих эпох.

Музеи-монастыри Московской губернии по преимуществу являются художественно-бытовыми музеями. При знакомстве с монастырскими музеями прежде всего бросается в глаза наличие в них первоклассных памятников искусства. Колоссальные богатства, находившиеся в монастырской казне, давали монастырям возможность приглашать лучших художников и архитекторов того времени. В той же мере накоплению художественных ценностей способствовало наличие собственных художественных мастерских, в которых, судя по сохранившимся памятникам, работали исключительные мастера и художники.

Характерной особенностью монастырей Московской губернии, превращенных ныне в музеи, является то, что они все в древности были царскими монастырями, пользовавшимися особым вниманием обитателей Кремлевских теремов. Этим и объясняется наличие в музеях ценных как в художественном, так и в материальном отношении царских и боярских вкладов. С точки зрения быта большой интерес представляют отдельные вещи, вложенные в монастыри рядом исторических лиц „на помин своей души“ или — в случаях заключения — оставшиеся в монастырях после их смерти: до сих пор в Музее Троицкой Лавры хранится халат Ивана Грозного, в Звенигородском монастыре — опашень и кушак царя Алексея Михайловича, а в Новодевичьем монастыре ряд вещей, принадлежавших царевне Софье, заключенной Петром в монастырь. При наличии сохранившихся зданий, также связанных с рядом исторических лиц, удается в музеях организовать настолько интересные в историко-бытовом отношении отделы, что они не только являются прекрасными иллюстрациями исторических образов, но переносят посетителя в обстановку людей, живших на несколько столетий раньше нас.

Роль монастырей в государственной жизни страны по музеям-монастырям Московской губернии выявляется особенно полно; мно-

¹⁾ В данном случае мы имеем в виду Лужецкий Можайский монастырь, Серпуховской Владычный и Высоцкий монастыри и Дмитровский Песношский монастырь. Особенно приходится пожалеть о памятниках Песношского монастыря, так как он давал богатейший историко-бытовой материал.

гие из них в критическую минуту должны были служить военными крепостями, другие являлись царскими тюрьмами для высокопоставленных лиц и т. п. С точки зрения хозяйственно-экономической, многие из монастырей дают интересный материал, проливающий свет на историю монастырских землепользований. В этом отношении богатейшие монастырские архивы таят в себе еще бесконечное количество данных, имеющих первостепенное научное значение.

В целом музеи-монастыри Московской губернии с точки зрения истории русской культуры имеют настолько важное значение, что в дальнейшем, при изучении как истории русского искусства, так и быта, прежде всего придется обратиться к материалу музеев-монастырей, отобразившему эти стороны русской жизни наиболее полно и образно. Наконец, следует остановиться еще на одной особенности, весьма характерной для расположенных в уездах Московской губернии музеев-монастырей. Большинство их поставлено в исключительно красивых местах, расположенных на озерах, высоких живописных берегах рек и т. д. В этом отношении можно усматривать некоторое сходство музеев-монастырей с музеями-усадьбами, в которых расчет исключительно гармонического сочетания между природой и произведениями искусства играл столь значительную роль. Таковы музеи Волоколамского, Звенигородского, Ново-Иерусалимского, а отчасти Симонова и Новодевичьего монастырей.

Не останавливаясь на описании отдельных памятников, входящих в музеи-монастыри, так как указанные данные могут быть почерпнуты из соответствующих путеводителей, мы считаем весьма существенным отметить наиболее характерные особенности каждого из существующих музеев (т.-е. очертить их доминанту). При подобном подходе нам удастся выявить основные темы музеев-монастырей, развитие которых дает возможность каждому из музеев, не повторяя другого, занять свое вполне определенное место.

Наиболее богатым по разнообразию и исключительно высокому качеству памятников является Сергиевский Музей (бывш. Троице-Сергиевская Лавра Сергиевского уезда). Вряд ли в одном из других музеев-монастырей можно найти такие шедевры, какие сосредоточены в этом музее, начиная с архитектуры, памятников живописи и кончая предметами декоративного искусства.

В течение ряда столетий, с конца 14-го века, этот монастырь среди других пользовался исключительной популярностью. Высшие гениальные проявления русского зодчества нашли в памятниках этого монастыря свое воплощение. Первое впечатление от Сергиевского музея — это впечатление музея архитектурных памятников — не даром пейзаж этой незабываемой многокрасочной архитектурной композиции послужил излюбленной темой для целого ряда русских художников. Знакомство с отдельными памятниками, при наличии удачно подобранного графического материала по истории отдельных памятников архитектуры музея, дает настолько исключительный материал, что и этой одной темы достаточно, чтобы понять всю ценность данного музея. Если первое впечатление от музея создается его великолепной архитектурой, то в следующие моменты знакомства с музеем посетитель бывает поражен той изысканной красотой совершенно исключительных произведений древне-русской живописи, которую дают недавно раскрытые древние иконы. Едва ли есть где-нибудь хоть одно произведение русской живописи, которое равнялось бы по красоте знаменитой

иконе Троицы — произведению гениального русского художника начала 15 века — Андрея Рублева. К этому нужно прибавить, что большинство икон Троицкого собора в окружении древней архитектуры представляет в целом ансамбль мирового значения. Встречающиеся в музее произведения первоклассных памятников живописи в своем значении не уступают аналогичным собраниям центральных музейных хранилищ. При таком собрании памятников живописи в музее весьма уместным оказывается отдел, ставящий себе задачей дать „показательную живописную мастерскую“, последовательно раскрывающую

Митрополичьи покои — Сергиевский музей-монастырь.

технические приемы мастерства древних живописцев. В раскрытом перед зрителем собрании древней книги и предметов декоративного искусства посетитель музея снова увидит произведения чарующей красоты. Только при знакомстве с подобным музеем можно наглядно почувствовать до какого уровня мирового мастерства в своих произведениях доходили древне-русские мастера.

Сергиевский Музей замечателен не только с точки зрения наличия образцов высших достижений древне-русского искусства. Монастырские крепостные стены дают не меньшего значения материал, переносающий зрителя в эпоху смутного времени, когда монастырь жил жизнью военной крепости. Прогулка по крепостной стене, сохранившей в своей архитектуре все подробности приспособ-

лений для боя, при наличии соответствующего историко-бытового Отдела, в котором собраны остатки вооружений, иллюстрации, рисующие картины боев во время осады Лавры, дает возможность блестяще выявить одну из интересных тем: „древние монастыри-крепости“. К этому надо добавить, что в дальнейшем этот отдел может быть значительно расширен и пополнен целым рядом предметов вооружения монастырской крепости, вывезенных в свое время из Лавры в Музей Кремлевской Оружейной Палаты. Еще одна из тем историко-бытового порядка заслуживает также быть отмеченной в Сергиевском Музее — это иллюстрация быта представителей высшей монастырской администрации, поскольку Лавра являлась резиденцией московских митрополитов, занимавших положение „князей церкви“. В этом отношении митрополичьи жилые покои XVIII века дают богатейший материал. Посетитель музея, пройдя по ряду зал и жилых комнат, сохранивших не только лепные декоративные украшения стен, изразцовые печи, выложенные из цветных изразцов, но также и всю бытовую обстановку, вплоть до часов с курантами, играющих менуэт XVIII века, хрустальных люстр и прочей мелочи, сможет почувствовать весь образ жизни бывших обитателей этого дома. Барский характер митрополичьих покоев особенно подчеркивает имеющаяся в музее келья рядового монаха. Приходится только пожалеть, что эта келья не находится в одном доме с митрополичьими покоями, где

в первом сыром и довольно темном этаже находились помещения для домашней прислуги. Лаврские покои дают представление о более официальной жизни митрополитов, в то время как находящиеся в нескольких верстах Вифания и Скит (филиалы Сергиевского Музея) вскрывают наиболее интимную обстановку митрополичьей жизни минувших веков и в этом отношении, конечно, являются особенно ценными. Достаточно вспомнить, что в XVIII веке здесь находился загородный митрополичий дом с регулярным французским садом, который оглашался „вокальной и инструментальной музыкой“, а во время летних увеселительных прогулок Елизаветы Петровны и Екатерины II по вечерам освещался фейерверком. Соответствующий архивный материал рисует красочные картины праздной и далеко не монашеской жизни московских митрополитов XVIII века. Особенно ценными с бытовой точки зрения представляются скитские покои, дающие уникальный материал для историко-психологического анализа такого человека, каким был митрополит Филарет—современник А. С. Пушкина. В самое последнее время администрацией Сергиевского Музея начаты работы по развертыванию вводного кабинета, имеющего целью дать историческую картину развития монастыря, отношения монастыря к царскому дому, быта монастырских крепостных, характер и размер монастырского бюджета и целый ряд других вопросов, освещающих имеющийся материал (соответствующие заметки в газетах дают предположительную программу начинаний музея в этом направлении). Более подробно говорить об этом Отделе музея до его окончательной организации еще не представляется возможным.

По характеру древнейших памятников, также относящихся к периоду удельных князей, особенно близким к Сергиевскому Музею является Звенигородский музей-монастырь, расположенный на высоком берегу реки Москвы около города Звенигорода. Близость к монастырю „городка“ с сохранившимся древним собором конца XIV века, остатков вала и древнего городища дает возможность необычайно ясно почувствовать всю бытовую обстановку жизни удельного княжества. Окружающая местность еще больше подчеркивает эти черты, создавая в то же время исключительной красоты пейзаж; недаром эти места получили название „русской Швейцарии“. Особенно живописен вид с вышки башни над входными воротами в монастырь.

Оба собора, как монастырский, так и собор на городке, являются лучшими памятниками при изучении характера архитектуры ранне-московского периода. Внутри указанных соборов имеются первоклассные образцы живописи того же времени.

Следующим моментом в жизни Звенигородского монастыря, наиболее полно представленным памятниками, является середина 17-го века, когда он наполняется обильными вкладами царя Алексея Михайловича и занимает положение излюбленного им места. В это время появляются в монастыре существующие ныне крепостные стены, церкви, трапезная, царский дворец и др. постройки. Предметы в монастырской ризнице, исключительные по своему художественно-бытовому значению, в большинстве случаев относятся также к этому времени.

Наличие большого количества памятников середины 17-го века, характеризующих в значительной степени личные вкусы ц. Алексея Михайловича, выделяют этот музей среди других, как наиболее ценный и типичный для изучения данной эпохи. Сохранившийся архив

монастыря, относящийся главным образом к 17-му веку дает возможность всестороннего научного освещения памятников в их бытовом окружении ¹⁾.

Музей бывш. Ново-Иерусалимского монастыря, находящийся в гор. Воскресенске, раскрывает перед зрителем еще одну из красочных страниц истории социально-экономической жизни России. Здесь мы найдем богатейший материал, необходимый для выяснения

Изразцовый палтичник XVII в. собора Воскресенского музея-монастыря (фот. А. В. Лядова).

одной из центральных фигур в русской истории середины XVII века — „всесильного“ патриарха Никона. Скитские, довольно бедные кельи Никона переносят нас в условия его личной монашеской жизни; огромные палаты, предметы ризницы и портреты того времени, находящиеся в Музее, дают понятие о том величии и блеске, каким он окружал себя как „святейший“ патриарх, равный в своем значении царю, а иногда и его превосходящий. Весь монастырь строился под личным наблюдением и по приказу самого Никона на живописном берегу реки Истры, где находилось село Воскресенское, купленное Никоном у боярина Боборыкина с окрестными деревнями и пустошами. Начиная с собора, который Никон построил, воспроизводя в нем точную копию храма Воскресения в Старом Иерусалиме ²⁾, и кончая целым рядом хозяйственных построек, невольно чувствуешь, что только колоссальные богатства, находившиеся в руках патриарха, могли

дать возможность осуществиться этим смелым затеям столь широкого размаха.

Большое собрание книг с вкладными Никона и др. предметы свидетельствуют о его деятельности в области исправления старопечатных книг, вызвавшей в свое время раскол и яростный протест среди сторонников защиты старозаветных устоев русской жизни.

Все хозяйственные монастырские постройки того времени в свете соответствующих архивных источников дают богатейший материал для иллюстрации б. монастыря как крупной монастыр-

¹⁾ Какаясь Звенигородского музея-монастыря, мы не можем не отметить того обстоятельства, что в последнее время многие из музеев-монастырей развертывают в стенах древних монастырей музеи местного края, вводя для этой цели в монастырь все музейные предметы данного уезда. В результате такого подхода к музейному делу, вызванного ограниченностью штата и недостаточным количеством средств, наряду с музеем-монастырем появляются в стенах древних монастырей уголки помещичьего быта, естественно-исторические отделы и т. д. Подобный симбиоз двух различных по своей природе музеев вызывает необходимость большой теоретической проработки организационных планов как при построении музеев, так и при их реорганизации, т. к. в противном случае это приводит к необычайной путанице и пестроте в экспозиции музея.

²⁾ В музее хранится модель собора, вывезенная из Палестины по приказу Никона Арсением Сухановым.

ской вотчины XVII века, обладавшей большими земельными богатствами, далеко выходившими за пределы Воскресенского уезда, и широкоразвитым собственным хозяйством, проводимым на основе эксплуатации крестьянского труда как своих, так и наемных крестьян.

Для истории декоративного искусства Ново - Иерусалимский музей-монастырь дает совершенно исключительный материал. Все стены главного собора изукрашены цветными изразцами производства собственных художественных монастырских мастерских, а внутри собора сохранились иконостасы, сплошь выложенные красочными изразцами, свидетельствующими о большом художественном уровне их мастеров.

Для руководства керамическими мастерскими Никонем были выписаны из-за границы лучшие специалисты, которые обучали русских на „образцы наводить краски“. В процессе музейно-реставрационных работ на месте было найдено большое количество изразцов 17-го века местного изготовления, которые дают возможность с исчерпывающей полнотой изучить эту весьма интересную область декоративного искусства. Интерес к данному собранию керамики увеличивается еще и тем, что образцы местных художественных монастырских мастерских вызвали подражания в целом ряде других памятников 17-го века ¹⁾.

Собрания Ново-Иерусалимского музея, находящиеся в стенах древних зданий, представлены настолько значительными памятниками, что изучение истории и быта середины 17-го века без них представляется далеко не полным.

Из других уездов Московской губернии музей-монастырь имеется только в Волоколамском уезде. Он расположен в бывш. Иосифо-Волоколамском монастыре, находящимся в 18 верстах от города Волоколамска. В этом музее прежде всего приходится отметить необычайную красоту его архитектурного пейзажа. На первый взгляд при приближении к монастырю, стоящему на большом озере, кажется, что его стены с монументальными шатровыми верхами башен выступают прямо из воды; точно древний сказочный город поднимается он из озера среди утреннего тумана, когда первые лучи восходящего солнца начинают играть на крестах и главках монастырских церквей. Даже крепостные башни, предназначенные для военных действий, разукрашенные зелеными изразцами, богатой декорировкой кирпичных шпирок и других деталей, здесь выглядят нарядной игрушкой. Знакомство с отдельными памятниками еще больше выявляет архитек-

Общий вид Волоколамского музея-монастыря со стороны озера.

¹⁾ В древних помещениях монастыря развернут богатый по своим коллекциям музей местного края, но его характеристика не входит в задачи данной статьи.

турную значимость этого исключительного по красоте архитектурного ансамбля, свидетельствующего о большом художественном чутье древних зодчих.

История этого монастыря дает целый ряд любопытнейших фактов, позволяющих занять музею свое определенное место.

Юго-западная башня Волоколамского музея-монастыря.

Основание монастыря относится к 1479 году и связано с именами Волоколамского удельного князя Бориса Васильевича и Иосифа Волоцкого, навлекшего на себя большое негодование за выступление в 1503 году на Московском соборе против распущенного белого и черного духовенства, автора „общежительного устава монастырей“ и целого ряда других сочинений этого рода, явившихся опорными точками для „деятелей“, подводивших устои русской церкви. В связи с этим Волоколамский монастырь являлся для того времени своего рода духовной академией, вызвавшей необходимость организации специального кадра переписчиков книг, большая часть которых сохранилась до настоящего времени. Собрание книг и архивных документов монастыря дает богатейший материал, интересный во многих отношениях ¹⁾.

Древние акты, грамоты и др. документы монастыря дают исключительно ценный материал для выявления хозяйственной жизни монастыря, как крупного крепостника - эксплуататора, имевшего в своем распоряжении до 4000 душ крепостных дававших монастырю в год до 1220 четвертей хлеба, а также и других продуктов. Недостаток места не позволяет нам остановиться еще на целом ряде других тем, материал для которых в большинстве случаев дают памятники монастыря. В заключении считаем необходимым отметить наличие в музее весьма ценной в художественном отношении ризницы, представленной первоклассными произведениями декоративного искусства.

Из древних монастырей Москвы музеи имеются в б. Новодевичьем, Симоновом и Донском монастырях.

По богатству вкладов из всех музеев-монастырей Московской губернии после Троицкой Лавры первое место занимает Новодевичий монастырь, поддерживавший в течение ряда столетий самую тесную связь с Кремлем, являясь в полном смысле слова „придворным монастырем“. Памятники этого монастыря, начиная с архитектуры, живописи, декоративного искусства и кончая предметами быта, ярко отражают один из интересных моментов русской истории конца XVII века, связанных с историей Стрелецкого бунта и деятельностью неудачной правительницы царевны Софьи, оспаривавшей царскую

¹⁾ К сожалению, приходится отметить, что многие из памятников древней письменности были изъятые в другие хранилища, чем объясняются некоторые весьма обидные пробелы этого музейного собрания.

власть у Петра. Развитие этой социально-исторической темы в дальнейшем при систематическом подборе вещей даст возможность этому музею занять основное место при изучении этой эпохи и связанных с нею событий.

Архитектурный ансамбль древних зданий этого музея, особенно интересный со стороны пруда, в своем целом подчеркивает наличие архитектурных памятников конца XVII века, отражая строительную деятельность ц. Федора и в особенности правительницы Софьи. Отдельные памятники монастыря дают богатейший материал для иллюстрации начала увлечения высших классов „западничеством“, вызвавшем к жизни стиль „Московского барокко“. Такие здания, как Новодевичевская трапезная (1685 г.), надвратные церкви (1688 г.), стены и, в особенности, колокольня, являющаяся одним из самых блестящих памятников этого стиля, с наглядностью дают почувствовать элементы европеизма, сменившие в архитектуре старомосковские традиции.

Общий вид Новодевичьего* музея-монастыря
(фот. архитектора С. Ф. Кулагина).

Наличие в музее специального историко-бытового отдела, освещающего эпоху стрелецкого бунта и тесно связанной с ним царевны Софьи, дает почувствовать всю бытовую обстановку жизни „коронованных отшельниц“, для которых Новодевичий монастырь служил надежной тюрьмой, когда Софья из окон своей кельи видела висящими на башне тела казненных стрельцов с адресованными ей челобитными в руках. В стенах монастыря события стрелецкого бунта воспринимаются особенно реально: в 1693 году стрельцы, сторонники Софьи, путем подкопа проломали пол в покоях царевны и вывели ее подземным ходом из стен монастыря; однако, после ожесточенной схватки с караулом они были пойманы вместе с Софьей, после чего она была возвращена обратно в монастырь и пострижена в монахини под именем Сусанны. Несмотря на то, что этот Отдел музея только еще организуется, он и теперь уже представляет большой научный интерес; среди вещей особенно интересны: опашень царевны Софьи, чаша с крышкой и серебряная кружка из ее хором, церковная утварь и иконы, являющиеся вкладом Софьи в бытность ее „правительницей“, книги, вложенные Софьей на помин „по душе своей“, „знамя“ царевны Софьи, надгробные плиты казненных стрельцов—сторонников Софьи, ее портреты и целый ряд других вещей. Кроме Софьи, в Новодевичьем монастыре была заключена первая жена Петра—Евдокия Лопухина; с ее именем монастырские предания связывают древний корпус у входных ворот, служивший местом ее заключения.

Нельзя обойти молчанием роли монастыря, как хозяйственно-экономической единицы. В этом отношении хозяйственные постройки монастыря вроде трапезной, погребов, келий, при наличии в музее соответствующих диаграмм, представляют богатейший материал.

Особенно интересны диаграммы, выявляющие на 1604 год состав населения монастыря и его вотчин, рисующие взаимоотношения монастырской администрации к рядовым „старицам“, монастырским слугам, „бобылям“, служилому люду и крестьянам; диаграммы, дающие денежный приход на тот же год, состоявшийся из государевых „милостей“, доходов с вотчин и денежных вкладов „на помин души“ и натуральной повинности. На ряду

с этим интересны карты с указанием владений монастыря по различным векам. Все это чрезвычайно живо характеризует монастырь, как крупного крепостника и вотчинника XVII века.

В качестве иллюстрации хозяйственной деятельности монастыря, музейный материал позволяет дать представление о монастырских мастерских шитья, начиная с 16-го века и кончая образцами работ самого начала XX века. На ряду с мастерскими шитья, в петровское время в монастыре существовали мастерские производства браманских кружев, подбор которых в дальнейшем представит значительный материал в области изучения худо-

Собор XVI в. Новодевичьего музея-монастыря (фот. архит. С. А. Торопова).

жественной деятельности этих мастерских.

Наличие других памятников данного музея позволяет развить еще целый ряд тем, которых мы не имеем возможности коснуться за недостатком места.

При посещении музея б. Симонского монастыря особенно сильное впечатление остается от его крепостных стен и башен. Подходя к монастырю, расположенному на крутом берегу реки Москвы, вы прежде всего чувствуете, что перед вами одна из сильнейших древних московских крепостей, выстроенных по всем правилам фортификационного искусства. Начиная с фундамента башен, сложенного из огромных валунов, массива неприступных стен и кончая высокими каменными шатрами верхов башен, служивших наблюдательными вышками—все говорит о грандиозности замысла строителей этой неприступной крепости, охранявшей подступы к Москве. Каждая из башен в древности имела свое назначение; их характерные названия, сохранившиеся до сих пор, дают представление об их роли в жизни этой крепости: башня „Дуло“, наиболее значительная из всех башен, служила главным оборонительным пунктом при осаде неприятеля, „Сторожевая“

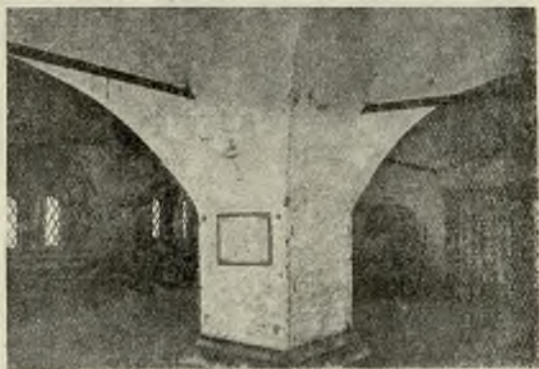

Верх башни Симонова музея-монастыря.

являлась наблюдательным пунктом крепости, „Тайницкая“ охраняла тайный ход к воде, „Вылазная“ башня—она же „Солевая“ при помощи своих вылазных отверстий давала возможность осажденным производить вылазки, одновременно служа и складочным местом для соли, необходимой во время длительной осады и, наконец, „Кузнечная“ башня служила починочной мастерской для боевого снаряжения. „Водяные“ ворота с сохранившимися стенными проемами для „герс“ (спускных воротных решеток) представляют типичный образец ворот средневековой крепости. Самая конструкция стен с зубцами и целым рядом приспособлений для „подошвенного“ и „верхнего“ боев дает представление о различных приемах крепостной осады в древности. Значение этих памятников настолько велико, что они позволяют музею занять свое определенное место, и можно с уверенностью сказать, что в этом отношении ни один из военно-исторических отделов центральных музеев не в состоянии дать то, что получает посетитель, уходя из Симоновского музея. В целях развития намеченной темы — „древние монастыри-крепости“, в музее разворачивается соответствующий материал, состоящий из предметов вооружения, планов и видов древнерусских крепостей, обмеров, фотографий и зарисовок с других крепостных монастырских сооружений, планов и карт расположения древних крепостей и проч. Интерес к данному музею возрастает еще благодаря наличию в стенах монастыря целого ряда древних хозяйственных построек, среди которых особенно интересна одностолбная трапезная палата с двойными окнами, являющаяся одной из наиболее ранних построек монастыря.

Совершенно иную картину разворачивает перед посетителем музей б. Донского монастыря. В отличие от тем, уже встречавшихся в других музеях—монастырях, памятники б. Донского монастыря позволяют выявить искусство и быт XVIII века.

В этом отношении такие памятники монастыря, как большой собор, выстроенный хотя и в конце 17-го века, но по существу уже характеризующий переходный момент к новым, принесенным с Украины, формам зодчества, надвратная Тихвинская церковь (1713 г.) с ее ажурным силуэтом, колокольня (1730—1753 г.г.) и наконец гражданские постройки XVIII века — выявляют последовательную эволюцию архитектурных форм, сменивших устойчивые традиции Москвы предшествующих эпох.

Трапезная палата Симонова музея монастыря.

XVIII век для Донского монастыря явился веком его исключительного положения: наличие приписных провинциальных монастырей создавало необходимые условия для его блестящего материального благополучия; к этому надо прибавить, что особое расположение тогдашнего дворянства и купечества к настоятелям монастыря выделяет его среди других Московских монастырей, благодаря чему его кладбище становится местом погребения наиболее знатных

дворянских родов и купечества Москвы. В связи с этим на кладбище монастыря появились надгробия, сделанные лучшими скульпторами того времени. По наличию скульптуры первоклассных мастеров XVIII века музей б. Донского монастыря занимает совершенно исключительное место: здесь представлены образцы творчества таких выдающихся мастеров, как Витали, Мартос, Пименов, Гордеев, Педри и др. В

Вид на стены и надвратную церковь Донского музея-монастыря.

зависимости от наличия в стенах монастыря первоклассных памятников скульптуры при организации музея—монастыря совершенно естественно, в целях наиболее полного выявления скульптуры XVIII века, явилась необходимость организации в музее специального собрания как деревянной скульптуры XVIII века, так и наиболее выдающихся надгробий того же времени (последние собираются в музее лишь

в порядке охраны). В настоящее время, благодаря систематическому подбору памятников скульптуры, музей б. Донского монастыря для изучения русской скульптуры XVIII века дает настолько богатый материал, что он позволяет музею в этом отношении занять одно из самых выдающихся мест.

По другим видам искусства музей, в пределах того же века, дает исключительно богатый материал. Особенно приходится отметить собрание в музее памятников живописи, представляющих последовательную эволюцию художественных форм, начиная с творчества последних царских мастеров, известных своей художественной деятельностью мастерских Оружейной Палаты, и кончая образцами академической живописи.

За последнее время, благодаря проделанной музеем работе, библиотека музея дает весьма интересный материал с точки зрения художественного оформления книги в XVIII веке.

Богатейший монастырский архив, заключающий ценнейшие документы XVIII века в области изучения экономики и быта, позволяет в Музее организовать необычайно интересный историко-экономический отдел. Целый ряд документов XVIII века раскрывает перед посетителем музея положение монастырских крестьян в приписных монастырях¹⁾, количество доставляемых в Москву хозяйственных продуктов и выявляет колоссальный, по тем временам, бюджет монастыря и, наконец, выясняет роль монастыря, как места заключения для лиц, убеждения которых, с точки зрения господствующей церкви, казались опасными.

В этом отделе особенно ценными представляются карты земельных владений приписных монастырей, относящиеся к XVIII веку.

¹⁾ Среди документов особенно интересен материал по истории, быту и экономике б. Медведевой пустыни, приписанной в XVIII веке к Донскому монастырю и находившейся в Дмитровском уезде Моск. губ.

Кроме выше отмеченных древних монастырей, превращенных в настоящее время в музеи, в Москве, были еще два монастыря — Новоспасский и Петровский весьма ценные памятники которых давали вполне достаточные основания для организации в них музеев; однако по неудачно сложившимся обстоятельствам в них, к сожалению, так и не были организованы музеи, хотя Петровский монастырь и находился в ведении Госуд. Исторического Музея. Кремлевские монастыри Чудов и Вознесенский входят в общий комплекс музейных памятников Кремля.

Здесь, за недостатком места, мы могли лишь бегло коснуться важнейших тем, развитие которых позволяют наметить памятники музеев-монастырей Московской губернии, но и из сказанного можно заметить, насколько богатый и необычайно разнообразный материал дают эти музеи. Особенно приходится отметить то, что памятники этих музеев-монастырей представляют исключительно ценный материал для изучения истории художественного творчества древней Руси. Кроме того важно также и то, что отдельные произведения искусства в данном случае представлены в своей бытовой обстановке, т. к., несомненно, что каждый из музейных предметов, входящих в общий ансамбль, создавался в расчете на соответствующее окружение. Это единство архитектурного замысла, подчиняющего себе отдельные вещи музея, дает настолько целостный ансамбль, что его значение во много раз превосходит ценность систематических музеев. В этом отношении каждый из экспонатов музея монастыря, находящийся в условиях своего бытового назначения, говорит для посетителя гораздо больше, чем тот же экспонат, помещенный в скучных, расхолаживающих впечатление, витринах систематических музеев. Эта исключительная ценность музеев-монастырей обязывает проявлять в музейной работе над ними особенную осторожность и требует от музейного работника больших практических знаний и опыта. На ряду с этим музеи-монастыри, являясь весьма сложными художественно-бытовыми комплексами, выдвигают в музейном деле целый ряд совершенно новых проблем и методов музейной работы. В связи с этим прежде всего отметим, что в музеях-монастырях сплошь и рядом мы имеем дело с наиболее сложными реставрационными процессами, производимыми в большинстве случаев одновременно над архитектурой, живописью, скульптурой и даже предметами обстановки. В данном случае работающим приходится вести общий учет всех слагаемых, составляющих одно целое и уже заранее быть уверенными в конечных результатах начатого дела. Работа над бытовыми комплексами, требующая длительной проработки и изучения древних описей, „вкладных книг“ и других архивных документов, вызывает необ-

Отдел надгробий Донского музея монастыря.

ходимость применения так называемой музейной реконструкции, заключающейся в восстановлении того или иного ансамбля, а последняя в свою очередь выдвигает применение принципа подбора типовых вещей быта. Методы экспозиции систематических собраний музеев-монастырей при наличии древних соответствующих помещений, отнюдь не являющихся художественно-бытовыми памятниками комплексного типа, должны быть основаны на совершенно новых принципах, требующих большого умения композиционно сочетать архитектурные особенности помещения с его внутренним содержанием.

Вид с башни Донского музея-монастыря.

Этот вопрос, как нам кажется, в будущем должен играть в музейном деле большое значение, т. к. недаром он является теперь наиболее актуальным в музейном деле на Западе и в особенности в Германии, где искусству найти удачное соотношение между архитектурными формами помещения, цветом стен, их обработкой и экспонируемыми предметами (Raumkunst) придается огромное значение. Целого ряда других проблем, встречающихся в работе музеев-монастырей за недостатком места мы не коснемся.

Благодаря большой работе, проделанной в музеях-монастырях, в настоящее время не только вполне определен основной тип этих музеев как одного из вариантов культурно-исторических музеев, но даже выработана детальная схема построения основных Отделов музеев-монастырей в зависимости от наличия соответствующих памятников ¹⁾. Несмотря на то, что с начала Революции прошло 11 лет,

в музеях-монастырях по существу проведена лишь начальная стадия организации и, можно сказать, что только теперь начинает выясняться подлинное значение всех памятников музеев-монастырей, имеющих столь исключительную культурную ценность. В заключение следует отметить, что в целом музеи монастыри Московской губернии при удачном подборе цикла экскурсий дают посетителю почувствовать всю бытовую обстановку наиболее ярких исторических моментов, освещающих последовательную смену ряда эпох, начиная с конца 14 века.

Считая главной своей задачей дать основные характеристики музеев-монастырей Московской губернии в зависимости от наличия соответствующего материала, вполне оправдывающего необходимость существования каждого из музеев в отдельности, мы не имеем возможности остановиться на вопросах широкого использования имеющихся музеев монастырей в свете современных требований экскурсионного дела. Этот вопрос освещается в другом месте настоящего сборника.

Охрана памятников в Москве и в Московской губернии.

Если основная работа по научной реставрации наиболее выдающихся памятников искусства велась и ведется главным образом Наркомпросом, в лице его Центральных Реставрационных Мастерских и лишь отчасти проводится специалистами Мосгубмузея, то вся основная работа по учету и классификации этих памятников в пределах Московской губернии осуществлена именно Музейным П. Отделом М. О. Н. О.

Эта чрезвычайно сложная и ответственная работа явилась, может быть, основной работой московского губернского музейного органа, по крайней мере в течение первых лет его существования. Почти с первых же шагов его жизни, буквально на следующий же день после Октябрьской революции, были мобилизованы все специальные научные силы и начался широкий учет памятников, не прекращающийся и до сего времени.

Страна в настоящее время занята глубоким и совершенно органическим стремлением знать и изучать свой край, изучать все те потенциальные силы края, которые явятся основой нового его строительства.

Музейный П. Отдел до конца осознал эту основную предпосылку и в работе своей целиком и безоговорочно встал на точку зрения краеведения.

Одной из задач краеведения, без осуществления которой наше знание страны было бы неполным и однобоким — является изучение прошлого края и пожалуй в первую очередь — истории его материальной культуры, которая, в свою очередь, абсолютно не мыслится без тщательного и кропотливого изучения вещественных памятников этой культуры. В самом деле, ни на чем с такой документальной точностью и буквально осязаемой очевидностью не отразились производственные отношения людей, их бытовой и политический уклад, как на памятниках материальной культуры. С другой стороны — памятники материальной культуры хранят в себе весь производственный опыт народа, его создавшего, и этот проверенный вековой жизнью опыт при умелом и внимательном к нему подходе безусловно может и должен быть использован в деле строительства нового государства.

Вот основные положения, которые, помимо чрезвычайно важного фактора формально-эстетической оценки памятника, обязывают к самому внимательному и осторожному отношению. Уничтожая тот или иной памятник, мы тем самым уничтожаем вещественный документ истории, подлежащий самому тщательному изучению и всесторонней его фиксации.

Эти основные положения дают нам право считать, что проведение этой работы покоится на вполне объективном научном основании и в полной мере лишено того догматизма вещи, которое столь характерно для всякого рода частного индивидуального собирательства.

Самым кратким образом охарактеризуем ту объективную обстановку, в которой эта работа протекает. Москва — центр страны.

Москва — столица громадного государства, бурно развивающегося в своем поступательном движении. Москва растет с молниеносной быстротой: ее улицы, переулки, площади, рассчитанные на сравнительно спокойную жизнь средневекового города, скоро перестанут удовлетворять бурному потоку современной американизированной жизни. Необходимо предпринимать самые решительные шаги к удовлетворению тех потребностей, которые ставит древней Москве эта современность. Москву надо как-то перепланировать, частично перестроить, расширить. И Москва действительно строится, расширяется, навсегда теряя свой специфический облик города, прожившего многовековую историю развития.

Разумеется, перед лицом требований современности, в процессе приспособления к этим требованиям, Москва неизбежно теряет ряд памятников архитектуры, но памятников второстепенного порядка, не являющихся основными вехами творческой истории страны. Не только возможно, но и нужно сочетать требования современности с бережным отношением к величайшим достижениям русской материальной культуры:

В деле учета и охраны памятников искусства и старины перед Музейным П/Отделом стоит совершенно четкая и ясная задача, определяющая всю его работу в этом направлении. Эту задачу можно разделить на две основные части, которые можно условно назвать административной и академической.

По линии административной эта задача выливается в работу по возможно полному выявлению всех памятников искусства (в первую очередь архитектуры) в губернии, к выделению из их числа твердого списка объектов наиболее ценных, за которыми надлежит установить наиболее внимательное и регулярное наблюдение; к фиксации списка памятников, которые должны быть юридически поставлены под охрану Музейного П/Отдела соответствующими органами: Моссоветом и Наркомпросом.

По линии академической — работа по учету и охране памятников сведется к наиболее полному и детальному изучению вообще всех памятников искусства губернии с целью выявления с наибольшей яркостью специфической физиономии московского края, как исторического организма, сложившегося на протяжении длинного ряда веков и пережившего сложную эволюцию своего социального и экономического развития. П/Отдел поставил перед собой задачу систематического изучения стилистических форм искусства (и прежде всего — архитектуры, как искусства определяющего), на основе строгого социологического анализа. Такая работа, охватывающая собой анализ не только первоклассных, с формальной точки зрения, памятников, но и изучение подчас скромных бытовых памятников по истории искусства Москвы, до сего времени еще не произведена.

В этом случае Музейный П/Отдел пытается разрешить проблему применения комплексного краеведческого метода в деле изучения памятников искусства. По крайней мере, такая проблема П/Отделом поставлена, и предварительная работа им уже начата.

Таким образом, первым этапом работы по охране памятников — является по возможности их полный учет. Необходимо сразу зарегистрировать возможно большое количество памятников, и только в процессе более тщательного анализа, разбивая всю их массу по отдельным качественным категориям — выделять те объекты, которые подлежат систематической и планомерной музейной охране.

В работе П Отдела необходимо различать два типа учета — первичный и полный учет. Первичный или неполный учет заключается в том, что мы регистрируем в том или другом территориально-определенном пункте наличие памятника. При чем мы собираем самые общие, элементарные сведения: — точный адрес, характер памятника, его материал — вот те основные вопросы, которые являются достаточными для производства такого первичного учета. Сведения эти собираются или на основании литературных и архивных материалов ¹⁾ или на основании самого беглого поверхностного осмотра памятника ²⁾.

Приняты следующие графические формы такого первичного учета:

Памятник гражданской (или церковной) архитектуры.

№№ по порядку.	Адрес.	Характер постройки (название церкви).	Материал.	Примерная дата.

После составления такого схематического списка первичный учет памятников данной группы считается законченным и начинается работа по полному учету памятников.

Первое условие такого полного учета — это непосредственное обследование памятника в натуре. Обследование производится по значительно более полной схеме, где данные этого обследования по возможности сочетаются со сведениями о памятнике литературного и архивного порядка. Производится более полный формальный анализ памятника, его конструкции, стиля и пр.

Вот те формы, которые употребляются П. Отделом в этой работе

Памятники гражданской архитектуры.

№№ по порядку.	Адрес.	№ дома.	Характер постройки.	Материал.	Дата.	Стиль.	Автор.	Современный владелец.	Современное использование.	Примечание.

Памятники церковной архитектуры.

№№ по порядку.	Адрес.	Название церкви.	А р х и т е к т у р а .					Внутреннее содержание.						Ограда.	Первое упоминание.	Примечание.	
			Основной части.	Дата.		Материал.	Стиль.	Автор.	Архитект. тип.	Роспись.	Иконостасы. Худож. имущество.						
				Трапезной, придела.	Колокольни.						Придела, главные части.	Иконы.	Шитье.				Скульптура.

¹⁾ Таким образом была произведена работа по предварительному учету памятников церковной архитектуры гор. Москвы (1919—23 г.).

²⁾ Работа П Отдела по учету памятников гражданской архитектуры гор. Москвы (1925—26 г.).

Такая разработка списка дает необходимый материал для дальнейшего этапа этой работы — классификации памятников по соответствующим категориям, по их качественной значимости. Вообще говоря, определение качества произведения искусства — вопрос очень сложный и безусловно очень спорный, при всяком его решении будет элемент искусственности и некоторой надуманности. Но с другой стороны целый ряд соображений, главным образом, практического

порядка, требует проведения подобной классификации.

Музейный П/Отдел МОНО совместно с Музейным Отделом Н. К. П. впервые в Союзе проделал такую работу по классификации всех памятников гражданской и церковной архитектуры города Москвы. Может быть, где-нибудь отдельные попытки классификации и делались раньше, но в таком крупном масштабе работа впервые была проведена именно в Москве. В основу ее

Рис. 1. Институт физкультуры (б. дворец Разумовского). М. Казаков—1790. Вне категории.

было положено деление памятников на 4 категории, определение которых было проработано и утверждено Методической Комиссией Главнауки в 1926 г. Вот эти характеристики отдельных категорий.

„Вне категории“. К этой группе памятников относятся уники в историко-архитектурном отношении, представляющие высшие достижения стиля и, как таковые, являющиеся достоянием мирового искусства.

„I категория“.—Все каменные постройки до 1613 года, деревянные до XVIII века и выдающиеся позднейшие постройки, представляющие первостепенное значение в развитии архитектурных форм или являющиеся лучшими выразителями местного (национального) стиля, а также связанные с памятью особо выдающихся исторических лиц и событий.

„II категория“.—

Все каменные постройки от 1613 до 1725 г., деревянные от начала XVIII в. до 1825 г. и лучшие образцы типичных памятников зодчества позднейшего времени, не вошедшие в предыдущую категорию, а также связанные с памятью выдающихся исторических лиц и событий.

„III категория“.—Памятники зодчества—каменные от 1725 г., деревянные от 1825 г., имеющие значение в историко-художествен-

Рис. 2. Военный Госпиталь.—Еготов. 1798. I категория.

ном отношении, сохранившие черты древнего зодчества в характерных деталях, ценную живопись, скульптуру, обстановку, а также имеющие значение в истории быта или связанные с крупными историческими воспоминаниями...

После классификации памятников и составления особого списка по категориям академическая часть работы по полному учету памятников данной группы заканчивается и работа переходит в план административного утверждения списка памятников.

Вполне очевидно, что совсем недостаточно только констатировать ту или иную художественно-историческую ценность памятника, необходимо, чтобы Музейный орган имел определенные юридические права на реальный контроль за этим памятником, за его дальнейшей жизнью, другими словами, необходимо, чтобы учет этот был официально утвержден соответствующим органом.

В Московской губернии в этом отношении установлен следующий порядок. Списки памятников по категориям рассматриваются и предварительно утверждаются особой назначенной Моссоветом междудементальной комиссией в составе представителей Московского Коммунального Хозяйства, Управления Губернского Инженера, Управления Недвижимым Имуществом, Президиума Моссовета и Главнауки Наркомпроса. Только после прохождения списков через такую комиссию эти памятники включаются в состав памятников, состоящих на учете Музейного П/Отдела — особым постановлением Президиума Моссовета,

Рис. 3. Девичье поле № 2.
II категория.

публикуемым в органе Административного Отдела.

После окончательного утверждения списков Музейного П/Отдела, пользователям отдельных памятников посылаются особые учетные извещения с изложением основных обязанностей по отношению к этим памятникам и составляются особые учетные акты, — что и является заключительной фазой работы по полному учету памятника.

Основными обязанностями пользователей памятников, состоящих на учете П/Отдела, является обяза-

Рис. 4. Дом поэта А. Григорьева. М. Полянка, д. № 12
III категория. (Снят с официальной учета).

тельное испрашивание у Музейного П/Отдела особых разрешений на производство всякого рода ремонтных работ, перестроек, изменения той или другой части фасадной обработки и пр., которые с

момента учета производятся под непосредственным наблюдением специалистов Музейного П/Отдела или Главнауки (в зависимости от квалификации памятника). Все вопросы о сносе того или иного памятника, занесенного в учетные списки, предварительно также согласовываются с Музейным Органом.

Вся дальнейшая работа над учетными памятниками протекает по двум основным руслу. С одной стороны это будет работа чисто охранного порядка, состоящая из наблюдения и консультации по вопросам ремонтно-реставрационным и сосредоточенная в деятельности так наз. „Реставрационной Комиссии Музейного П/Отдела М.О.Н.О.“, а с другой — эта работа идет по линии углубленного академического изучения памятника, составления особой картотеки, библиографии его, фотографической и графической фиксации.

Таким образом, всю работу по учету памятников можно суммировать в следующей схеме:

Первая фаза.	
Первичный учет:	На основании поверхностного осмотра памятника.
	На основании литературных и архивных материалов.
Вторая фаза.	
Полный учет:	а) Детальное обследование памятников в натуре.
	б) Классификация памятников по категориям.
	в) Предварительное утверждение списков Межведомственной Комиссией.
	г) Утверждение Моссоветом.
Третья фаза.	
Академическая проработка:	а) Составление картотеки.
	б) Фотографическая и графическая фиксация.
	в) Составление библиографии.
	г) Консультация по ремонту и реставрации, наблюдение за состоянием памятника.

Всего Музейным П/Отделом принято на учет по городу Москве 236 памятников гражданской архитектуры и 238 памятников архитектуры церковной. При чем по категориям эти памятники располагаются следующим образом:

	Всего категория.	I категория.	II категория.
Гражданская архитектура	36	56	114
Церковная архитектура	47	77	114

Кроме того, Музейным П/Отделом зарегистрировано еще 199 памятников гражданской архитектуры III категории и 64 памятника церковной архитектуры той же категории, но эти, имеющие скорее чисто бытовой интерес, памятники не утверждены Моссоветом на учете П/Отдела, и по отношению к ним П/Отделом предпринимаются лишь меры по их фотографической фиксации.

Все памятники, стоящие на учете П/Отдела по эпохам, можно разбить следующим образом:

	XV в.	XVI в.	Первая половина XVII в.	Третья четверть XVII в.	Четверть, середина XVII в.	Первая четверть XVIII в.	Вторая четверть, середина XVIII в.	Четверть, середина XVIII в.	Первая четверть XIX в.	Вторая четверть XIX в.	XX в.
Церковные памятники . .	3	18	13	32	112	23	15	9	12	1	
Гражданские памятники .	—	2	2	6	11	17	76	78	44	—	
Всего	3	20	15	38	123	40	91	87	56	1	

Из самого беглого рассмотрения этой таблицы легко установить в самых грубых чертах наиболее интенсивные эпохи строительства Москвы, хотя каких-либо окончательных выводов на основании этой сводки сделать, конечно, нельзя, она дает лишь некоторую наметку для дальнейшего изучения.

По стилям все учтенные памятники располагаются согласно следующей сводки:

	Др. Моск. XV в.	Др. Моск. XVI в.	Моск. XVII в.	Моск. Барокко.	Барокко.	Классика.	Ампир	Готика.	Ренессанс.	Нов.
Церковные памятники . . .	3	15	70	88	24	19	14	1	3	1
Гражданские памятники . .	—	2	11	6	15	82	119	1	—	—
Всего	3	17	81	94	39	101	133	2	3	1

Почти полное отсутствие памятников гражданской архитектуры ранних веков объясняется тем обстоятельством, что гражданские постройки этих эпох в подавляющей массе были деревянные. В Москве сохранилось довольно значительное количество фрагментарных остатков построек занята особая комиссия при Секции Об-ва изучения Московской губернии „Старая Москва“, под руководством архитектора Н. Д. Виноградова. Однако, в большинстве случаев это лишь фрагменты древних зданий, в значительной мере застроенные позднейшими переделками.

Нижеследующая таблица дает картину топографического распределения учтенных памятников по районам Москвы.

№	Название района.	Церковных памятников.	Гражданских памятников.	Всего.
1	Баумановский	34	47	81
2	Замоскворецкий	41	35	76
3	Красно-Пресненский . . .	38	50	88
4	Рогожско-Симоновский . .	35	24	59
5	Сокольнический	27	15	42
6	Хамовнический	42	56	98
7	Китай-Город	21	9	30

Не безынтересна с точки зрения организации охраны учтенных памятников таблица, классифицирующая их по материалу и способу современной их эксплуатации.

Гражданская архитектура.	По материалу.		По способу современной эксплуатации.	
	Дерево.	Кирпич.	Учреждения.	Жил. товарищества.
„Все категории“	2	34	35	1
„I категория“	6	50	48	8
„II категория“	20	124	80	64
Всего	28	208	163	73

Чрезвычайно трудный, но интересный и важный для истории русского искусства вопрос атрибуции мастеров-авторов данных памятников далеко еще не в полной мере разрешен П Отделом.

Во всяком случае удалось выявить и установить нижеследующий список мастеров, памятники которых дошли до наших дней.

№№ по порядку.	ФАМИЛИЯ АРХИТЕКТОРОВ.	Дата жизни.	Количество памятников.								Всего памятников.
			Церковная архитектура.				Гражданская архитектура.				
			„Вне катег.“	„I катег.“	„II катег.“	Всего.	„Вне катег.“	„I катег.“	„II катег.“	Всего.	
1	Алевиз?	Кон. XV—нач. XVI в.	—	1	1	2	—	—	—	—	2(?)
2	Аргунов, П.	Вторая полов. XVIII в.	—	—	—	—	1	—	—	1	1
3	Бакарев, В. А.	1800—70-ые годы.	—	—	—	—	2	—	—	2	2
4	Барма	XVI век.	1	—	—	1	—	—	—	—	1
5	Баженов	1737—1799 г.	1	—	—	1	1	—	1	2	3
6	Школы Баженова	—	—	—	—	—	—	1	1	2	2
7	Бетанкур	Кон. XVIII—нач. XIX в.	—	—	—	—	1	—	—	1	1
8	Бове, И. И.	1782—1834 г.	1	—	—	1	4	3	1	8	9
9	Блаэк, К.	Умер 1793 г.	2	2	—	4	—	1	—	1	5
10	Борисов	XIX в.	—	1	—	1	—	—	—	—	1
11	Бужинский	XIX в.	—	—	—	—	—	—	1	1	1
12	Буренин, П. Гр.	XIX в.	—	—	—	—	—	1	1	2	2
13	Быковский, М. Д.	1801—1885 г.	—	—	3	3	—	—	—	—	3
14	Анисимов	Вторая полов. XVII в.	—	1	—	1	—	—	—	—	1
15	Де Вальи	XVIII в.	—	—	—	—	1	—	—	1	1
16	Витали	XIX в.	—	—	—	—	3	3	—	6	6
71	Волков, Ф. И.	1755—1803 г.	—	—	—	—	—	—	1	1	1
18	Гайдеи	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1
19	Гваренги, Д.	1744—1817 г.	—	—	—	—	2	2	—	4	4
20	Глебов	XVII в.	—	1	—	1	—	—	—	—	1
21	Григорьев, А. Г.	1782—1868 г.	—	1	—	1	—	2	—	2	3
22	Григорьев, Ф.	Вторая полов. XVII в.	—	1	—	1	—	—	—	—	1
23	Диксентин, Г.	XVII в.	1	—	—	1	—	—	—	—	1
24	Евласhev, А. И.	1706—1760 г.	2	—	—	2	—	—	—	—	2
25	Еготов, И. В.	Кон. XVIII—нач. XIX в.	—	—	—	—	—	1	—	1	1
26	Жеребинов, И.	1724—кон. XVIII в.	—	1	—	1	—	—	—	—	1
27	Жилярди, А. С.	XIX в.	—	—	1	1	—	—	—	—	1
28	Жилярди, Дж. Д. И.	1788—1845 г.	—	—	—	—	5	4	—	9	9
29	Жилярди, Дж. И. Д. (отец)	1757—1819 г.	—	—	—	—	—	3	—	3	3
30	Казаков, М. Ф.	1733—1812 г.	—	3	3	6	6	4	1	11	17
31	Казаков, Р. Р.	Кон. XVIII—нач. XIX в.	1	1	—	2	—	—	—	—	2
32	Школы Казакова	—	—	—	—	—	—	2	—	2	2
33	Кавос, Ц. А.	1824—1883 г.	—	—	—	—	—	1	—	1	1
34	Козмин	XVII в.	1	—	—	1	—	—	—	—	1
35	Козловский	XIX в.	—	—	2	2	—	—	—	—	2
36	Кузнецов, И.	XVII в.	3	—	—	3	—	—	—	—	3
37	Легран	Кон. XVIII—нач. XIX в.	—	—	1	1	—	—	—	—	1
38	Карбонье	Умер в XIX в.	—	—	—	—	1	—	—	1	1
39	Менелас, А.	Умер 1831 г.	—	—	—	—	1	1	—	2	2
40	Мироновский, И. Л.	XIX в.	—	—	—	—	1	—	—	1	1
41	Михайлов, 2-й А. А.	1773—умер 1849 г.	—	—	—	—	—	1	—	1	1
42	Мичурин, И.	XVIII в.	—	—	3	3	—	—	—	—	3
43	Назаров, Е. С.	Кон. XVIII—нач. XIX в.	—	1	1	2	—	—	—	—	2
44	Обухов, В. С.	Род. кон. XVII—XVIII в.	—	—	2	2	—	—	—	—	2
45	Потапов, П.	XVII в.	1	—	—	1	—	—	—	—	1
46	Петров	XVII в.	—	1	—	1	—	—	—	—	1
47	Петрок Малый	Умер в XVI в.	—	—	—	—	1	—	—	1	1
48	Подъячев, И. М.	XIX в.	—	—	—	—	—	—	1	1	1
49	Постник	XVI в.	1	—	—	1	—	—	—	—	1
50	Зарудный, И. П.	Умер 1726 г.	1	—	—	1	—	—	—	—	1
51	Шк. Расстрелли	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1
52	Ринальди, А.	1709—умер в 1790-ых годах.	—	—	—	—	—	1	—	1	1
53	Рихтер	XIX в.	—	—	—	—	—	1	—	1	1

№№ по порядку.	ФАМИЛИЯ АРХИТЕКТОРОВ.	Дата жизни.	Количество памятников.							
			Церковная архитектура.				Гражданская архитектура.			
			„вне катег.“	„I катег.“	„II катег.“	Всего.	„вне катег.“	„I катег.“	„II катег.“	Всего.
			Всего	Всего	Всего	Всего	Всего	Всего	Всего	Всего
54	Старцев	XVII в.	—	1	—	1	—	—	—	—
55	Тон, К. А.	1794—1881 г.	—	1	—	1	1	—	1	2
56	Тюрин, Е. Д.	XIX в.	—	1	—	1	—	1	—	2
57	Чоголов, М. И. . . .	XVII в.	—	—	—	—	1	—	—	1
58	Шестаков	XIX в.	—	—	1	1	—	—	—	—
59	Ухтомский, Д. В. ? .	1719—1780 г.	—	2	—	2	—	—	—	—
60	Яковлев, С.	Кон. XVIII—н. XIX в.	—	—	—	—	—	1	—	1
Всего зарегистрировано 60 мастеров.			16	20	18	54	35	34	9	78
			132							

Настоящая сводка не может считаться окончательной, так как в отдельных сомнительных случаях тот или иной памятник может на основании вновь открытых данных быть приписан авторству другого мастера.

Если работа по учету памятников города Москвы в значительной мере может считаться законченной, то учет памятников губернии проведен еще слабо; есть несколько уездов, где почти не зарегистрировано ни одного памятника.

Музейный П/Отдел, придавая громадное значение этой работе, считает, что плодотворно провести ее можно, только опираясь на местные общественные круги и, в первую очередь, на круги местных краеведов. В этом смысле П/Отдел пришел к заключению, что ему необходимо иметь на периферии своих специальных работников — „уполномоченных“, которые бы занялись делом изучения, учета, охраны и популяризации памятников местного искусства и старины, которые служили бы в то же самое время живой актуальной связью между П/Отделом и местной администрацией с одной стороны и местными общественными кругами — с другой.

Подвести итоги относительно целесообразности этого нового института пока еще трудно, так как на ряду с целым рядом положительных сторон имеются и крупные недостатки, вытекающие главным образом из низкой квалификации большинства работников, их загруженностью основной работой, т. к. работа

Рис. 5. Деталь ц. Успенья села Таболово, Подольск. у. (1704—1710).

уполномоченного идет в порядке общественной нагрузки и не является штатной должностью. Повидимому, будет произведена некоторая реорганизация этого института, о которой, впрочем, говорить еще преждевременно.

Если подавляющее большинство памятников города Москвы в той или иной форме были опубликованы или просто известны специальными кругами, то этого нельзя

Рис. 6. Никольская церковь села Царево (1812 г.) Сергиевск. у.

сказать о памятниках Московской губернии, чрезвычайно, в конце концов, плохо изученной. Несмотря на то, что подробный академический анализ списка памятников и не входит в задание настоящей статьи, считаем не лишним отметить наиболее интересные объекты зарегистрированные отделом по губернии, хотя бы в форме самого краткого списка.

Егорьевский уезд — Спас-Леоновщина — церковь 1795 г. (деревянная).

Бронницкий уезд — Спас-Михнево 1593 г. Церковь села Стенановское (особенно интересна колокольня 1735 г.). Церковь села Покровское 1717 г.

Подольский уезд — Ознобишино — 1677 г. деревянная церковь. Ивановский погост 1674 г. Таболово 1704—1710. Варварино — 1632 г. Дыдыльдино — 1748 г. (деревянная).

Звенигородский уезд — Церковь села Каменское XV—XVI. Цер. села Ершово.

Волоколамский уезд — Церковь села Слезнево постр. XVIII века (дерев.).

Серпуховский уезд — Киасово — второй половины XVII в.

Можайский уезд — Церковь Спас-Косицы — 1761 г. Церк. села Субботино 1764 г. Церк. села Архангельское 1821 г. (И. Бове).

Сергиевский уезд — Церковь села Воронино 1720 г. (деревянная). Церковь села Тишково 1794 г. (псевдо-готика). Церк. с. Воздвиженского 1842 г. Церк. села Благовещенье XVII века (сложная система клетей). Церк. села Леоново 1755 г. (деревянная клетская). Алешино 1740 г. (в формах богатого Елиз. барокко), Царево нач. XIX в. (псевдо-готика).

Дмитровский уезд — Медвежья пустынь (XVI в.). Церковь села Даниловского 1771 г. Церковь с. Дьяково XVIII в. (деревянная). Турбичево XVII в. (деревянная). Юрьево XVII в. (деревянная).

Рис. 7. Медвежья пустынь (XVI в.).

Богородский уезд—Комягино 1692 г., Воскресенское 1706 г. (деревянная).

Коломенский уезд—Пруссы XVI в. шатровая. Афанасьево нач. XVIII в. (деревянная).

Воскресенский уезд—Троицы на Истре XVII в. (деревянная). Полевщино 1704 г. (шатровая). Дмитровск. на Истре XVII в. Церк. села Юркино XVI в.

Орехово-Зуевский уезд—Никитский погост нач. XVIII в. (деревянная). Яковлево начало XVIII в. (деревянная).

Клинский уезд—Клинково XVII в. (дерев.).

В течение 10-летней работы по обследованию уездов Московской губернии, п/отделу удалось зарегистрировать в уездах 576 памятников церковной архитектуры и 106 гражданской.

Прилагаем сводку этих памятников, составленную по отдельным уездам.

Рис. 8. Погост—пять крестов.—Коломенск. у.

НАИМЕНОВАНИЕ УЕЗДА.	Памятники церковной архитектуры.									Памятн. гражданской архитектур.						
	В с е г о.	И з н и х:								Памятн. в городах.	Памятн. в уездах.	В с е г о.	XVI века.	XVII века.	XVIII века.	XIX века.
		Дерево.	Камень.	XIV века.	XV века.	XVI века.	XVII века.	XVIII века.	XIX века.							
Орехово-Зуевский	9	2	7	—	—	—	1	3	3	2	1	8	—	—	—	—
Воскресенский	26	2	24	—	—	—	10	12	3	1	2	24	3	—	—	1
Егорьевский	12	7	5	—	—	—	1	9	—	2	5	7	—	—	—	—
Каширский	12	6	6	—	—	—	2	5	3	2	1	11	1	—	—	1
Клинский	8	1	7	—	—	—	1	5	2	—	3	5	3	—	—	1
Сергиевский	33	4	29	—	1	1	5	14	10	2	7	26	3	—	—	2
Бронницкий	41	8	33	—	—	1	16	17	7	—	3	38	6	—	—	2
Звенигородский	40	2	38	1	1	2	6	17	13	—	4	36	6	—	—	6
Богородский	40	11	29	—	—	—	5	18	11	6	1	39	6	—	—	4
Волоколамский	12	1	11	—	1	2	2	6	1	—	6	6	4	—	—	2
Серпуховский	31	3	28	—	—	1	5	18	6	1	20	11	14	1	1	8
Дмитровский	49	7	42	—	—	3	7	25	12	2	11	38	8	1	—	4
Коломенский	48	3	45	—	—	4	15	19	9	1	14	34	15	2	1	9
Подольский	37	2	35	—	—	2	10	14	10	1	3	34	8	—	—	4
Можайский	46	—	46	—	—	2	7	25	8	4	21	25	9	—	—	5
Ленинский	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Московский	132	15	117	—	—	4	35	37	19	37	—	—	20	—	11	9
Всего	576	74	602	1	3	22	128	244	117	61	102	474	106	4	2	58

Примечание: Памятники, представляющие из себя целые ансамбли (усадьбы, монастыри) рассматриваются в сводке, как один памятник (дата—сбшая, берется по наиболее раннему из памятников).

Резюмируя изложенное, можно констатировать, что работа п/отдела по учету памятников в губернии подвигается к концу своего первого этапа — обследованию всех вообще памятников губернии. Если эта задача исполнена едва ли еще наполовину по отношению к уездным памятникам, то по отношению к памятникам города Москвы работа эта может считаться почти законченной и п/отдел получает возможность перейти к более углубленному изучению материала. Вопросы методов и основных установок этого изучения уже выходят за пределы данной статьи.

Рассмотрев всю систему учетной работы п/отдела за время его существования, считаем необходимым в самой сжатой, схематической форме упомянуть и о его работе чисто охранного порядка.

Моссоветом был сделан ряд постановлений по вопросу о правилах проведения ремонтных и реставрационных работ по состоящим на учете п/отдела зданиям. Все эти правила предусматривал и контроль музейного учреждения над проведением этих работ с точки зрения сохранения и выявления старых архитектурных форм, установления колеров окраски сообразно той эпохе и тому стилю, к которому данное здание относится и т. д.

Вся консультационная и (в значительной мере) контрольная работа по наблюдению и проведению ремонтно-реставрационных работ, как и было уже отмечено, сосредоточивается в т. н. „Реставрационной комиссии музейного п/о МОНО“, состоящей из специалистов п/отдела, представителя музейного отд. Главнауки и Губрабиса. На заседаниях этой комиссии рассматриваются все дела, связанные с ремонтом и реставрацией памятников, и на основании того или другого решения этой комиссии п/отделом выдаются особые разрешения на соответствующие работы. На основании решения Моссовета разрешения эти обязательно должны пользователями ремонтируемых зданий представляться для окончательного согласования в Управлен. Губинжа.

Таким образом над зданиями, состоящими на учете п/о, осуществляется двойной контроль — контроль Губинжа по линии исполнения всех технических правил и контроль музейного п/о МОНО по линии исполнения всех правил, связанных с точным и документальным выявлением основных художественных форм памятника.

Приводящиеся ниже статистические таблицы самым лучшим образом смогут характеризовать работу Реставрационной комиссии как с точки зрения ее объема, так и с точки зрения ее содержания.

Количество заседаний комиссии.		Число разрешений, выданных комиссией.			
Г о д ы.	Число заседаний.	По церквам Москвы.	По церквам губернии.	По гражданск. зданиям.	В с е г о.
1918	2	Сведений не сохранилось.		—	
1919	46				
1920	48				
1921	45				
1922	45				
1923	44	74	9	—	83
1924	51	145	72	—	217
1925	47	140	104	42	286
1926	29	133	53	67	253
1927	33	117	61	47	225
1928					
за 10 месяцев	27	86	34	47	167
В с е г о за 11 лет . .	417	695	333	203	1231

Сводка выданных по разрешениям по характеру работ.

Г о д ы.	Покраска фасадов зданий.	Капитальный ремонт.	Мелкий ремонт.	Промывка стенной живописи.	Реставрация икон.
1923	17	2	31	15	21
1924	42	6	110	29	23
1925	78	7	83	50	15
1926	68	15	107	52	7
1927	47	13	89	58	18
1928	30	16	63	34	21
В с е г о за 6 лет . .	282	59	483	238	105

Вот та статистическая картина, которая выявляет с достаточной яркостью работу комиссии за целый ряд лет ее существования. Более детальный анализ методов и фактических достижений в области реставрации отдельных памятников является темой уже другой статьи настоящего сборника.

Совершенно особую группу памятников, особенную как с точки зрения их содержания, так и с точки зрения практики учетно-охранной работы, представляют из себя историко-революционные памятники.

Вопрос с учетом этих памятников стоит перед П/Отделом во всей своей актуальной широте и требует самого полного и срочного разрешения, тем более, что именно этим памятникам грозит серьезная опасность, благодаря специфическим особенностям их содержания, исчезнуть, не оставив о себе ни малейшего следа.

Закончив работу по учету памятников гражданской и церковной архитектуры г. Москвы, Музейный П/Отдел МОНО в настоящее время приступает к планомерному и систематическому учету именно историко-революционных памятников.

Работа эта до сего времени только начата П/Отделом и проведена лишь в плане учета тех революционных памятных досок и скульптурных барельефов, которые были за годы революции установлены теми или иными организациями.

Всего мемориальных досок, связанных с революционными событиями или деятельностью отдельных революционных работников, зарегистрировано П/Отделом свыше 30. Большинство из них установлено профессиональными организациями в 1925 г. и связано в той или иной степени с юбилеем 1905 г.

Что касается досок-барельефов, установленных в 1918—19 году по специальному постановлению Совнаркома, то таких досок учтено П/Отделом 36 штук.

Необходимо констатировать, что эти доски находятся в большинстве случаев в самом заброшенном, забытом состоянии и, безусловно, требуют к себе более внимательного отношения. Не следует забывать, что доски эти, в иных случаях далеко не представляющие из себя с формальной стороны первоклассных произведений современных нам художников, являются своего рода скульптурными плакатами, связанными с наиболее напряженной и героической эпохой Октябрьской Революции ¹⁾.

¹⁾ Музейным П/Отделом готовится к печати специальная брошюра, посвященная этой забытой странице революционного искусства г. Москвы.

Музейный П/Отдел, конечно, учитывает, что произведенная работа есть лишь самое начало, той большой серьезной работы, какой является учет историко-революционных памятников.

В связи с организацией этой работы по инициативе Музейного П/Отдела МОНО и Музейного Отдела Главнауки было созвано особое совещание с представителем Музея Революции по вопросу о методах и формах учета и охраны историко-революционных памятников.

На совещании был отмечен целый ряд трудностей и неясностей в постановке конкретных мероприятий по их учету, вытекающих из специфической природы историко-революционных памятников, в целом ряде случаев, как бы не имеющих четко установленных и оформленных границ. Особенную трудность представляет в связи с указанным качеством этих памятников вопрос об их охране.

Совещание наметило основную линию работы и установило тот круг учреждений и обществ, с которыми надлежит наладить сотрудничество в этой работе. В первую очередь будет установлена связь с Музеем Революции, Об-вом Изучения Московской губернии, Районными Истпартами, Институтом Методов Внешкольной Работы и рядом отдельных более мелких ячеек, ведущих работу по изучению истории революционного движения своего предприятия и проч. В основу работ должна быть положена инструкция, выработанная и рекомендованная Музейным Отделом Главнауки.

Работа будет произведена силами сотрудников П/Отдела и оформлена в окончательном своем виде Особой Компетентной Комиссией с представительством всех заинтересованных организаций, после чего список историко-революционных памятников будет проведен в общем порядке через Межведомственную Комиссию и представлен на окончательное утверждение в Президиум Моссовета.

Охрана природы в Московской губернии.

Московская губерния, как центральная, густо населенная, губерния с развитой промышленностью, естественно стоит на особом месте в отношении охраны природы. Наличие на территории губернии такого центра, как Москва, ее влияние на окружающую территорию в очень большом радиусе делает этот вопрос чрезвычайно актуальным. Лесные массивы края, когда то густой сеткой лежавшие по губернии, теперь сильно сократились, поределели. Сосредоточие в Москве больших школьных и Вузовских коллективов, совершающих по своим учебным заданиям сотни экскурсий и развитие вообще экскурсионного дела сделало то, что наиболее яркие и интересные участки края становятся почти пустынными— настолько они вытаптываются, „гербаризируются“ и „коллекционизируются“. Научные организации, интенсивно производя раскопки в губернии без плана, без согласования, в ближайшее время окончательно снимут с лица Московского края все памятники курганной эпохи.

Все эти факторы делают особенно острым вопрос об охране природы, ее уголков и пейзажей.

Наша школа совершенно еще не подошла к этому вопросу. Пример западно-европейских школ, особенно германской, казалось бы должен возбудить подобную работу среди педагогов. Американская же школа доказала, что проведение идей охраны природы через школу не только педагогически ценно, как это выяснено и германской школой, но и материально выгодно. Все это проходит мимо нашей школы и мимо педагогов. Бесспорно влияние Биостанции им. Тимирязева в Сокольниках на дело охраны природы сказалось (день леса, день птиц и т. д.), но как бытовое, постоянное явление нашей школы это влияние не закрепилось. В этой области предстоит еще громадная работа, особенно в наших провинциальных школах. Но это только одна сторона работы по охране природы. Другие наиболее заметные лежат далее. Массы взрослого населения не лучше, чем дети относятся к делу охранения природы.

Те потоки городского населения, которые летом, вечерами, в праздники высаживают наши железные дороги загородных линий, потоки нагруженные целыми снопами цветов,—т. наз. „букетов“— большая часть которых уже засохнет и увянет в этот же день и будет брошена,—свидетельствует, что эта масса горожан как саранча набрасывается на наши луга, поляны и цветы и без разбора рвет все, что попадает на глаза. А обращение пешеходов с зелеными насаждениями в городе? Разве пешеход идет по дорожке? Отнюдь нет. То же самое мы видим и среди экскурсантов, которые посещают наши парки-заповедники: Кусково, Урюпино, Архангельское— и т. д. Здесь пропаганда охраны насаждений никогда не велась и не ве-

дется. Да сами руководители групп и не видят здесь ничего особенного. Мы приводим эти примеры, и их можно привести до бесконечности — для того чтобы указать, что если организованные группы так относятся к делу охраны, то что же можно ждать от неорганизованного населения. Тут дело стоит, конечно, очень плохо. Не существует даже и понятия, что есть „охрана“ природы. Все можно и должно охранять, но природа — на то она и дана, чтобы ею „пользоваться“. Рациональное пользование природой еще не проведено в массы. Здесь нам приходится сказать — кого же винить? Правда, винить не стоит, но отметить надо — что следует учиться и в этом отношении органам, руководящим культурной жизнью. Что же видим мы в этом отношении? Самое тоскливое и печальное зрелище. Ни одно учреждение, или орган ведущий культурное строительство, не задумывается над вопросом об охране природы. Даже больше. Здесь мы можем наблюдать обратно пропорциональное отношение. Что говорить о таких организациях как Москвотоп и другие. Здесь подход определенный: вырубить, что наиболее ценно. Хозяйственный расчет, наибольший барыш диктует все, а что будет с губернией и ее природой — такие организации не задумываются. Такие организации определены. И с ними борьба возможна лишь по линии административного запрещения или привлечения к суду. Гораздо сложнее стоит дело с организациями не хозяйственного значения. Не будем говорить о фактах бывших в других областях — проводка железно-дорожной ветки посреди векового дубового парка в Стрельне (Ленинград), — мы такие же факты найдем и в Московской губернии. Таков, например, факт вырубки в прошлом году заповедника с. Архангельского — леса служившего и охранный зоной московского водопровода. Вырубка проведена для того, чтобы провести электрические провода. Когда указывалось на необходимость отвода проводов, то получалось в ответ: „МОГЭС не разрешает“. Вот это „не разрешает“ и тормозит дело охраны природы. Музейный п/отдел МОНО, для сохранения этого лесного насаждения, в конце концов прибег к последнему средству — вырубка должна быть согласована с управлением водопровода. Учреждение ответило, что дальнейшего согласования не требуется и рубка началась.

Мы даем из целой серии фактов один, в котором, как в фокусе, сконцентрированы все особенности и бытовые условия дела охраны природы. На нем мы можем учиться борьбе за охрану природы. Теоретически и юридически подходя к этому вопросу мы должны ясно и четко сказать, что законодательство по охране природы, имеющееся у нас в РСФСР, является самым совершенным, полным и наиболее ярким законодательством в мире. Но имея такое прекрасное законодательство мы еще не провели его в жизнь, не сделали бытовым явлением в нашей административной и хозяйственной деятельности. Эта одна из очередных задач и дела охраны природы, и деятельности краеведческих организаций, и музеев губернии.

Все недоразумения и отрицательные факты в деле охраны природы на местах конечно получают благодаря неосведомленности краеведческих организаций с декретами и инструкциями по этим вопросам. Их надо сделать популярными, их надо пропагандировать.

Позволяем себе сделать беглый обзор основных декретов и статей инструкций, действующих сейчас в деле охраны природы.

11 Октября 1921 г. издан „Декрет Совета Народных комиссаров об охране памятников природы, садов и парков“.

1. Этим декретом намечались пути работы по охране природы. В пункте 1-й статьи 6-й означенного декрета говорится, что „участки природы и отдельные произведения (животные, растения, горные породы и т. п.) представляющие собою научную и культурно-историческую ценность, нуждающиеся в охране могут быть объявлены Нар. Ком. Просвещения, по соглашению в каждом отдельном случае с заинтересованными ведомствами и учреждениями, неприкосновенными памятниками природы. Пунктом 2-м „более значительные участки природы, замечательные своими памятниками“ объявлены „заповедниками и национальными парками, неприкосновенными памятниками садово-парковой культуры“ объявлены сады и парки историко-художественного значения.

2. Этот первичный декрет дававший направление в деле охраны природы декретом от 19 апр. 1923 г. был обеспечен возможностями материальной базы.

3. Изданный 7 Января 1924 г. и действующий и поныне, декрет В.Ц.И.К'а и Совнаркома Р.С.Ф.С.Р. об учете и охране памятников „искусства, старины и природы“ опубликован в „Известиях ЦИК СССР и ВЦИК“ от 21 Февраля 1924 г., а в собрании Указаний и Распоряжений Раб.-Кр. Правительства от 24 марта 1924 г. № 18 стр. 179. Этим декретом окончательно установлены пути охраны природы, методы и объекты охраны и организационные формы по охране памятников природы.

4. Общие основания, установленные всеми вышеупомянутыми декретами, детализированы особой инструкцией, изданной Народным Комиссариатом по просвещению и утвержденной ВЦИК'ом 7 июля 1924 г. (опубликована в Собр. и Распор. Раб. Крестьян. Правительства 10 сент. 1924 г. № 66, стр. 654).

Инструкция эта является чрезвычайно важным документом в деле охраны природы и она не только детально указывает пути работы, но и устанавливает определенные формулировки типов охраняемых мероприятий.

Все декреты ВЦИК и инструкции НКП являются общими руководящими источниками в деле охраны природы. Но все же многие стороны этой деятельности были еще не обеспечены законодательными актами, восполнением чего являются те правила, которые издавались заинтересованными ведомствами. Так для регулирования добычи животных (рыб, пернатой дичи, зверя) изданы „Правила производства охоты“.

Для охраны лесов имеются особые „правила по борьбе с пожарами“, с „самовольными рубками“ и т. д.

Все эти локальные правила, инструкции и декреты являются для краеведов на местах и для Музейного Подотдела чрезвычайно ценным источником защиты и охраны природы и ее памятников.

Практика природоохранительных мероприятий и декреты нашего законодательства установили определенную форму охраны природы. Одной из основных, правда предварительных работ, по охране природы того или иного района или уезда должны служить работы по учету явлений и фактов жизни природы. При чем сюда включаются, как естественные памятники природы, так и искусственного характера (парки, сады и т. д.), эту работу можно провести только краеведным организациям: музей, об-во, кружок. И конечно в свои производственные планы наши краеведные организации на местах должны

вносить эту форму краеведной работы. Только при наличии такой учетной работы возможна в дальнейшем планомерная работа по охране природы уезда или района, возможны те или иные мероприятия в этой области. Учет должен быть сначала ориентировочным, затем полевым с обмерами, фотографированием и т. д. На каждый такой учтенный памятник природы необходима карточка. В учет памятников природы входят, помимо уже указанных, памятники природы искусственного характера: парки, сады и насаждения акклиматизационного значения (парк с. Введенского—Звенигородского уезда—где 34 вида американской флоры) и т. д. И объекты всех сторон жизни природы: геологии, растительных сообществ, пресные водоемы, обнажения, рощи, лесные участки с животным населением, гнездование птиц, места нерестования и т. д. Здесь мы имеем много фактов, говорящих за скорейшую работу. Известный среди геологов Серебрянный овраг у Мневников с его озерком ледникового периода, где сохранилась и фауна и флора, силами и энергией экскурсантов окончательно подходит к уничтожению. Фиксация его и запрещение его раскапывания диктуются задачами науки. Наконец, охрана юрских обнажений по берегу р. Москвы у тех же Мневников тоже должна быть поставлена на очередь. Таких примеров наберется в каждом уезде безконечное количество.

Но, чтобы проводить планомерную охрану, надо именно учесть то, что мы имеем. Поэтому-то учет мы и ставим в основу всей работы.

Дальнейшие пути—это научное описание всего учтенного силами местных научных организаций (обществ, музеев) или силами научных учреждений центра.

Проделав эту предварительную работу, местные краеведные организации выясняют возможность совместно с другими учреждениями и союзом Охотников составления охранных участков.

В план таких участков по уезду необходимо включить не только лесные участки, луговые, болотные, парковые, акклиматизационного значения, озера или обнажения, но и участки, на которых расположены курганы или городища. Последняя категория учетных памятников особенно важна для нашей губернии в последнее время. Молодые археологи с рвением принялись учиться технике раскопок на памятниках Московской губернии.

Стоит угроза полного уничтожения их. Не говоря уже о том, что в будущем и техника раскопок, и методы, и задачи, предъявляемые к ним, будут более совершенны. С исследовательско-культурной точки зрения надо иметь известную сеть таких памятников, нетронутых раскопками.

В этой области мы имеем много безобразного. Теперь, даже при наличии „правил для производства раскопок“ Главнауки курганы безобразно раскапываются. Местным краеведческим организациям необходимо зорко следить за этим и привлекать к ответственности всех нарушивших их кто бы они ни были.

Последующая работа—это объявление наиболее ярких и ценных участков заповедниками. Последняя работа должна пройти через Музейный П/Отдел МОНО на утверждение „Государственного Комитета по охране природы“.

Для выявления ценности того или иного участка, как заповедника необходимо привлекать Об-во Изучения Московской губернии в лице ее „комиссии по охране природы“.

Типы заповедников могут быть различны:

1) Полная заповедность—участок находится под полной охраной с огороженностью (по нашим московским условиям), и с технической охраной, и под научным наблюдением.

2) Заповедность только в смысле запрещения охоты, рубки, выласа в объектах и без искажения объекта.

3) Заказничество—где запрещается охота. Последний вид устанавливается на известный срок.

Московская губерния еще очень робко в этом отношении приступает к созданию заповедников и заказников.

Практические мероприятия по охране природы прежде всего вылились в создании ряда заповедников по Московской губернии. Таковых мы имеем:

1. „Косинский Государственный заповедник“ — ст. Косино, Казанской жел. дор. площадью 54,5 гект. Три болотных озера: „Святое“, „Белое“ и „Черное“, служащие станцией для болотной птицы, лесная площадь. При заповеднике работает научно-исследовательская гидро-биологическая станция. Заповедник расположен в пределах Московского уезда.

2. Заповедник „Живая Книга“ — близ города Богородска Московской губ. Площадью 26,2 гект., лесной, болотный и речной заповедник, через который протекает р. Клязьма. Имеется лаборатория и метеорологическая станция.

3. Озеро Киево.

4. Государственный Звенигородский заповедник „Городок“ в гор. Звенигороде.

5. Заповедник акклиматизационно-паркового типа в усадьбе „Горки“ Московского уезда, Козловской волости близ с. Сетунь.

6. Луцинский болотный заповедник Звенигородского уезда, Ивано-Шныревской волости, в 10-ти верстах от города; в ведении гидро-биологической станции Наркомзема.

7. Заповедный квартал (№ 38) Погонно-Лосинского острова Московского уезда.

Кроме того, на основании декрета от 16 октября 1921 г. объявлены неприкосновенными памятниками садово-парковой культуры следующие сады и парки губернии:

1. Парк и усадьба „Государева Дворцового села Остров“ Подольского уезда, Островской волости в 12 верстах от ст. Царицино, Курская жел. дор. (150-летние липовые насаждения).

2. Парк усадьбы „Отрада“ гр. Орлова-Давыдова, Серпуховского уезда.

3. Парки с. Ярополец, Волоколамского уезда, в 16 верстах от города Волоколамска, усадьбы гр. Чернышева-Кругликова и Гончаровых. (Первый—версальского регулярного типа, второй—с 150—130-летними липовыми насаждениями).

4. Парк усадьбы Марфино — гр. Паниной в 30 верстах от Москвы и 4 вер. от ст. Катуар — Савеловской жел. дор.

5. Парк с. Введенского-Першина — Звенигородского уезда, в 2-х верстах от города, при станции, с американской растительностью.

6. Парк усадьбы Горенки гр. Разумовского в Московском уезде, в 4 верстах от платформы Салтыковка Нижегород. жел. дор. Парк, где растительность осталась от бывшего здесь первого русского ботанического сада.

7. Парк с. Михайловского гр. Шереметева, Подольского уезда, в 27 верстах от города.

8. Парк усадьбы Кузьминки кн. Голицина, Московского уезда, в 2-х верстах от ст. Вешняки Казанской жел. дор.

9. Парк с. Кунцева, Козловской волости, Московского уезда, в 6 верстах от города и в 1½ верст. от станции Кунцево Бел.-Балт. жел. дор.

10. Петровский Парк за Тверской заставой.

11. Измайловский Зверинец за Семеновской заставой.

12. Парк и усадьба „Глинки“ им. Брюса, Богородского уезда, в 12 верстах от ст. Щелково, Северн. жел. дор.

13. Парк „Покровского-Рубцова“ Воскресенского уезда, в 4 в. от города.

14. Парк усадьбы „Поречье“, гр. Уварова, Можайского уезда, в 22 верст. от ст. Уваровки,—Бел.-Балт. жел. дор.

15. Парк Богородского-Воронихина, Московского уезда, Зюзинской волости.

16. Парк. с. Лопасни, Серпуховского уезда, в 4 вер. от ст. Лопасня, Курск. жел. дор.

17. „Даровое“ — имение Достоевского, Каширского уезда, в 12 верстах от ст. Зарайска, Казанск. жел. дор.

18. Парк усадьбы Зендикова — Каширского уезда, в 3-х верстах от города Каширы (б. кн. Барятинских).

19. Сокольники под Москвой.

20. Усадьба Кучино — Московского уезда, Пехорской волости, близ ст. Кучино, Нижегородской жел. дор.

21. Парк с. Петровского кн. Голицыных — Воскресенского уезда, в 3-х верстах от ст. Усово, Бел.-Балт. жел. дор. Площадь парка 23, 28, бора 52, 20.

22. Парк писателя Григоровича — Каширского уезда в 4-х верстах от ст. Озеры, Казанской жел. дор.

23. Парки усадьбы Ахтырки, Сергиевского уезда, Хотьковской волости в 3-х верстах от ст. Хотьково, Северной жел. дор.

24. Акклиматизационный парк быв. Аршиковых близ Царицына, Курской дороги.

25. Парк усадьбы Середняково, Московского уезда, Ульяновской волости в 3-х верстах от ст. Фирсановка, Октябрьской жел. дор.

26. Парк с. Глебова — Каширского уезда.

27. Пафнутьевский парк Троице-Сергиевской Лавры, в г. Сергиеве — 365.000 кв. м.

28. Парк с. Воронина — им. Верстовского, Софринской вол., Сергиевского уезда, в 4-х верстах от Софрино, Северной жел. дор.

Кроме того, при музеях-усадьбах их парки тем же декретом установлены, как охраняемые неприкосновенными памятниками садово-парковой культуры.

1) Куусово, 2) Останкино, 3) Архангельское, 4) Царицыно, 5) Никольское-Урюпино, 6) Покровское-Стрешнево, 7) Остафьево, 8) Ольгово, 9) Мураново, 10) Абрамцево, 11) Дубровицы, 12) Новый Иерусалим — 12 дес.

В списках Наркомпроса числятся еще и парки Москвы: 1) Нескучный Сад, 2) Вдовий дом, 3) Найденовская усадьба.

Итого общее количество охранных пунктов по Московской губ. — 50:

а) заповедников — 7, б) парков в губернии — 28, в) парков при Музеях — 12, г) парков Москвы — 3.

Кроме заповедников и охранных парков, на территории Московской губернии имеется еще и некоторое количество заказников. Предположено М. О. З. О. их довести до 170.000 гект.

Списки заказников—учрежденных в 1927 г. сроком по I/VIII—30 г.

1. Московский уезд, Бедняковская волость—650 гект. в границах: с Востока—от ст. Поварово, Октябрьской жел. дор.—по линии жел. дор. до с. Жуковки, от которой (с Сев.) по проселочной дороге на с. Алексеевское; с Запада—от с. Алексеевского по проселочной дороге на Дудкино и с Юга—от Дудкина по проселочной дороге до ст. Поварово.

2. Орехово-Зуевский уезд. В Селищенском лесничестве¹⁾—4.400 гект. в границах: с Севера—река Сеньга и крестьянские луга, с Востока—противопожарный просек, с Юга—дорога по проселку, оканная канавою и с Запада—граница Селищенской лесной дачи от крестьянских лугов.

В заказник входит: 31, 42, 41, 43, 44, 45, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107 кварталы Селищенской дачи и озера: Святое, Оленье, Круглец и Окунек.

3. Богородский уезд, Пригородной волости—2,450 гект. в границах: с Севера—линия жел. дор. из Глуховиц на Лальнинское болото; с Востока—река Ширна; с Юга—Московское-Нижегородское шоссе и р. Клязьма; с Запада—р.р. Клязьма и Зогребка.

4. Звенигородский уезд, Кубинская волость—1.700 гект.—Кубинская казенная дача в границах: с Севера—р. Тростна, с Востока дорога из села Кубинки, дер. Чупряково, а с Юга и Запада—просеки от крестьянских земель: дер. Акулова, с Дютькова и дер. Асакова.

5. Сергиевский уезд, Федоровцовской и Хребтовской волостях (Заболотское лесничество). 3.600 гект., из которых около 500 гект. для водоплавающей птицы, в границах: Север—от шоссеиной дороги из г. Сергиева на Углич по реке Сулоти, от Сулотских мостов до Дорогина переезда, где владает речка Сухманка; с Востока—по реке Сухманке, по границе лугов крестьян дер. Власовой и пустоши Грибово, хутора Мироновых, с Юга—по границе полей в деревнях Власово и Торгашино; с Запада по дор., от д. Торгашино в дер. Федорцово до просеки леса местного значения д. Переяславище, и затем на просеке названного леса до лесов р. Сулоти и по берегу этой реки до Сулотских мостов Углицкого шоссе.

6. Сергиевский уезд, Долголуговского Лесничества в Путиловской и Шараповской волостях—4.000 гект.. 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 45, 46, 47, 48, 49, 61, 1, 3, 5, 6, 44 кварталы и урочище Палкино в границах с Севера и С—В. речка Углинка, земли дер. Зубковой и д. Кобылина, Ларинская лесная дача и дача быв. Дараган Долголуговского лесничества и земля д. Иевлевой; с Востока дача м. Дороган Долголуговского лесничества; с юга—Богородское лесничество, земли д. Ряполовой, д. Лукьянцевой, Ларинская дача Долголуговского лесничества и земли д. Коськово на дер. Куроедово и земли дер. Торбеевой.

7. Московский уезд—950 гект. „Выхинское болото“ в границах с Севера—дорогой от поселка Косино по южному берегу озера „Белое“, затем просека—граница земли поселка Вешняки; с Востока—дорога от поселка Косино до ст. Косино Моск.-Каз. жел. дор.; с Юга—линия Моск.-Каз. жел. дор. до дороги в поселок Вешняки; с Запада—дорога от линии Каз. жел. дор. до поселка Вешняки.

Заказник этот утвержден по ходатайству Тов-ва „Московский Охотник“ специально для устройства в нем полевых испытаний ле-

¹⁾ Селищенский заказник отменен.

гавых собак. При чем Тов-во обязуется произвести в нем посадку дупелей и серых куропаток, а время испытания собак должно быть согласовано с Лесным Отделом МОЗО.

В результате сделанного обзора следует признать, что мы имеем прекрасно разработанное законодательство по охране природы и разъясняющие и дополняющие его инструкции Н.К.П. Практического же осуществления и создания действительной охраны природы у нас в Московской губернии еще нет. Все что имеется в этом отношении крайне случайно, например, число и распределение заповедников, за исключением парковой культуры, где все наиболее крупное и интересное взято на учет и объявлено неприкосновенным. Но и здесь нет той действительной охраны, какая необходима.

Необходимо этот вопрос поставить и разрешить. Вопрос же о заказниках как охотничьих хозяйствах, уже поставлен в МОЗО и будет разрешен.

Выправляя эту отсталую линию в культурном строительстве Московской губернии — Губернский Музейный П/Отдел МОНО поставил перед Об-вом Изучения Московской губернии, где имелась „комиссия по охране природы“, и где собраны научные и краеведческие силы Москвы и губернии вопрос о составлении сети заповедников, охватывающих растительность, географические объекты, геологические обнажения и т. д. На заседании Комиссии был по этому вопросу поставлен доклад Н. С. Елагина, в результате которого Комиссия составляет такой список, при содействии проф. В. В. Алехина, проф. А. А. Борзова, Н. Я. Каца, Н. В. Шибанова и др. специалистов. Намечено сделать шесть основных биологических заповедников по губернии, не предпреляя в каких уездах.

Кроме того, в ряде уездов уже поднят и поставлен вопрос перед Исполкомами об объявлении ряда участков или заказниками, или заповедниками.

Так в Сергиевском уезде установлены УЗО заповедники:

1. Долголуговское лесничество (в районе дер. Кобылино) кв. № 5 площадью в 156,9 дес. Участок представляет старый еловый лес в возрасте до 170 л. с примесью широколиственных пород: дуба, липы, клена и отчасти ильма и ясеня, в травянистом покрове участка есть формы типичные для южного района.

2. То же лесничество кв. № 13, площ. в 140 дес. Еловый лес возр. в 150 л. Того же типа что и № 1.

3. Троицко-Слободское Лесничество в части Вифанской дачи между дорогой и землями дер. Зубцовой, площ. около 100 дес. Участок елового леса в возрасте 120 – 200 лет. Травянистый покров типичен для северных растительных форм.

4. Долголуговское лесничество — Ельдигинская дача площадь в 30 дес. липового леса, редкого для уезда насаждения.

5. Урочище „Корбуха“ площадь в 2 дес. липового культурного насаждения в возрасте 150 лет.

6. Парк культурно-исторического значения при с. Ахтырке, Хотьковской волости в возрасте до 120 лет.

7. Парк культурно-исторического значения при усадьбе быв. Волчкова около дер. М. Шурма, Хребтовской волости

По Дмитровскому уезду. Насаждения научного значения.

1. Реликтовые насаждения широколиственных пород (дуб, клен, ясен) в небольшой роще близ Николо-Песношского монастыря,

2. Ясеновская роща близ с. Орудьева площадь 3 десятины.

3. Дмитровское лесничество Нелидово-Балабановской дачи—липовый лес в квартале № 20.

4. Тимоновское лесничество—Вельско-Чугуловская дача кв. № 59 и 60. Еловый лес с богатой травяной растительностью, типичный участок хвойных насаждений северной части губернии.

5. Тимоновское лесничество кв. № 67 елово-сосновый лес в возрасте свыше 150 лет с травяным покровом очень богатым.

6. Тимоновское лесничество кв. № 41 песчаный сосновый лес с однообразным моховым покровом.

7. Вербилковское лесничество кв. № 15 и 40 сосновый лес на дюнах и сфагнумовое болото.

8. Вербилковское лесничество кв. № 43 на р. Ветелке вересковый сосновый бор на дюнах.

9. Парк в усадьбе с. Оболянова.

10. Парк в усадьбе Ольгово.

11. Парк в селе Андреевском.

12. Березовая аллея из г. Дмитрова в с. Рогачево (XVIII в.).

Заповедники санитарно-гигиенического и культурно-просветительного значения.

1) Сосновый лес близ г. Дмитрова, 2) смешанный лес—уроч. „Таборы“ близ Дмитрова, 3) смешанный лес—уроч. „Матусово“ близ Дмитрова, 4) березовая роща близ Дмитрова, 5) Головинский лес близ платф. Влахернская.

Заказаны лесничеством парки уезда:

1) Парк при д. Петраково—1 дес., 2) парк при с. Надеждине—1,5 дес., 3) парк при с. Дьякове—0,75 дес., 4) парк при д. Хорошилове—0,25 дес., 5) парк при с. Деденеве—10 гк., 6) парк при с. Морозове—0,50 дес., 7) парк при с. Семакине, 8) парк при с. Карцеве—1 дес., 9) Городская роща—г. Дмитров—12 гк., 10) парк при д. Шпилево—1,5 дес., 11) парк при д. Ваньково—1,5 дес., 12) парк при с. Ольгове 10 гк., 13) парк при с. Оболянове—10 дес., 14) парк при с. Горки—8 дес., 15) парк при д. Семеновское—5 дес., 16) парк при с. Носково—0,5 дес., 17) парк при им. Даниловское—0,6 дес.

После работы Комиссии при Об-ве Изучения Московской губернии—все намеченные заповедники Музейному П/Отделу необходимо будет провести через „Государственный Комитет по охране природы“.

Одновременно с этим составить сеть археологических заповедников по уездам Московской губернии, куда должны быть включены наиболее яркие представители различного рода типов городищ губернии, характеризующие и этнические группы, и колонизационный процесс в губернии, курганы и курганные поля. Необходимость такой меры вызывается, во-первых, тем темпом археологических раскопок, который может через 5—6 лет поставить губернию перед явлением полного отсутствия в ней нераскопанных, нетронутых курганов, городищ, во-вторых, необходимостью сохранить такие археологические памятники для использования их в культурно-просветительной работе путем экскурсий учащихся, политпросветительной работы и т. д. Такие археологические заповедники должны иметься в каждом уезде и быть органически связаны с архитектурными памятниками уезда и краеведческими музеями, как единая музейно-охранная сеть уезда¹⁾. Проведение такой системы запо-

¹⁾ Что же касается парковой культуры, то начатый учет П/Отделом усадеб и парков должен быть проведен в скорейший срок. Затем, пересмотрев списки уже имеющихся в этой области парков, необходимо составить основной, твердый список парков культурно-исторического значения, которые также должны войти в музейно-охранную сеть.

ведников по губернии в планомерном ее построении явится основой в дальнейшей работе II Отдела в деле охраны природы.

В дальнейшем необходимо провести, через уездные краеведческие организации и музеи, инвентаризацию интересных в художественном, историко-культурном и научном отношении уголков природы, редких и ценных в районе этих организаций, растений и животных.

Примерный каталог такой инвентаризации:

1. Отдельные вековые деревья (примерно в роде „Нестеровских сосен“ в Абрамцеве, спасенных музеем от вырубки, дуб в парке Никольского—Урюпино).

2. Группы деревьев или рощи (примерно: дубовая роща в Песнощском мон-ре; дубовая роща „Дубацино“ и подмонастырские рощи под Саввино-Звенигородском мон-рем).

3. Культивные рощи или деревья.

4. Названия и места расселения редких растений и животных (например: „Лунник“ в Ульяновской волости, Московского уезда; „Окская флора“ по берегам Оки—Серпуховского уезда).

5. То же по отношению к усиленно истребляемым (и почему именно) животным и растениям.

6. Места значительного скопления ископаемых, растений и животных (напр.: берег реки Москвы у д. Мневники (юра); Серебряный овраг (ледниковое озеро) Московского уезда).

7. Геологические обнажения (примерно, обнажения Туфа в Ульяновской волости, Московского уезда и обнажения Туфа у Можжики близ Звенигорода).

8. Местонахождения дубрав и др. естественных насаждений широколиственных пород (липа, клен и т. д.).

9. Типы и местонахождения боров.

10. Места массовых гнездований водоплавающей птицы (озеро Киево—чайки).

11. Места временного скопления (станция) пролетных птиц.

12. Места нерестования ценных промысловых рыб.

13. Крупные, свыше 2 м. в поперечнике, валуны.

14. Особо богатые рыбой (какой именно) водоемы. (Напр., форели в прудах с. Отрады, Серпуховского уезда).

15. Интересные в гидрологическом отношении водоемы (в роде периодических понижений уровня воды в окнах болотин, или изменяющееся направление реки и т. д.).

16. Красивые ландшафты.

17. Причудливые по очертаниям холмы.

Этот каталог не полон, его надо дополнить, быть может составить вновь, но он показывает основное направление таких природоохранительных каталогов и инвентаризации явлений природы Московской губернии.

Такая регистрация возможна, как я уже говорил выше, через уездные Об-ва и музеи, но к ней должны быть привлечены и наши уездные уполномоченные, для чего им необходим отпуск средств на выполнение такого задания. Уполномоченные в свою очередь могли бы создать по волостям кадры своих агентов из числа учителей, политпросветчиков или комсомольцев, за работу которых, по наблюдению за взятыми на учет объектами, Музейный П/отдел мог бы высылать экземпляр или газеты, или какого либо журнала.

Через те же организации Музейный П/Отдел должен повести и пропаганду по охране природы.

1. Обращение от Губмузея к краеведческим обществам и музеям, чтобы они включили в программы своих работ вопросы охраны природы и ее представителей.

2. Обращение (печатное) к педагогам школ Московской губ. воздержаться от собирания в школьный музей птичьих гнезд и яиц. Вести пропаганду среди школьников о неразорении гнезд и не ловли птиц. О постановке в окрестностях школы искусственных гнезд, скворешниц и т. д. О взятии шефства над лесом и пернатыми близ лежащих к школам участков леса.

3. Составление, отпечатание и рассылку по школам, Викам, чайным и т. д. плакатов со списками полезных животных и насекомых.

4. Отпечатание плаката и его рассылку с перечнем названий и видов (фотографии, рисунки) птиц безусловно подлежащих охране согласно Парижской конференции 1902 года. — 1) Сыч, 2) Воробьиный сирий; 3) Ястребиная сова, 4) Неясыть, 5) Силуха, 6) Сова болотная и ушатая, 7) Сплюшка, 8) Дятлы всех видов, 9) Сиворонка, 10) Шурки, 11) Удод, 12) Пищухи, 13) Стенолазы, 14) Поползни, 15) Стрижи, 16) Крапивники, 17) Синицы всех видов, 18) Мухоловки, 19) Козодои, 20) Соловьи, 21) Варакушки, 22) Горихвостки, 23) Малиновки, 24) Чеканы, 25) Чеканчики, 26) Завирушки, 27) Славки, 28) Пеночки-пересмешки, 29) Камышевки, 30) Камышевка травяная, 31) Пеночки, 32) Корольки, 33) Клесты, 34) Щеглы, 35) Ласточки всех видов, 36) Трясогузки, 37) Щенрицы, 38) Чижи, 39) Скворцы обыкновенные, 40) Скворец розовый, 41) Жаворонки, 42) Кукушки, 43) Коростель, или дергач, 44) Чибисы.

Такую таблицу необходимо напечатать через торговый сектор МОНО, как наглядное пособие и разослать по школам для вывески их на стенах классных комнат.

5. Организация по волостям или в уезде комиссий по охране природы с привлечением представителей: а) Отдела защиты растений; б) Уездного Земельного Отдела; в) Местного Лесничества или инспектора лесов; г) Сюза охотников и других организаций.

Выставки могут организовывать или Об-ва, или музеи с привлечением школ города, педагогов-естественников и кружков комсомольцев и вообще школьников I и II ступени.

6. Выделение в музеях особой витрины по охране природы с картограммами, схемами и т. д.

И, наконец, последнее мероприятие в деле охраны природы Московской губернии — это система „накопляющих методов охраны природы“.

К этому умножению, накоплению исчезающих, или уже у нас в губернии исчезнувших, произведений природы относится оборудование зверо-птицеводных питомников отдельно, или в заповедниках. К ним же относятся и заказники уже существующие у нас и предназначенные к созданию (МОЗО).

Приспособление парков или близких к городу участков леса в целях привлечения полезных не охотничьих птиц — что можно провести и путем шефства над лесом или парком той или иной школы II ст., где есть кружки юнагов или привлечение сюда „Био-сада“, находящегося в ведении МОНО, и Биостанции им. Тимирязева. Или устройство на особых участках искусственных насаждений из редких в данной местности, или исчезнувших из губернии растений — подобно тому, как в быв. имении акад. А. и Ольги Федченко-Ольгино Можайского уезда — посажена флора Памира.

Наконец, в заповедниках желательно разведение бобров — этих исконных обитателей Московского Края, истребленных окончательно лишь в XVIII веке. Плох тот московский краевед который не сумеет развести вновь бобров в пределах Московского Края в естественной обстановке.

Но, чтобы действительно обеспечить охрану природы в губернии, Музейный П/Отдел должен, через своих уполномоченных и музейных работников, следить за охраной природы. Это, во-первых.

Во-вторых, вопрос материальный. На содержание стражи во всех заповедниках должна быть отпущена особая ссуда от Моссовета. Сколько надо держать стражи и какая сумма потребуется можно лишь сказать тогда, когда будет точно установлена сеть заповедников. Тогда возможно будет совместно с Управлением лесами и М.К.Х. выяснить и степень их участия в деле охраны заповедников и парков.

Ремонт и реставрация памятников архитектуры.

Минувшее десятилетие строительства революционной культуры может быть отмечено чрезвычайными достижениями в области поддержания и восстановления памятников архитектурной старины. Советский строй осуществил ту государственную охрану исторических ценностей, которой научные организации в течение 50 лет тщетно добивались от старого режима; устранение владельческих, ведомственных и церковно-религиозных преград создало единственно-возможные условия, при которых частные интересы подчинены общим, и в связи с этим вопросы охраны и восстановления памятников старины, обеспеченные надлежащими законодательными актами¹⁾, переданы в ведение специальных государственных организаций.

Естественным образом охрана памятников архитектуры не могла ограничиться только проведением мероприятий по их поддержанию, но должна была углубить свои задачи в направлении устранения искажений и переделок, которым подвергались памятники в течение веков практической эксплуатации. Новые условия деятельности подготовили почву для выработки новых уточненных методов археологического исследования памятников и их реставрации. Научно-обоснованные работы в этой области, осуществлявшиеся Музейным отделом Главнауки, Центр. Гос. Реставрационными мастерскими и Музейным отделом М. О. Н. О., позволили восстановить истинный облик многих исторических сооружений, утративших свой показательный вид и возможность использования в качестве историко-культурных объектов; при этом надо отметить, что исторические пути нашего прошлого заставили обратить значительную часть работ на исследование и восстановление построек церковного назначения, воплотивших лучшие достижения допетровского искусства и более всего сохранившихся от прежнего строительства, преимущественно пользовавшегося деревом. Восстановление всех этих памятников, выдвигая новые данные для наглядного освещения материальных культур, теснейшим образом связанных с социально-экономическим и бытовым укладом жизни, в то же время подчеркнуло индивидуальный облик городов; особенно много было сделано в этом отношении по Москве, значение которой, как исторического центра страны должно быть сохранено на ряду с удовлетворением потребностей современной техники²⁾.

Настоящий обзор имеет целью подвести некоторые краткие итоги осуществленных работ по научному восстановлению и раскрытию

¹⁾ Декреты и инструкции об учете и охране памятников искусства, старины и природы. М. 1924 г.

²⁾ Резолюции III Всероссийской конференции по Краеведению в 1927 г., М. 1928 г., стр. 31.

памятников, в большинстве еще ждущих более подробного опубликования¹⁾.

Естественно, что общее состояние страны ограничило объемы предпринимаемых работ, и поэтому количество реставраций, произведенных только в научных целях, не могло быть особенно велико, но в порядке практического использования старинных сооружений, в большинстве занятых музейными, правительственными или общественными организациями, оказалось возможным путем инспектирования и направления ремонтов в сторону восстановления и выявления памятников провести многие работы реставрационного порядка.

Большие повреждения Кремлевских сооружений в Москве, причиненные обстрелом 1917 г., выдвинули на первое место работы по срочному исправлению наиболее опасных мест и по предохранению памятников от разрушения²⁾. При этом одновременно с работами по

ликвидации последствий обстрела уже в это время были осуществлены некоторые работы реставрационного порядка, заключавшиеся главным образом в устранении позднейших пристроек и наслоений, не обладавших самостоятельным историко-художественным значением, нарушавших облик древних памятников и лишавших их должной ясности и показательности³⁾.

Исключительное значение сооружений Кремля потребовало особого тщательного подхода к их обследованию и реставрации и привело к ценным результатам, давшим совершенно новые материалы для характеристики памятников. Вследствие ограниченности места здесь может быть приведен только самый краткий перечень наиболее существенных работ реставрационного порядка.

По колокольне Ивана Великого удалены стенки, заполнявшие наглухо пространство между основным столпом и звонницей, устроен-

Рис. 1. Московский Кремль: переходы от Теремов к ц. Ризположения; удалена поздняя пристройка, раскрыты заложенные окна и пролеты арок (1927 г.).

ные после взрыва 1812 г. для лестничного помещения. Вскрытые древние лестницы дали возможность прохода наверх по самому столпу.

У Архангельского собора разобран северный портал XVIII в. и открыт итальянский наличник входа; такой же наличник открыт и с западной стороны собора удалением деревянного тамбура, заполнявшего большую входную нишу⁴⁾.

¹⁾ Краткие обзоры и заметки по отдельным работам были помещены в журналах „Русское Искусство“, „Среди коллекционеров“, „Наука и Искусство“, „Строительство Москвы“, „Коммунальное Хозяйство“ и др.

²⁾ П. П. Покрышкин и Э. О. Визель: „Акт осмотра Моск. памятников искусства и старины 10/XI-1917 г.“ „Изв. Гос. Росс. Археол. Комиссии“, вып. 66, II, 1918 г., стр. 226—230.

³⁾ И. В. Рылский: „Реставрационные работы в Кремле с 1917 г. по 1922 г.“ „Архитектура“, М., 1923 г. № 2-3, стр. 16—23.

⁴⁾ И. Грабарь: „История Русского Искусства“ т. I, стр. 379 и т. II, стр. 27.

Ц-вь Ризположения 1485 г.¹⁾ освобождена от пристройки XIX в. над лестницей южного входа, благодаря чему открылся портал и терракотовый фриз над ним; увеличенные растеской окна алтарных выступов восстановлены в прежних формах.

Под собором 12-ти апостолов ок. 1656 г.²⁾ вскрыты два сквозных арочных проезда, служившие входом на бывший „патриарший двор“ и заделанные в XVIII в.; при этом данные по реставрации заложённых пролетов были впервые найдены во время обследования пробоин кладки, сделанных снарядами; также освобождено от заделок двухярусное крыльцо с северной стороны³⁾.

В самом б. Патриаршем доме, примыкающем к собору 12-ти апостолов и утратившем свой внутренний облик вследствие разбивки палат на более мелкие комнаты, устройства потолков, переделок лестниц и др. житейских приспособлений, проделана большая работа по удалению всех позднейших доделок с восстановлением многих древних бытовых деталей—порталов, окон, лестниц, переходов и пр. Эти работы выявили единственный в своем роде бытовой комплекс XVII в., т. к. сохранившиеся в Кремле другие жилые здания в значительной степени были лишены своего истинного облика прежними произвольными поделками под „царские покои“.

Такие же чрезвычайно ценные раскрытия и восстановления некоторых древних устройств были произведены в части Терема, примыкающей к ц-ви Ризположения (рис. 1); между прочим при обследовании „Мастерской Палаты“ найдены следы крайне редких стеновых росписей конца XVII в. светского характера.

В ц-ви Лазаря XIV в., расположенной под Теремом, открыт замурованный белокаменный портал западного входа, сближающий этот памятник с другими сооружениями ранне-московского периода (Звенигород, Сергиев и др.).

Из других работ по древним сооружениям Кремля, кроме общих ремонтов стен и башен, следует отметить весьма сложную реконструкцию верха Беклемишевой башни⁴⁾, сбитого снарядами; для перекрытия шатра была изготовлена на заводе Абрамцево под руководством проф. А. В. Филиппова черепица по древним образцам.

Сильно поврежденный снарядами белокаменный портал XVIII в. б. Чудова монастыря был капитально отремонтирован с дополнением

Рис. 2. Казанский собор: реставрация главы и кокошников (1926 г.).

¹⁾ И. Грабарь: у. с. т. II, стр. 9; И. Рыльский у. с. рис. стр. 21, 22...; И. Грабарь: „Реставрация на западе и у нас“ „Наука и Искусство“ М. 1926 г. № 1, табл. XII.

²⁾ И. Рыльский: у. с. рис. стр. 17 и 19.

³⁾ И. Грабарь: „Ист. Русск. Иск-ва“, т. II, стр. 315.

утраченных частей¹⁾ и освобождением от позднейших закрасок. Около портала реставрирована искаженная дверь XVII в., ведущая на восстановленную древнюю лестницу.

На Никольской башне зачинены разбитые орнаментальные части и вскрыты заложенные окна верхнего яруса. Расположенная над входом фреска XV в. расчищена и укреплена. На Троицкой башне также расчищена фреска с внутренней стороны и после удаления иконы на лицевой части восстановлена декоративная обработка стены над входом.

(Работы велись под руководством арх. И. В. Рыльского, а с 1923 г. — арх. Д. П. Сухова при участии зав. памятниками-музеями Кремля Н. Н. Померанцева).

Так же, как и при работах в Кремле, к ремонту Покровского собора (хр. Василия Блаженного) было приступлено в первую очередь в порядке исправления повреждений, причиненных обстрелом 1917 года. Однако, установленные вокруг собора леса должны были простоять несколько лет, прежде чем оказалось возможным осуществить наиболее срочные исправления. Только в 1921 г. удалось заделать зиявшую брешь в куполе „Входа-Иерусалимского“ придела (работу вели ныне покойные архитекторы Н. С. Курдюков и А. А. Желябужский). С 1922 г. руководство работами по собору поручено было арх. Д. П. Сухову, осуществившему наряду с ремонтами и некоторые работы исследовательского характера, послужившие основой для дальнейших реставраций. Внутри собора устранены двери, скрывавшие формы входных порталов центрального храма; в „Входа-Иерусалимском“ приделе была удалена вся позднейшая роспись и оштукатурка стен, что позволило открыть многие до того скрытые детали их структуры и декорировки с росписью „под кирпич“. В приделе „Николы Великого“ найден на глубине ок. 1/2 м. ниже существующего древний пол, сложенный из квадратных дубовых шашек, частично оставленный открытым с показательными целями.

В виду несоответствия существующих раззолоченных иконостасов XIX в. характеру памятника, в приделе „Иоанна милостивого“ сделана попытка реконструкции иконостаса XVI в. с установкой продольных брусьев — тябл на прежних местах, обозначившихся в кладке стен, и с подбором икон, соответствовавших старинной описи. Там же заделаны два вновь пробитые окна на западной стене и восстановлена ее древняя форма; на сев. стене заложена вновь пробитая дверь и восстановлено прежнее окно по сохранившейся части впадины с остатками решетки. В ряде мест открыты заложенные печуры и детали декоративной отделки, еще нуждающейся в большом исследовании. На своде галлерей собора, построенной в XVII веке, обнаружены в разных местах остатки орнаментальной фресковой росписи, частично открытой у сев. крыльца.

Снаружи собора по западной стороне в 1926-7 гг. частично восстановлена двцветная (белый камень и кирпич) облицовка цокольной части с восстановлением прежних профилей²⁾. Кроме того, реставрировано южное крыльцо и лестница и удалены некоторые позднейшие заполнения арочных пролетов крыльца и галлерей³⁾, при чем совер-

¹⁾ Н. Троицкая: „Музейное строительство и Революция“ „Наука и Искусство“. М. 1926 г., в. I, табл. IV.

²⁾ Д. П. Сухов: Новое в архитектуре Вас. Блаж., Сб. „Вопросы реставрации“. М. 1926 г.

³⁾ И. Грабарь: у. с. т. II, рис. стр. 43.

шенно открыт от заделок один из свободно стоящих столбов, подпирающих галлерею. Вскрытие этой части также облегчило доступ в „подклеть“ собора, крайне интересную по сложности плана и по конфигурации внутренних помещений.

На Красной же площади начата в 1925 г. реставрация Казанского собора 1637 г., сохранившего под толстым слоем оштукатурки и доделок XVIII и XIX вв. почти все формы первоначальной наружной обработки; под четырехскатной железной крышей и под надстройками скрыты были ряды кокошников, утративших только верхние ряды кирпичной выстилки. В настоящее время восстановлены частично перекрытия и обработка стен юго-восточного угла здания, выявившие совершенно своеобразный облик сооружения, по сдержанности декоративной обработки еще выполненного в архитектурных традициях XVI века с некоторыми оттенками перехода к стилю XVII в. (рис. 2). Колокольня, пристроенная в XIX в., по реставрационному проекту удалена, как нарушавшая облик памятника¹⁾ (арх. П. Д. Барановский).

По Китайгородской Стене реставрационные работы²⁾ были связаны преимущественно с укреплением участков Стены, освобожденных в 1919-20 гг. от облепивших ее строений, гл. обр. торгового назначения; будучи использована в течение ок. 100 лет в качестве задней стены своих пристроек, Китайгородская Стена оказалась в этих местах сильно поврежденной разного рода проломами, выемками, доделками, нарушившими всю ее поверхность. В 1921 г. покойным арх. С. К. Родионовым был отремонтирован участок стены по Новой площади, а с 1925 г. Московское Коммунальное Хозяйство приступило к более капитальным работам почти на всем протяжении стены. Особенно крупной по объему была работа по восстановлению сильно накренившихся частей стены за зд. I д. Советов (б. Метрополь); вся ее внешняя облицовка и надстройка нач. XIX в. отслоилась от сохранившегося древнего ядра—забутки Стены—и угрожала падением, в виду чего пришлось разобрать и восстановить ее вновь, руководствуясь следами амбразур и машикули, найденных в наличной забутке, а также аналогиями с менее измененными частями³⁾. Подобным же образом была реставрирована Угловая башня на Лубянской площади;

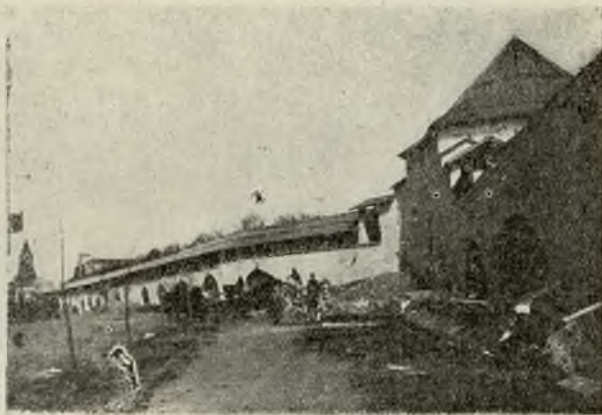

Рис. 3. Китайгородская стена, реставрированная часть по Старой площ. и Многогранная башня (1926 г.).

¹⁾ И. Грабарь: Сломка зданий и гор. благоустройство, „Строительство Москвы“, 1925 г. № 7.

²⁾ И. Э. Грабарь: К ремонту Китайгородск. Стены. „Строит. Москвы“ 1925 г. № 8; Н. Д. Виноградов: Ремонт Китайгор. стены „Коммунальное Хозяйство“ 1925 г. № 23 и 1926 г. № 2; П. В. Сыгин и Э. В. Кнорре: Надо ли хранить все старое. Там же 1925 г. № 23.

³⁾ Н. Левинсон: Реставрация моск. старины „Московский Пролетарий“ 1926 г. № 2.

отслоившаяся конусовидная обкладка с зубцами, сделанная в нач. XIX в., оказалась вся изборозженной внутренними трещинами. Восстановление прежнего вида башни стало вполне возможным по установлению наличия ок. $\frac{2}{3}$ высоты первоначальной кладки; верх широких мерлонов зубцов был восстановлен по образцу других башен¹⁾. Подобной же реставрации подверглась и Круглая башня со стороны Москвы-реки.

В целях предохранения Стены от действия атмосферных осадков, в виде пробы реконструировано было деревянное двускатное перекрытие верхнего хода на протяжении от Многогранной башни до Проломных ворот; также была покрыта деревянным шатровым верхом и самая Многогранная башня (рис. 3). Эта мера значительно обеспечила сохранение Стены.

По Москворецкому участку Стена подверглась капитальному ремонту, при чем в некоторых местах значительное обветшание при-

Рис. 4. Гребневская ц.: удалены западные пристройки, восстанавливается портал (1927 г.).

Рис. 5. Гребневская церковь: восстановлены зап. и часть южн. стен (1927 г.).

вело к разборке отдельных частей верхнего хода и зубцов²⁾ и довольно небрежному восстановлению их МКХ-вом из нового кирпича. (Работы вели в 1925-26 гг. арх. Н. Д. Виноградов и в 1927 до серед. 1928 г. арх. Н. А. Всеволожский при научном наблюдении арх. Д. П. Сухова).

К реставрационным работам по ц-ви Гребневской б. м. на углу Мясницкой ул. и пл. Дзержинского (б. Лубянской) приступлено было в 1925 г. открытием хорошо сохранившегося портала южного входа, до того наполовину скрытого дымоходом духового отопления и позднейшим сводчатым перекрытием пристройки; тут же удалось

¹⁾ И. Грабарь: Ист. Русск. Иск. т. II, рис. стр. 327; А: Реставрац. деятельность Москвы за годы революции „Строительство Москвы“ 1927 г. № 10.

²⁾ Н. А. Всеволожский: Стена Китайгорода по Москворецк. наб. „Моск. Краевед“ вып. III. М. 1928.

обнаружить заложенное узкое заклиросное оконце с сохранившейся прямоугольной решеткой. В Дмитровском приделе под колокольной удален был деревянный потолок, скрывавший полусферическое перекрытие, и восстановлены по обнаруженным следам окна южной и восточной сторон¹⁾, в стенах найдены несколько заложенных ниш-печур.

Решение Президиума ВЦИК от 7/III-1927 г. поставило на очередь вопрос об удалении всех пристроек к основной части здания XVI в., затруднявших уличное движение. Вследствие этого разобрана была приземистая трапезная, относившаяся, повидимому, к 1711 г.. и южные приделы XVIII—XIX вв. (рис. 4); таким образом древнейший куб здания в настоящее время совершенно освобожден, и прежняя обработка западной стены с порталом входа восстановлена по вполне сохранившимся данным (рис. 5). Так как в теперешнем своем виде, т. е. с главой XVIII в. и четырехскатной крышей при отсутствии пристроек церковь никогда не существовала, то предстоит вернуть ей первоначальный облик с посводным или фронтончатым перекрытием и восстановлением прежней формы главы.

При разборке пола трапезной найдены были орнаментированные каменные плиты с могил Л. Ф. Магницкого, его жены и др., вложенные ныне в стены здания (архит. Д. П. Сухов и Н. А. Пустаханов).

В 1926 г. начаты реставрационные работы и по другому сооружению XVI в., бывшему с подобным перекрытием, — белокаменной ц-ви Трифона в Напрудной²⁾, при чем выяснена полная возможность восстановления прежней формы покрытия; до настоящего времени приведены к прежнему виду лишь некоторые профилированные наружные детали тяг и карнизов (арх. С. А. Торопов).

Наилучшее и единственно сохранившееся в Москве сооружение с восьмискатным перекрытием Новгородского типа — церк. Николая в Мясниках (на Мясницкой) XV—XVI вв.³⁾ было разобрано в 1928 г. для освобождения участка под застройку. Произведенные перед и во время слома обследования установили интереснейшие детали здания, воплотившего многосложные культурные влияния, сходявшиеся в центре страны (рис. 6). Признаки несомненных итальянских, восточных и новгородских воздействий придавали особую ценность этому памятнику, варварски застроенному в позднейшее время церковными сооружениями (арх. П. Д. Барановский).

Не менее ценные в научном отношении наблюдения были произведены при разборке в 1928 г. алтарной части Никольской ц-ви б. Сретенского мон., как установлено было являвшейся само-

Рис. 6. Ц. Николая в Мясниках. Северо-восточный угол церкви после удаления позднейшей сев. пристройки и снятия желез. покрытий (1928 г.).

¹⁾ И. Грабарь: у. с. т. II, рис. стр. 215.

²⁾ Там же т. II, рис. стр. 29.

³⁾ Там же, рис. стр. 31.

стоятельным сооружением XV—XVI вв.; между прочим на отлично сохранившемся посводном перекрытии была обнаружена выстилка крупной черепицей (арх. Н. А. Пустаханов).

В течение 1926-27 г. удалось полностью осуществить восстановление прежнего вида ц-ви Козьмы и Дамиана в Старых панех серед. XVII в.; работы были вызваны необходимостью разборки позднейших пристроек и колокольни в связи с возведением по соседству нового здания банка. Удалением оштукатурки XIX в., совершенно обезличившей памятник, и детальными изысканиями было установлено наличие остатков первоначальной декоративной обработки стен — сильно расчлененных карнизов, узорчатых наличников окон, кокошников, порталов. Все эти детали могли быть восстановлены в полной мере. Особенно интересные данные для реставрации верха здания были обнаружены в кладке широкого барабана главы, устроенной в серед. XVIII в., — тут оказались сохранившимся остатки восьмериков прежних двух шатровых главок, при чем найдены были даже основания граней шатров. Таким образом, удалось восстановить редкое для Москвы сооружение, увенчанное двумя шатриками¹⁾ (архит. Д. П. Сухов).

Внешние декоративные формы Воскресенских-Иверских ворот были восстановлены в 1926 г. по удалении прежней штукатур-

Рис. 7. Дом б. Голицына в Охотном ряду. Правое крыло нетронуто, левое - же освобождено от штукатурки. Белой окраской выделены реставрированные детали (весна 1928 г.).

ной отделки нач. XIX в. рустами и „ампирными“ наличниками. Возобновлены были прежние наличники окон XVII века и другие декоративные детали, обнаруженные под оштукатуркой в стесанном виде (арх. Д. П. Сухов и П. С. Касаткин).

Совершенно исключительные по своему значению результаты дали обследования архит. П. Д. Барановским домов б. Голицына и Троекурова в Охотном Ряду, при чем была установлена не только общая сохранность первоначального внутреннего устройства зданий, но и наличие под позднейшей штукатуркой в более или менее фрагментарном состоянии почти всей наружной декоративной обработки их фасадов²⁾. Самое обследование было вызвано в 1925 г.

¹⁾ А: Реставрац. деятельность Москвы за годы революции. „Строительство Москвы“ 1927 г. № 10.

²⁾ И. Грабарь: „Др. дома Голицына и Троекурова в Охотном Ряду“, „Строительство Москвы“ 1925 г. № 10; А: „Реставрац. деятелн. Москвы за годы революции“, там же 1927 г. № 10; Н. Левинсон: „Реставрац. моск. старины“ в журн. „Моск. Пролетарий“ 1926 г. № 2; И. Грабарь: „Реставр. памятников искусств“ в журн. „Красная Панорама“ 1928 г. № 29.

необходимостью точного выяснения историко-архитектурной ценности обоих зданий, в виду намеченной ломки их для застройки участка.

Дом кн. В. В. Голицына 1686 г., о котором имелись весьма подробные современные описания¹⁾, по праву считался одним из наиболее изысканных сооружений Москвы XVII века, почему выявление его первоначального вида, изобиловавшего многими оригинальными деталями, представило совершенно особый интерес. В течение 1926-28 г.г. было восстановлено ок. трети лицевого фасада с аркой проезда, своеобразно декорированной по образующей сильно профилированными кирпичными валиками (рис. 7). Внутри здания производилось постепенное освобождение помещений от позднейших перегородок, стенок и др. доделок, затемнявших конфигурацию палат (арх. П. Д. Барановский и П. С. Касаткин).

Обследование здания рядом стоящей ц-ви Параскевы Пятницы 1688 г., построенной в связи с главным домом, показало, что и это сооружение, искаженное позднейшими переделками и штукатурной отделкой XIX в. с пристроенной колокольней, сохранило свои общие формы и стесанные детали

Рис. 8. Ц. Параскевы в Охотном ряду: сев. стена с открытыми от штукатурки белокаменными наличниками окон (1928 г.).

великолепной первоначальной наружной декорации белым камнем и изразцами (рис. 8).

Рис. 9. Ц. Параскевы: в средней и левой части вскрыты белокаменные наличники окон. Слева за аркой д. б. Голицына, справа д. б. Троекурова (1928 г.).

Соседний Троекуровский дом 1696 г., по своим крупным размерам выделяющийся среди остальных сохранившихся строений Москвы XVII века жилого назначения, оказался особенно интересным по обширности светлых

¹⁾ „Розыскное дело о Федьке Шакловитом и его сообщниках“, изд. Археограф. Комиссией, СПб 1888 г.; И. Забелин: „Домашний быт русских царей“, Ч. I, изд. IV. М. 1918, стр. 574—592.

палат 3-го этажа; оконные наличники этого этажа были сделаны из белого камня в вычурных формах вполне западного барокко, в то время, как окна нижних ярусов обработаны старо-московскими приемами. Под зданием, как и под соседним домом Голицына, найдены обширные подвальные помещения (арх. П. Д. Барановский и Н. А. Пустаханов). В плане дальнейшей реставрации этих замечательных сооружений предполагается освободить их от окружающих мелких построек и этим открыть единственный в своем роде историко-архитектурный комплекс.

По д. бывш. Юсупова XVII в. (ныне Инст. с.-х. экономики) в 1928 г. в связи с ремонтом восстановлена прежняя раскраска в красный цвет с белыми деталями (арх. Н. Д. Виноградов).

В 1926 г. приступлено было к освобождению от переделок зд. ц-ви Рождества в Столешниках 2-ой половины XVII века¹⁾, утратившей свой первоначальный вид при переустройствах 1830-х гг. Под толстым слоем штукатурки были вскрыты и частично восстановлены детали декоративной обработки глав — аркатурные пояски и кокошники у оснований барабанов, а также кокошники и пилястры южной стены; высокая четырехскатная кровля церкви была понижена для открытия кокошников главок. На последних были найдены следы полихромной раскраски, возобновленной при реставрации. В 1927 г. были начаты работы по шатровой колокольне, отличающейся от обычного типа наличием обходной открытой галереи над первым ярусом (арх. Д. П. Сухов и П. С. Касаткин). В 1927 г. реставрационные работы были прерваны и осенью здание церкви было разобрано с целью освобождения места для уличного движения.

В ц-ви Николы в Кленниках на Маросейке, представляющей комплекс разновременных построек XVII—XVIII вв., восстановлен лицевой фасад и часть нижнего этажа с удалением внутренних перегородок и возобновлением стесанных оконных наличников XVII в. Под побелкой сводов обнаружены остатки росписи вполне светского характера, повидимому конца XVII века (арх. Д. П. Сухов).

Большая по размерам работа была осуществлена по капитальному ремонту, восстановлению наружной декоративной обработке и окраске Сухарева Башни и приспособлению ее для Моск. Коммунального Музея. При этом однако, в связи с новым назначением здания, МХХ-вом не были соблюдены исключительно реставрационные приемы работ и допущены довольно существенные изменения внутреннего характера здания; к их числу надо отнести устройство новых лестниц, пробивку проходов в стенах, установку тяжелой железобетонной площадки в теле Башни и др. Внешний вид памятника весьма выиграл от удаления большого железного навеса — крыши над наружной лестницей и открытия лоджий III яруса с южной стороны²⁾ (работы вел архит. З. И. Иванов при научном наблюдении Д. П. Сухова).

В Симоновском м-ре отремонтирована древняя одностолпная палата XV—XVI вв.³⁾ (арх. С. К. Родионов) и в 1926 г. укреплены так наз. „святые ворота“, разрушавшиеся вследствие нерационального

¹⁾ М. Красовский: „Очерк ист. Моск. периода др. русск. церковн. зодчества“. М. 1911 г., рис. 140.

²⁾ И. Грабарь: Сухарева Башня „Строит. Москвы“ 1926 г. № 2; П. В. Сытин: Сухарева Башня и площадь „Коммун. Хоз во“ 1925 г. № 10; А. И. Некрасов: Города Моск. губ. М. 1928, рис. 27.

³⁾ „Древности“ — труды Ком. по сохр. др. пам. ИМАО, т. III. М. 1909, табл. XII-XIII; В. Арндт: Музей др. русск. archit. „Строит. Москвы“ 1927 г. № 6.

расширения окон, с восстановлением прежних форм оконных проемов, наличников и машикули (арх. П. С. Касаткин). В 1928 г. восстановлены прежние детали в помещении при б. трапезной (арх. Н. Д. Виноградов), и самое помещение приспособлено для музея.

В Новодевичьем м-ре-музее помещения при трапезных палатах XV в.¹⁾ освобождены от загромождавших их внутренних перегородок, стенок, тамбуров и также приспособлены для музейного использования (архит. С. К. Родионов и в 1927 г. арх. Б. Н. Засыпкин).

В Донском монастыре-музее восстановлены внутренние помещения „казначейского“ дома 1718 г.²⁾, ныне использованного под музей декоративного искусства XVIII в. (арх. Д. П. Сухов и Н. А. Пустаханов), и восстановлены разрушавшиеся надгробия XVIII—нач. XIX вв. на могилах Щербатова, писателя М. М. Хераскова, Кожуховой, поэта П. Я. Чаадаева и др. (арх. Н. А. Пустаханов). Ряд наиболее ценных изваяний с ликвидируемых кладбищ, а также скульптуры разбираемых зданий сосредоточены в б. Михайловской церкви того же Донского м-ря, освобожденной от позднейшего иконостаса и приспособленной в качестве музейного хранилища скульптур.

По памятникам позднейших периодов Московского строительства, менее измененных в течение своего существования, чем сооружения донетровского времени, восстановительные работы естественно имели характер не столько „реставраций“, сколько „ремонтов“. Однако в отношении наиболее ценных архитектурных произведений планы работ согласовывались с научно-реставрационными принципами и осуществление их инструктировалось соответственным образом. В большинстве случаев основная часть работ сводилась к восстановлению фасадных частей зданий с возобновлением первоначальной окраски, устанавливаемой изысканиями на месте, расчисткой профилированных или скульптурных украшений, дополнением утраченных повторяемых деталей и т. п. В некоторых наиболее серьезных случаях ремонты предусматривались изысканиями состава и толщин первоначальных слоев штукатурки и подробным обмером отдельных частей памятника. В зависимости от современного использования зданий иногда восстанавливалась и прежняя внутренняя отделка с исправлением лепных украшений, удалением позднейших красок, укреплением или раскрытием росписей и другими приемами, направленными к приближению облика памятника к первоначальному авторскому замыслу.

Из сооружений XVIII в. в Кремле³⁾ в 1924 г. были восстановлены два фасада здания Арсенала⁴⁾ 1702—1736 гг. с окраской в желто-оранжевый тон; однако совершенно изменены были для новых нужд внутренние залы здания, разбитые новым перекрытием на два этажа; при этой перестройке все же была сохранена оригинальная конструкция прежней галереи. По зданию ВЦИК⁵⁾ (б. Судебных установлений), 1786 г., реставрированы фасады, некоторые внутренние декоративно обработанные помещения и наружная лестница.

На Красной площади был расчищен и восстановлен фасад зд. Губернского Правления 1740 г. с возобновлением покраски

¹⁾ А. А. Потапов: Очерк др. русск. гражд. архит. (из Древн. МАО т. XIX), отд. вып. II М, 1903, табл. XIV, стр. 147-149.

²⁾ И. Забелин: Ист. опис. Мск. ставр. Донск. м-ря. М. 1893, стр. 76.

³⁾ И. В. Рыльский: Реставрационные работы в Кремле с 1917 по 1922 г. „Архитектура“—№ 1-2. 1923 г.

⁴⁾ И. Грабарь: Ист. Русск. Иск. т. IV, стр. 36—37.

в теплый желтый тон с белыми деталями. (арх. Д. П. Сухов и И. Б. Бакланов)

Красные ворота 1753 г.¹⁾ в течение 1926 г. были освобождены от позднейшей красной масляной закраски, из-под которой на белокаменной кладке открылись фрагменты прежних живописных изображений; были расчищены и укреплены все резные из камня украшения и памятник подготовлен для реставрации (арх. Н. Д. Виноградов). Осенью 1927 г. по настойчивому требованию Московского Со-

Рис. 11. Музей Революции СССР (зд. б. Английского Клуба) торговые помещения удалены, ограда и ворота восстановлены (1926 г.).

вета это замечательнейшее сооружение Москвы сер. XVIII в. было разобрано, притом—без существенного улучшения условий уличного движения в данном месте²⁾. Перед разборкой Красные ворота были замерены по археологически точным методам до мельчайших деталей и зафиксированы фотографиями (арх. С. А. Торопов); многие декоративные детали сохранены в музейных хранилищах.

В 1924 г. восстановлены были сильно об-

ветшавшие фасады зд. б. 4-й гимназии на Покровке, серед. XVIII в. (б. Трубецких), с окраской в первоначальный голубой с белыми деталями цвет. Также были обновлены и внутренние залы,

с облицовкой и колоннами из искусственного мрамора (инж. Н. А. Круглов). По Старому Комиссариату в Садовниках 1770-х гг. возобновлена была окраска в серый с белыми деталями тон, но лишь по сев. фасаду (под набл. арх. Е. В. Шервинского). Также осталась незавершенной работа по фасадам б. Шереметьевской больницы 1802 г., освобожденным в 1919 г. от скрывавших их торговых построек; перед полуциркульным парадным двором восстановлена прежняя решетка (арх.

Рис. 10. Б. Английский Клуб по Тверской: решетка уничтожена, фасад скрыт торговой постройкой (с проектного чертежа) до 1919 г.

¹⁾ И. Грабарь: у. с. т. IV, стр. 90—93.

²⁾ См. П. Сытин, Г. Бебутов и Э. Кнорре: Новая Москва и памятники старины „Коммунальное Хозяйство“ 1926 г. № 6.

Е. В. Шервинский), некогда перемещенная в ус. „Кусково“. Удалением уличных построек (рис. 10) подобным же образом открыт фасад зд. Музея Революции (б. Английского клуба) 1814 г., с реконструкцией монументальной ограды¹⁾ (арх. С. Ф. Кулагин). Восстановлен фасад здания (рис. 11) и отделка зал с расчисткой живописи.

С особым вниманием был выполнен реставрационный ремонт чрезвычайно обветшавшего старого здания I Моск. Университета 1819 г., производившийся с перерывами в течение нескольких лет и еще не вполне законченный. В 1925 году была завершена наиболее сложная реставрация центрального фасада, осуществленная благодаря поддержке Моск. Совета; работы велись на основе тщательных обмерных данных с точным соблюдением первоначальных форм, лепные украшения были частью расчищены, а частью возобновлены по старым оригиналам (арх. М. А. Малашкин под общим научным руководством Комиссии в составе: И. Э. Грабаря, И. П. Машкова, Д. С. Маркова), в 1926 г. обновлен был фасад по ул. Герцена и также произведен ремонт зд. студ. клуба—б. Университетской церкви 1837 г. (инж. Штейфон под научн. наблюдением арх. Е. В. Шервинского). В большом актовом зале Университета²⁾ исправлена мраморная облицовка и расчищены росписи стен и плафона.

Должны быть отмечены также и работы по зданиям Института Физииатрии—б. Губина на Петровке, Клинической больницы б. Екатерининской, Малого Театра³⁾, Коннозаводства на ул. Воровского, санат. Высокие Горы—б. Найденова (набл. арх. Е. В. Шервинского), Центр. Дома Красной Армии—быв. Екатерининский институт (набл. арх. С. А. Торопов), Книжной Палаты—б. Гагарина на Новинском бульваре, Музея Игрушки—б. Селезнева на ул. Кропоткина (арх. С. Ф. Кулагин и П. С. Касаткин), Института Физкультуры—б. Разумовского на Гороховом поле (набл. С. Ф. Кулагин)⁴⁾, Сел.-Хоз. Банка на Петровке (набл. арх. Н. А. Пустаханов), Публич. Библиотеки им. Ленина—б. Румянцевского Музея (арх. Д. С. Марков), Старого Гостиного Двора⁵⁾ (набл. арх. С. А. Торопов) и др.

В Подмосковных усадьбах работы ремонтно-реставрационного порядка выполнены были в Архангельском—где капитально укреплены въездные ворота и архитектурная обработка садовых террас, плафоны с росписью и др. (арх. С. Ф. Кулагин и С. А. Торопов). В Кускове приступлено к восстановлению окраски дворца и реставрации Эрмитажа (арх. С. А. Торопов и А. А. Никитин). В Кузьминках большим ремонтом предотвращено грозившее разрушение Конного Двора (арх. С. А. Торопов), но, к сожалению, еще мало предпринято для поддержания приближающихся к руинному состоянию разрушающейся монументальной пристани, пропилей и большинства других построек, состоящих в ведении Ветеринарного Института. В Царицыне в 1927 г. отремонтирован с восстановлением некоторых деталей „Давыдовский Павильон“ и приспособлен для развертывания местного музея. Также намечены работы по укреплению других построек усадьбы (арх. Н. А. Пустаханов).

¹⁾ В. Щербаков: Внешнее оформление города „Строительство Москвы“ 1926 г. № 11.

²⁾ И. Грабарь: у. с. т. I, стр. 45; А. И. Некрасов: Города Моск. губ. М. 1928 рис. 48 и 52.

³⁾ П. П.: Ремонт зд. Малого Театра. „Строительство Москвы“. 1926 г. № 12.

⁴⁾ А. И. Некрасов: у. с., рис. 41.

⁵⁾ Б. Петров: Уголок Старой Москвы. „Строительство Москвы“. 1926 г. № 3.

В Сергиеве — б. Троицкой Лавре — работы были начаты в связи с пожаром, уничтожившим в 1920 г. лавки, расположенные перед восточной стеной Лавры, покрытие значительной части стены и кровли главных ворот и Пятницкой башни. На последней в 1925 г. был возведен (рис. 12) невысокий деревянный шатер, покрытый дранью (арх. Д. П. Сухов); покрытия стен и ворот были восстановлены в 1927 г. (арх. А. А. Кесслер). Последствия другого пожара — в восточной части „Чертогов“ — только начаты ликвидацией в 1928 г.

Рис. 12. Пятницкая башня б. Троице-Сергиевой лавры. Сгоревшая кровля восстановлена по древнему типу (1925 г.).

Весьма большой интерес в смысле выявления выдающегося памятника представило освобождение Троицкого Собора 1423 г. от северной его пристройки XIX в. При этом исправлены были изъяны белокаменной стены, укреплен орнаментальный фриз и восстановлено окошко над входом, ранее наполовину скрытое кровлей придела и сильно растесанное. Из закомар устранены позднейшие росписи и счищена масляная покраска белокаменной кладки всей северной стороны. В настоящее время собор с северной стороны вполне раскрыт (рис. 13), не считая перекрытия, оставленного четырехскатным с кирпичными заполнениями между закомарами (арх. Д. П. Сухов)¹⁾.

Капитально укреплена была железными связями Певческая башня, давшая опасные трещины во всю высоту.

В Звенигородском Саввино-Сторожевском монастыре-музее работы реставрационного характера заключались в раскрытии обширных палат б. трапезной²⁾ серед. XVII века, приспособленной в XIX в. для нужд духовного училища с устройством многочисленных мелких помещений. Раскрытые палаты использованы для размещения музея, восстановлена древняя лестница под звонницей и некоторые утраченные архитектурные детали (арх. И. В. Рыльский).

В Ново-Иерусалимском монастыре-музее (г. Воскресенска) в соборе устранены

Рис. 13. Троицкий собор б. Тр.-Серг. лавры. Разборка северной пристройки; стена освобождается от окрасок, среднее окно восстановлено (1926 г.).

¹⁾ И. Грабарь: у. с. т. II, рис. стр. 10; А. И. Некрасов: Города Моск. губ. М. 1928 г., рис. 219, стр. 229.

²⁾ А. А. Потапов: у. с. в. I, стр. 94-96—табл. XXV.

многие приделы и иконостасы 2-ой половины XIX в., загромадившие проходы и скрывавшие архитектурные формы и детали памятника. Под руководством и по инструкциям проф. А. В. Филиппова произведена была отмывка некоторых изразцовых иконостасов, наличников и других частей Никоновской постройки от масляных зазасок, нанесенных, по видимому, после восстановления собора по проекту Растрелли. В Голгофской церкви по удалении киотов XVIII в. был открыт скрытый ими четырехгранный столб, облицованный изразцами с совершенно нетронутой поверхностью (рис. 14).

Рис. 14. Собор Новоиерусалимского музея монастыря в г. Воскресенске: столб с майоликовыми украшениями, открытыми после удаления позднейших киотов (1926 г.)

Ряд помещений группы трапезных палат XVII—XVIII вв., примыкающих к ц-ви Рождества, освобожден от позднейших перегородок и целиком использован в музейных целях (арх. Д. П. Сухов и с 1927 г. — арх. Б. Н. Засыпкин); при этом открыты такие примечательные в историко бытовом отношении помещения, как бывш. квасоварня и хлебня¹⁾. В одноэтажном домике XVIII в. у въездных ворот открыта своеобразная угловая лоджия, пролеты которой ранее были наглухо заложены кирпичом.

Здание Никоновского „скита“ (1658 г.²⁾) было освобождено от большой лестничной пристройки конца XIX в. с северной стороны, почти равнявшейся по размерам миниатюрному основному зданию.

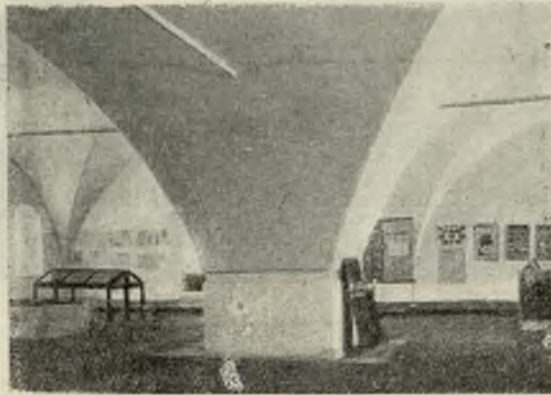

Рис. 15. Волоколамский Иосифов мон.-музей. Трапезная палата XVI в., приспособленная под музей (1927 г.).

В Волоколамском б. Иосифовом мон. огромное помещение одно-столпной трапезной палаты XVI в. приспособлено под музей (рис. 15).

Реставрационные работы по памятникам с. Коломенского³⁾, развернувшиеся в довольно широких размерах, начаты были в 1925 г. по Дьяковской церкви 1529 г. укреплением обветшавших кокошников на верху памятника; для укрепления сев.-восточного придела-башни была разобрана большая северная пристройка и отопительная камера сер. XIX в. и восста-

¹⁾ А. А. Потапов: у. с. в. I, стр. 84-90, табл. XIII; А. И. Некрасов: у. с., рис. 101

²⁾ А. А. Потапов: у. с. в. I, стр. 86-88, табл. XXI—XXII.

³⁾ А. И. Некрасов: Древние подмосковные. М. 1923; В. В. Згура и М. А. Ильин: Коломенское. М. 1928.

новлены прежние формы сильно расширенного проема входа в башню, над которым имелись весьма угрожающие трещины. Удалена галерея-паперть с западной стороны¹⁾, скрывавшая архитектурные формы фасада храма; открыты заложенные окна в барабанах куполов и

Рис. 16. С. Коломенское: восстановление измененных окон Ключничьих палат (1928 г.)

восстановлены расширенные окна в алтарных абсидах; в южной паперти разобран потолок, скрывавший верхнюю часть портала. В сев.-зап. придельной башне реконструирован „тябловый“ иконостас с установкой брусев — тябл в прежние гнезда. Еще не завершена аналогичная работа по центральному храму, в позднейшем иконостасе которого оказался ряд икон XVI — XVII вв.

В щатровой Вознесенской церкви 1532 г. также произведена большая работа по установлению размеров и характера прежнего иконостаса, при чем в ныне удаленном раззолоченном иконостасе конца XIX в. оказался заделанным старый тябловый брус с частично сохранившейся орнаментальной росписью. На обходной галерее храма устроено позднее застекление²⁾ с западной стороны, нарушавшее цельность облика этого замечательного памятника.

Обследование Георгиевской ц.-ви, расположенной близ Вознесенской, приобретшей существующий вид в 1840-х гг., дало совершенно новый материал по этому памятнику; считавшееся совершенно утраченным древнее сооружение XVI в. оказалось в наличии и сохранившим под оштукатуркой стесанные декоративные детали. Восстановленная во всю высоту на ширине ок. трети

Рис. 17. С. Коломенское: реставрация Приказных палат, в середине возвышается часть позднейшей надстройки (1928 г.).

окружности колокольня выявила весьма редкий тип круглой звонницы, повидимому современной церкви Вознесения. Соседняя „Соколиная башня“³⁾ отремонтирована и приспособлена для музея.

По корпусам у Передних ворот⁴⁾, сохранившимся от огромного комплекса дворцовых построек XVII, но обезличенным позднейшими

¹⁾ И. Грабарь: у. с., т. II, рис. на стр. 35 и 37.

²⁾ Там же, рис. стр. 52 и 58.

³⁾ Там же, рис. стр. 309.

⁴⁾ А. Потапов: у. с., в. II, стр. 38, табл. X.

переделками, произведен ряд работ по восстановлению измененных или частично утраченных частей. В зданиях Ключнических палат Сытного дворца дополнены до прежнего вида стесанные наличники окон и исправлены их расширенные пролеты (рис. 16). Приказные палаты, доведенные нерациональным использованием и особенно устройством конюшен до руинного состояния, должны были подвергнуться разборке в позднейших частях и возобновлены в своем виде XVII века. (рис. 17) (арх. П. Д. Барановский).

В другой более отдаленной подмосковной, бывш. Александровской слободе Иоанна Грозного, весьма интересные исследования были произведены П. Д. Барановским вскрытием шатра Покровской церкви¹⁾; при этом внутри последнего была открыта роспись первой половины XVI в. Таким образом, неопровержимо установлено было позднейшее происхождение свода, отделившего внутреннее пространство шатра от помещения церкви, и подтверждена подвергавшаяся сомнению дата построения 1513 г.²⁾ Фрески, сильно пострадавшие от пребывания в заглушенном помещении, были укреплены П. И. Юкиным и Н. Я. Епанечниковым, с шатра снята железная кровля и в 1828 г. устроено предохранительное покрытие драпью (арх. Д. П. Сухов).

С Троицкого собора³⁾ удалены угловые главки XVIII века, нарушавшие его монументальный вид (арх. П. Д. Барановский), на на галлерее-паперти частично разобраны потолки, скрывавшие верхние части порталов, белокаменные резные обрамления надпортальных фресок и орнаментированные фризы (арх. Д. П. Сухов). Многочисленные жилые помещения в зданиях XVI и XVII в.в. очищены от позднейших доделок и восстановлены в первоначальном устройстве. Так же и грандиозные белокаменные подвалы и подземелья Покровской и Успенской церквей⁴⁾ расчищены, местами освобождены от встроенных печей, перегородок, конур и сделаны доступными для обозрения.

В гор. Коломне исправлены и восстановлены крыши на башнях Кремля⁵⁾ и наиболее угрожавшие разрушением места укреплены железными связями (инж. А. Н. Федоров). Однако плачевная сохранность этого интереснейшего историко-культурного памятника нач. XVI в., характеризующего значение Коломны, как важнейшего стратегического пункта в Поокской цепи укреплений и одного из крупнейших узловых торжищ на Волжском пути из Москвы на Восток, внушает серьезные опасения вследствие запущенного состояния и сильного обветшания некогда мощных крепостных сооружений.

Небольшие ремонтные работы были произведены по Кремлю близкого Зарайска Рязанской губ.⁶⁾: исправлены кровли и не слишком тщательно укреплены местными коммунальными органами размытая кладка стен. Руины прежде сильнейшего Кремля сред.

¹⁾ И. Грабарь: у. с. т. II, рис. стр. 74; А. И. Некрасов: Древние подмосковные. М. 1923 г. рис. 4; А. Л.: Истор. опис. первокл. Успенск. жен. мон. в г. Александрове. М. 1891 г. табл. у стр. 84.

²⁾ И. Грабарь: у. с. т. II, стр. 72; А. И. Некрасов: у. с. стр. 18.

³⁾ А. И. Некрасов: у. с. рис. 1; А. Л.: у. с. табл. у стр. 84; „Памятники древнерусского зодчества“. Изд. Акад. Художеств СПб. 1898 г. вып. 4, детали Троицкого собора.

⁴⁾ И. Грабарь: у. с. рис. стр. 213; А. И. Некрасов: у. с. рис. 5; А. Л.: у. с. табл. у стр. 88; А. Потапов: у. с. стр. 90 и след. табл. XIV в. Вып. I.

⁵⁾ О. П. Булич: Коломна. М. 1928 г.; А. И. Некрасов: „Города Московской губернии“. М. 1928 г., рис. 161-163.

⁶⁾ И. Перлов: Зарайские укрепления. З. 1926 г.

XVI в. в Серпухове ¹⁾, отличающегося крупной и прекрасно обтесанной белокаменной кладкой, еще укреплению не подвергались и продолжают разрушаться, оставаясь в беспризорном состоянии.

Работы по восстановлению архитектурных памятников Московской области, сопровождавшиеся детальным анализом всех напластований и обусловивших их причин, доставили богатейший материал не только узко-архитектурного порядка, но и многочисленные новые данные для историко-культурного освещения края. Как научное, так и популярное и школьное краеведение могут затронуть совершенно новые проблемы при разработке истории сооружений и сопоставлении явлений, вызвавших изменения и искажения древних зданий. Самый процесс реставрации, осуществляемый на наших глазах и фиксирующий в обратной последовательности различные стадии бытования памятников, полон возможностей для показательного использования в музее. То, что было ранее лишь достоянием тесного круга археологов-специалистов, ныне должно подлежать популяризации и использованию в широко-просветительных целях; такое распространение чисто материалистических знаний о памятниках поможет сохранить наиболее ценные объекты.

Сохранить в неприкосновенности все старинное наследие, конечно, невозможно, и вполне объяснимо, что в условиях современного градостроительства и прежде всего вследствие „ненужности“ сооружений, предназначенных для религиозного культа, за последнее время пришлось констатировать весьма существенные утраты выдающихся памятников, но в то же время все большее количество старинных зданий, в том числе и церковных, приспособляются для нового целесообразного использования, при чем их общий облик и историко-архитектурная ценность остаются ненарушенными, а в некоторых случаях даже повышаются путем реставрации прежнего вида. Проявляющееся внимание краеведческой общественности к памятникам архитектурной старины, подлинным и красноречивым документам прошлой жизни ²⁾, должно послужить лучшим залогом в том, что признание значения исторических сооружений, а также той большой научной и просветительной ценности, какую имеют работы по их реставрации, в недалеком будущем займет вполне определенное место в культурном секторе социалистического строительства нашей страны.

¹⁾ А. И. Некрасов: Города Моск. губ. М. 1928 г. 240-241.

²⁾ См. постановление президиума ЦБК от 16/V с. г. „Известия ЦБК“, 1928 г., № 6, стр. 8; С. В. Бахрушин: Задачи исторического изучения края „Краеведение“, 1928 г., № 3; Н. П. Андиферов: Краеведный путь в исторической науке, там же, № 6; Справочник по вопросам охраны природы, искусства, быта и старины. Изд. Бюро Краеведения Сев. Запад. Обл. Л. 1927 г., вып. 2. и др.

„Опыт организации областного музея в Москве“.

В 1919 году, по инициативе московских и областных кооперативных организаций, группировавшихся вокруг Совета Кооперативных Съездов, было приступлено к организации в Москве областного Музея.

Краеведческое движение, широко развернувшееся в стране в последующие годы, еще находилось на заре своего развития. Первое краеведческое совещание, состоявшееся в Москве в 1918 году, и соорганизовавшаяся комиссия по вопросам краеведения при Совете Кооперативных Съездов были зародышами тех организаций, которые через несколько лет возглавили работу краеведческих учреждений страны. Создание краеведческого Музея находилось в связи с тем планом, который предполагался к осуществлению в порядке культурно-просветительных исканий названных кооперативных организаций.

Никаких принципиальных основ, теоретически осмысленных и практически проверенных, не имелось в вопросах построения краеведческих музеев. В отношении типологии и характера работы провинциальные музеи, существовавшие в то время, представляли необычайную пестроту. Они сами искали этих основ, стараясь осмыслить специфические условия своей работы. И в этой области организаторам Музея, во главе с проф. В. В. Богдановым, приходилось строить работу сызнова, проверяя теоретические положения примерами из практической работы.

В основу построения Музея был положен территориальный принцип. Предполагалось в музейной экспозиции отразить исторически сложившуюся территорию, заключающуюся между верхней Волгой и Окой. И самое название Музея, который был наименован „Областным Музеем Московского Края“, должно было говорить о принципиальной позиции, занятой в этом вопросе Музеем. Указанная территория не совпадала с какими-либо административными рамками, она включала на ряду с Московской губернией ряд губерний, полностью или частями прилежащих к ее территории.

В последствии в связи с районированием страны, по предложению Оргбюро Центрально-Промышленной Области, Музей несколько расширил изучаемую территорию до пределов, которые определяли в 1924 году, по проекту Госплана, территорию Центрально-Промышленной Области. В связи с этим, начиная с 1924 года, Музей был переименован в „Государственный Музей Центрально-Промышленной Области“. Таким образом, в процессе своих исследовательских работ Музей пытался отразить в своих коллекциях территорию, приблизительно совпадающую с границами губерний: Московской, Тверской, Ярославской, Костромской, Владимирской, Иваново-Вознесенской, Рязанской, Тульской, Калужской и Нижегородской.

Вторым принципом, положенным в основу построения Музея был принцип систематического подбора коллекций по основным разделам научного знания. Этим самым были определены ближайшие пути развития Музея. Через анализ и классификацию предполагалось достигнуть синтеза, который рассматривается, как завершение пути. Однако достичь его, путем частичных обобщений, по мысли организаторов Музея, было возможно после тщательного и кропотливого систематического изучения тех явлений, которые должна была выявить изучаемая территория.

Программа деятельности Музея исходила из двух основных предпосылок его существования, как учреждения: во первых, научного и, во вторых, культурно-просветительного.

В порядке осуществления первой функции Музей в основу своей работы положил экспедиционное изучение представленной территории. Все добываемые при экспедициях материалы и составляли тот основной фонд, который распределялся между научным хранением и экспозицией Музея. В связи с этим в целях всестороннего отражения в вещественных памятниках природы, хозяйства и быта изучаемой территории все коллекции Музея собирались по нижеследующим разделам: естественно-историческому, культурно-историческому и общественно-экономическому. Таким образом, собранные материалы должны были отражать те научные выводы, к которым приходили исследователи в результате изучения и обработки этих коллекций. Для осуществления указанных функций Музей соорганизовал ряд лабораторий соответственно разделам своей работы.

Как учреждение культурно-просветительное, Музей с особой тщательностью пытался осуществить экспозицию, которая одновременно с основной своей задачей, научным обоснованием проблемы областного изучения природы, населения и хозяйства Области, должна была давать материал для просветительной работы в указанном разрезе. В связи с этим стоит осуществление ряда экскурсий по коллекциям Музея, как научным персоналом Музея, так и специально организованным лекторским составом. С этой же целью был организован и кабинет диапозитивов и негативов, вошедший наряду с лабораториями, в сеть музейно-вспомогательных учреждений Музея.

Обозревая пройденный путь Музея, приходится отметить ряд затруднений, которые встретились в процессе работы Музея и которые тормозили его поступательное движение.

Работа по строительству Музея началась в тяжелые годы, когда вопросы бытия играли первенствующую роль. На ряду с голодом и голодом материальное необеспечение работников Музея сильно тормозило начавшиеся работы. Однако, это не помешало Музею энергично приняться за работу. Было приступлено к проработке теоретических вопросов, связанных с построением Музея и к составлению ближайшего плана его деятельности. В 1919 году состоялись первые экспедиции по этнографическому изучению области, за которыми последовали палеозоологические, геологические, почвенные, ботанические работы. В этом же году Музей перешел в ведение Наркомпроса. Однако, к прежним затруднениям неожиданно прибавились новые трудности. Жилищный кризис, переживавшийся Москвой, повлек за собой лишения Музея занимаемого им помещения. Открыв свои первые выставки, Музей потерял возможность дальнейшего продолжения работы в этом направлении и был при-

нужден свернуть свои коллекции. В такого рода состоянии он пробыл до 1924 года, пережив сокращение своих штатов, кредитов и связанной с этим возможности работы.

Первый период деятельности Музея, который можно охарактеризовать, как период широких планов и ограниченных возможностей позволил теоретически осмыслить схему построения областного Музея и на ряде примеров правильно продумать дальнейшие пути своего развития. Деятельность Музея не прекращалась в эти годы. Работа по геологическому, ботаническому, палеоэтнологическому и этнологическому изучению области продолжалась. В 1923 году Музей принял участие во Всероссийской Сельско-Хозяйственной выставке и выставил на ней ряд своих экспонатов.

Однако, новая страница в деятельности Музея началась лишь с 1924 года, когда он получил в свое ведение владение быв. Музея П. И. Щукина, по Малой Грузинской 15. В феврале 1924 года Музей развернул выставку по изучению естественно-производительных сил ЦПО, приурочив ее к областной конференции по изучению производительных сил ЦПО. Летом 1924 года Музей приступил к перевозке естественно-исторического Музея, основанного Е. П. Шереметевой в с. Михайловском, Подольского уезда. Все коллекции Музея и его оборудование были присоединены осенью 1924 года к ранее собранным коллекциям и легли в основу естественно-исторического отдела Музея.

С этого же года было приступлено к планомерному экспедиционному изучению Области по плану, разработанному и утвержденному Ученым Советом Музея.

В процессе осмысливания теоретического плана своего построения Музей наметил такую структуру, в порядке осуществления которой и повел свою исследовательскую и просветительную работу.

Музей разбил свою работу по следующим основным отделам, которые в свою очередь подразделялись на подотделы и секции.

I. Географическое введение.

II. Естественно-исторический отдел

- с под/отделами: А) геологическим,
Б) почвенным,
В) ботаническим,
Г) зоологическим:
а) секция наземных позвоночных;
б) „ энтомологии;
в) „ ихтиологии;
г) „ гидробиологии;

III. Культурно-исторический отдел

- с подотделами: А) палеоэтнологии,
Б) этнологии,
В) истории быта.

IV. Общественно-экономический отдел

- с подотделами: а) фабрично-заводск. промышленности,
А) кустарной промышленности,
Б) сельского-хозяйства,
В) полезных ископаемых,
Г) местного хозяйства.

V. Отдел музейно-вспомогательных учреждений:

- А) библиотека,
- Б) фототека и кабинет диапозитивов и негативов,
- В) научный архив,
- Г) лаборатории и препараторская,
- Д) канцелярия.

Не все части Музея развивались одновременно. В первую очередь Музей обратил внимание на правильное построение и развитие отделов естественно-исторического и культурно-исторического, ибо коллекции, которыми располагал Музей в указанных разрезах, позволяли с большей или меньшей полнотой выявить природу и человека Области. В связи с этим были образованы подотделы геологии, ботаники и зоологии, при чем последний пришлось подразделить на ряд секций. Почвенный подотдел был организован в результате соглашения с Почвенным Комитетом Наркомзема, передавшим в 1926 году все свои коллекции, собранные по преимуществу на территории ЦПО, в собственность Музея и обусловившим дальнейшую свою работу (исследовательскую, лабораторную и музейную) особым соглашением с Музеем. В культурно-историческом отделе работа велась по разрезам палеоэтнологии и этнологии и подбирались материал по подотделу истории быта Области, к систематическому изучению которого предполагено приступить с 1929 года.

Общественно-экономический отдел несколько задержался своей организацией в виду трудности проблемы, ибо в отношении музейного выявления экономики еще делаются первые шаги и никаких твердо проверенных опытов в областном разрезе еще не существует в музейной практике. В 1927 году было приступлено к первым опытам экономических экспедиций и эта работа в достаточно большом размере была продолжена в 1928 году. В первую очередь было приступлено к изучению: полезных ископаемых, сельского хозяйства и кустарных промыслов Области. В последующие годы предполагено расширить круг вопросов экономического изучения Области.

Географическим введением было предполагено предварить осмотр коллекций Музея, однако, материал для экспозиции указанной части Музея еще не был закончен собиранием и она фактически еще не была осуществлена.

Отдел Музейно-вспомогательных учреждений вырос из потребностей развивающейся работы. При каждом подотделе Музея были организованы специальные лаборатории, в которых обрабатывались и монтировались материалы, поступающие в научное хранение и экспозицию. К 1 октября 1928 года существовали и вели работы лаборатории: геологическая, ботаническая, почвенная, зоологическая, палеоэтнологическая, этнологическая, и экономическая.

Библиотека Музея, в основу которой была положена систематически подобранная библиотека из Михайловского по вопросам природы и отчасти экономики, должна была играть вспомогательную роль при научной работе Музея и в последующие годы сильно увеличилась иностранной и русской научной литературой, полученной путем закупок и обмена. К 1 октября 1928 года число названий в библиотеке превысило 15.000 №№.

Кабинет негативов и диапозитивов включил в свой состав коллекцию в размере до 40.000 экземпляров, переданную в Музей в 1919 году Московскими кооперативными организациями.

Приведенная структура не может считаться вполне исчерпывающей. По мере углубления работы Музея в ее состав будут включены новые разделы и уточнены намеченные части. В приведенном виде она является реальным планом, который будет осуществляться в течение ближайших лет.

В основу своих исследовательских работ Музей положил экспедиционный метод работы, который гарантирует сбор научно-достоверных материалов. Все экспедиции Музея осуществлялись научным персоналом Музея, его практикантами и научными работниками, специально приглашаемыми для этой цели. Работы Музея захватили территорию всех 10 губерний, входящих в состав ЦПО. Из наиболее крупных работ Музея можно отметить следующие:

1) Комплексное изучение Мещерской низменности, входящей в состав губерний: Московской, Рязанской и Владимирской.

Экспедиционные работы Музея по некоторым разделам, велись на этой территории начиная с 1919 года. Однако, систематическое изучение ее началось в 1926 году и продолжалось в 1927 и 28 г.г. Территория изучалась в разрезах: геологическом, геоморфологическом, гидробиологическом, зоологическом, ихтиологическом, ботаническом, торфоведном, палеоэтнологическом, этнологическом.

Собраны весьма значительные материалы, частью обработанные, частью находящиеся в обработке. В некоторых работах музея на этой территории участвовал Рязанский Областной Музей и некоторые центральные научные учреждения.

2) Комплексное изучение Осташковского района Тверской губернии. Работа велась совместно с Тверским Государственным Музеем. Район изучался в разрезах: ихтиологическом, зоологическом, этнологическом, кустарно-промысловом.

Работы начались в 1928 году.

3) Геологическое изучение Окско-Цнинского вала.

Работа велась в контакте с Геологическим Комитетом В.С.Н.Х. в течение 1926, 27 и 28 годов.

4) Изучение быта нацмен Ц.П.О. Работы велись на территории Нижегородской губернии в порядке осуществления плана комплексной экспедиции Антропологического Института 1 М.Г.У. В Тверской губернии работы велись совместно с Тверским Государственным Музеем. В Рязанской губернии совместно с Обществом Исследователей Рязанского Края, его Касимовским Отделением и Касимовским Музеем. Изучался быт и материальная культура следующих народностей: а) Касимовских татар, б) Тверских карел, в) мордвы-эрзи, г) мордвы-терюхан, д) Черемис, е) татар-мишарей, расположенных на территории ЦПО. Работы велись с перерывами, начиная с 1921 года.

5) Изучение льноводства и льнопромышленности Ржевского и Бежецкого районов Тверской губ. Работы велись совместно с Тверским Государственным Музеем в 1928 году.

6) Комплексное изучение Тульского края. Работы велись совместно с Тульским Губернским Музеем. Отдельные исследования начались с 1926 года. К систематическому изучению приступлено в 1928 году. В работах принимали участие: зоологи, ботаники, геологи, этнологи, экономисты. Кроме указанных исследований экспедиционная работа Музея охватила территорию следующих губерний: по геологии — Московскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Владимирскую, Ярославскую;

- по ботанике — Московскую, Рязанскую, Владимирскую, Нижегородскую;
- по почвам — (Почвенным Комитетом Наркомзема) Московскую, Тверскую, Рязанскую;
- по зоологии, ихтиологии, энтомологии, гидро-биологии, — Московскую, Владимирскую, Рязанскую, Костромскую, Тверскую;
- по палеоэтнологии — Московскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Тверскую, Нижегородскую, Владимирскую, Иваново-Вознесенскую;
- по этнологии — Московскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Рязанскую, Тульскую, Калужскую, Владимирскую, Иваново-Вознесенскую;
- по истории быта — Рязанскую, Нижегородскую;
- по экономике — Тверскую, Тульскую, Рязанскую.

Все эти исследования осуществлялись частью совместно с московскими научными учреждениями, в значительной части — совместно с краеведческими и музейными учреждениями провинции, в части — самостоятельно силами Музея.

Из центральных учреждений в совместных работах участвовали: Антропологический Институт I М.Г.У.; Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящее при I М.Г.У.; Геологический Комитет В.С.Н.Х.; Центрогидрострой; Луговой Институт; Московская секция ГАИМК и мн. другие. Из провинциальных: Рязанский Областной Музей, Тверской Государственный Музей, Тульский Губернский Музей, Дмитровский (Москов. губ.) Музей местного края, Переславль-Залесский (Владимир. губ.) Музей, Муромский (Владимир. губ.) Вязниковский Музей местного края, (Влад. губ.) Касимовский Музей местного края, (Рязан. губ.) Музей местного края Гиблицкий (Рязан. губ.) Музей местного края Ржевский (Твер. губ.) Музей, Нижегородская Ассоциация по изучению производительных сил, Общество Исследователей Рязанского края и многие другие учреждения. Музей выступал в качестве организующего центра, пытаясь согласовать и скоординировать работы различных научных учреждений, центральных и местных, на одной и той же территории. Характерным показателем могут служить следующие цифры исследователей, принимавших участие в экспедиционных работах музея и связанных с ним учреждений в 1928 году. Общее число участников экспедиций по изучению территории ЦПО, связанных с работами Музея, в 1928 году равнялось 52 работникам, тогда как штатный научный контингент Музея включает всего 13 работников.

Все перечисленные работы, в течение которых собраны весьма значительные коллекции, имеют большое научное значение. Благодаря осуществленным работам представляется возможным охарактеризовать изученные территории в различных областях знания. Накопленный материал дает возможность сделать ряд научных выводов, пересмотреть многие результаты исследований, проведенных в предыдущее время. Целый ряд обобщений по отношению к отдельным частям территории ЦПО позволяют сделать изученные материалы.

Кроме громадного научного значения многие из проведенных исследований имеют непосредственное практическое значение для хозяйства Области (напр., обнаружение запасов целестина, употребляемого в сахарной промышленности в Тульской губ.; изучение песков в Касимовском уезде Рязанской губ., позволившее устано-

вить места, наиболее благоприятные для построения стекольных заводов, предпринимаемых Рязанскими хозяйственными организациями; изучение запасов угля на Побединских рудниках в Рязанской губ.; исследование вопросов, связанных с водоснабжением Москвы, изучение материалов по недрам, торфам, рыбному хозяйству в Мещерском крае и т. д. и т. д. .

Некоторые из этих вопросов уже изучены, большая же часть материалов находится в периоде обработки и по окончании будет передана Музеем в соответствующие учреждения для практического использования.

Коллекции Музея, составившиеся из фонда, поступившего из Музея с. Михайловского, а также явившиеся в результате произведенных исследований, поступили частью в экспозицию, частью в научное хранение музея. Как уже отмечалось, в научном отношении все собрания Музея представляют большой интерес. Коллекции из с. Михайловского собирались и обрабатывались в течение многих лет крупнейшими специалистами (Ф. В. Бухгольцем, Линде, А. А. Ячевским, берлинским микологом Р. Henning, А. А. Еленкиным, Harold Lindberg, А. Н. Петунниковым, Б. А. Федченко, В. М. Комаровым, Рейттером, Фризе, Хорваттом, Мосоловым, Четвериковым, Н. Н. Боголюбовым, М. А. Болоховитиновой, А. П. Ивановым и мн. другими). Часть этих коллекций описана в специальной литературе [диссертация Ф. В. Бухгольца — „Материалы к морфологии и систематике подземных грибов (*Tuberaceae et gstromycetes*)“] и его же работа „Новые данные к морфологии и цитологии подземных грибов (*Fungi hipodaci*)“; работа М. А. Болоховитиновой — „О каменноугольных кораллах и мшанках Московской губернии“ и др.] Результаты обработки зоологических коллекций напечатаны в изданиях Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

Некоторая часть материалов, собранных во время экспедиций музея за последние годы опубликована в специальной литературе (работа Б. С. Жукова — „О Льяловской неолитической стоянке“, Б. А. Куфтина — „Материальная культура русской Мещеры“, Н. И. Лебедевой — „Материальная культура и быт в верховьях Оки и Десны“, ряд статей: Н. В. Шибанова, О. Н. Бадера, С. П. Толстова, А. А. Уранова и др.), большая же часть материалов подготовлена к печати или заканчивается своей подготовкой. Отметим работы монографического характера; Ю. П. Карпинский — „Каменноугольные отложения Окско-Цнинского вала“, С. П. Толстова — „О материальной культуре терюхан и мишарей“, В. П. Никитиной — „Льноводство и льнопромышленность Бежецкого и Ржевского районов Тверской губ.“, Б. С. Жукова и О. Н. Бадера — „О Поздняковской неолитической стоянке“, Б. А. Куфтина — „Материальная культура русской Мещеры“, ч. 2, 3 и 4, Н. Г. Крохиной — „Кустарные промыслы Осташковского района Тверской губ.“ и многие другие. Ряд статей, касающихся отдельных сторон природы, хозяйства и быта населения ЦПО, подготовляемых к печати на основании изучения музейных коллекций, несомненно внесут много новых данных в специальную литературу по этим вопросам.

Все это достаточным образом характеризует исследовательскую работу Музея, нашедшую свое отражение в экспозиции Музея.

На ряду с характеристикой Области собранные коллекции вносят немало интересных моментов в исследовательскую деятельность, касающуюся непосредственно Московской губернии. Коллек-

ции из б. Музея с. Михайловского целиком относятся к Московской губернии, отражая геологию, ботанику и зоологию Подольского уезда и смежных с ним местностей. Ценнейшая коллекция по геологии, переданная Музеем проф. А. П. Ивановым, почти целиком посвящена геологии Московской губернии. В процессе своих исследований Музей приобрел ряд ценных материалов, характеризующих природу и человека Московской губернии (фаунистические сборы Н. В. Шибанова, П. В. Терентьева, В. В. Раевского, Л. Г. Капанова и др.; археологические материалы добытые из раскопок Б. С. Жуковым, Б. А. Куфтиным, О. Н. Бадером и др.).

Указанный момент имеет весьма существенное значение, ибо в функции Музея Центрально-Промышленной Области входит исчерпывающее изучение Московской губернии, для которой Музей играет роль не только областного, но и губернского центра.

Углубить и расширить изучение Московской губернии является очередной задачей Музея.

Интенсивность исследовательской работы музея могут отчасти охарактеризовать цифры роста коллекций за последние годы.

Число коллекций на 1/X.	По геологии.	По ботанике.	По зоологии.	По палеонто- логии.	По этноло- гии.	Итого.
1924 г.	2.000	5.300	12.200	1.360	200	21.060
1925 г.	3.000	7.400	15.000	9.200	1.000	35.600
1926 г.	6.500	8.900	18.000	29.100	1.350	63.850
1927 г.	7.500	9.900	26.200	56.200	1.700	101.400.

Эти цифры не являются исчерпывающими. В состав таблицы не включены почвенные, географические, историко-бытовые, экономические коллекции. Однако приведенные цифры, даже в той общей форме, как они выявлены в таблице, все же дают представление о динамике развития музея. Предварительный подсчет коллекций, явившийся в результате экспедиционных работ музея в 1927/28 г., показывает увеличение числа коллекций свыше чем на 40.000 экземпляров. Таким образом, общее число коллекций музея на 1 октября 1928 г. превышает 150.000 экземпляров.

Весьма большое место в работах музея занимает вопрос о помощи провинциальному музейному строительству. В различных разрезах пытается музей осуществить указанное дело.

Как об этом говорилось выше, в экспедициях музея принимают участие многочисленные работники провинциальных музеев, получая возможность работать под руководством опытных специалистов. Ряд экспедиций предпринимается музеем совместно с провинциальными музеями и результаты в виде добываемых коллекций переходят иногда полностью, иногда частью в провинциальные музеи. Такого рода работы музеем осуществляются совместно как с губернскими музеями (Тверским, Тульским и др.), так и с уездными, волостными (Касимовским, Муромским, Гиблицким и др.). Ряд исследований предпринимаются и осуществляются музеем целиком по просьбе отдельных музеев (Переславль-Залесского музея, Дмитровского музея и др.). Многие коллекции провинциальных музеев обрабатываются в лабораториях музея и в смонтированном виде пересылаются на места.

Музей весьма охотно оказывает консультацию по различным вопросам исследовательской работы и музейного строительства провинциальным музеям, командируя по их вызову своих работников (Тульский музей, Рязанский музей, Муромский музей и др.). Ряд отделов провинциальных музеев прорабатываются заново под руководством работников музея.

В лабораториях музея принимают участие работники провинциальных музеев, нередко командируемые для научной работы этими музеями. При чем этим правом пользуются краеведческие музеи, находящиеся и за пределами области.

Препараторская музея обслуживает музеи не только прилежащие к Москве (Воскресенский, Сергиевский, Ленинский, Дмитровский и др.), но и более отдаленные (Тверской, Тульский и др.). Некоторые музеи для усовершенствования командируют своих препараторов в музей, в его таксодермическую мастерскую,

В лабораториях музея работают 20 человек практикантов, многие из которых впоследствии предполагают перейти на работу в провинциальные музеи. Работы некоторых из практикантов музея опубликованы в печати¹⁾. На курсах по переподготовке музейных работников, организуемых Главнаукой, в качестве преподавателей и руководителей практических занятий, участвуют научные работники музея. Большая часть практических занятий происходит в лабораториях музея.

Наконец, с целью объединения исследовательской и музейной работы в Ц. П. О. музей предпринял созыв областных совещаний по различным разрезам деятельности музеев.

В течение 1926/28 г. состоялось шесть совещаний: по палеоэтнологии (2), по этнологии (2), по природе (2). Результаты работ совещаний частью опубликованы, частью находятся в печати²⁾. Повестка совещаний составляется из методических, научно-исследовательских и отчетных докладов. На совещаниях прорабатывались методические вопросы, связанные с построением краевых музеев, подводились итоги исследовательской работы и намечались планы дальнейшей работы. Интерес к совещаниям со стороны местных краеведов настолько велик, что, кроме работников музеев Ц. П. О., в работах совещаний принимали участие местные научные работники смежных с Ц. П. О. губерний (Смоленской, Брянской, Вологодской и др.).

Углубляя свою методическую работу, музей прорабатывает ряд вопросов наиболее трудных в музейной практике. В порядке ближайшего осуществления стоит организация ряда выставок на темы: „Полезные ископаемые Ц. П. О.“, „Кустарные промыслы Ц. П. О.“, „Льноводство и льнопромышленность Ц. П. О.“ и т. п., которые составят экономический отдел музея. Музеем прорабатываются вопросы экспозиции гидробиологических материалов, еще доселе не осуществленных в практике провинциального музейного строительства.

Ряд начинаний и нововведений проводится музеем в лабораторной работе по обработке музейных коллекций и по экспозиции их.

¹⁾ Л. Г. Капланов и В. В. Раевский: „Материалы к фауне млекопитающих Ц. П. О.“. (Вып. 5 Трудов Музея Ц. П. О.). М. 1928 г.

²⁾ „Материалы к доистории Ц. П. О.“ под ред. Б. С. Жукова и О. Н. Бадера; „Вопросы этнологии Ц. П. О.“ под ред. В. В. Богданова и С. П. Толстова; „Материалы к изучению флоры и фауны Ц. П. О.“ под ред. Н. В. Шибанова.

В печати труды 2-го этнологического совещания.

Одновременно со всем этим музей выполняет функции консультанта по различным вопросам краевого музейного строительства при московских учреждениях. По заданию Наркомпроса музеем был составлен план развертывания музейной работы в Танну-Тувинской республике. По ходатайству Дома Крестьянина Моссовета музей принимал участие в организации сельско-хозяйственного музея при Доме. Для Мосгубмузея работниками музея составлен ряд методических работ по вопросам построения краеведческих музеев, предполагаемых к печатанию в специальной серии.

По предложению Центрального Бюро Краеведения музеем составлен список примерного научного оборудования для краеведческих учреждений.

Работа музея по всем отмеченным разрезам уже нашла должную оценку. Президиум Ц. Б. К., заслушавший отчетные материалы музея, констатировал, что „Государственный Музей Ц. П. О., как областной краеведческий музей, является опытно-показательным учреждением первостепенной важности“, при чем в дальнейшей резолюции было отмечено, что уже в данной стадии развития музей имеет „большое значение методологическое, образовательное, показательное и практическое“¹⁾.

Аналогичную роль музея подчеркнула также специальная комиссия, обследовавшая музей по поручению коллегии Наркомпроса. В своем постановлении комиссия признала, что: „Государственный Музей Ц. П. О. как по характеру работы, так и по установке является учреждением, имеющим несомненно очень большое значение для нашего краеведения“.

Просветительная работа музея в силу сложности задач, стоящих перед ним, еще не получила такого большого развития по сравнению с другими сторонами деятельности музея. Однако, многочисленные экскурсии, прошедшие через музей, констатировали всю важность краеведческих материалов музея для проработки в первую очередь школьных программ, в основе которых положен краеведческий принцип. Осмотр музея экскурсиями осуществлялся под руководством специальных методистов. На материалах музея прорабатывались 26 тем, из которых отметим нижеследующие: „Природа и население Ц. П. О.“, „Полезные ископаемые Ц. П. О.“, „Быт нацмен Ц. П. О. в связи с политической совластью по национальному вопросу“, „Флора и фауна лесов Ц. П. О.“, „Гончарное производство и история его развития в Ц. П. О.“, „Орудия труда в доисторическом и современном быту“ и мн. др.

Музей с целью популяризации идеи краеведения, приступил к изданию серии научно-популярных книг по Ц. П. О.; из печати вышла: Д. И. Введенский — „У Сергиевского игрушечника“. Подготовлены к печати работы: В. Г. Гептнер — „Зоологические экскурсии на Сенежское озеро Московской губернии“, А. И. Огнев — „Эксперсии в леса Московской губ.“ и др.

Подводя итоги, нужно отметить, что те результаты, которых удалось достигнуть музею за неполное десятилетие его существования, можно считать удовлетворительными. Музей все больше входит в сеть музейных учреждений Ц. П. О. и все с большим размахом и углубленностью начинает осуществлять те функции, которые лежат в основе его деятельности.

¹⁾ „О Государственном Музее Ц. П. О.“ (Известия Ц. Б. К. „Апрель—Май 1928 г.“ № 4. М. 1928 г.).

Ближайшая задача музея — еще теснее связаться с краеведческими учреждениями области и в первую очередь с музейными учреждениями Московской губернии. В специальной записке, поданной в М. О. Н. О., музей намечает целую программу деятельности, имеющую своей основной задачей помощь музеям по развитию музейного строительства в губернии.

Кроме планомерного и систематического изучения губернии в различных разрезах знания, которое предполагается быть осуществленным музеем совместно с краеведческими учреждениями и краевыми музеями губернии, путем организации совместных экспедиций и исследований, намечается широкая помощь со стороны специалистов музея в деле правильного построения отдельных частей краевых музеев губернии. На специальных совещаниях совместно с музейными работниками губернии намечена проработка ряда теоретических и практических вопросов, связанных с построением и деятельностью музеев Московской губернии, при чем особое внимание предположено уделить вопросам, которые являются наименее разработанными и к которым приковано особое внимание музейных работников в наши дни. С этой целью в первой половине 1929 г. Музеем предположено провести, по примеру аналогичных совещаний, созданных музеем по природе, палеоэтнологии и этнологии, специальное совещание по вопросам изучения экономики Области и построения экономических частей краевых музеев. К этому совещанию предположено привлечь наряду с музейными работниками — экономистами наиболее крупных специалистов-экономистов, работающих над проблемами экономического изучения Центрально Промышленной Области.

В 1929 г. намечен также созыв 3 го Областного Совещания по этнологии, повестка которого включает также ряд докладов по антропологии, диалектологии и палеоэтнологии. На этом совещании намечается заслушивание специального доклада, посвященного перспективному плану этнологического изучения Московской губернии.

Помимо этого, музей предполагает широко открыть свои лаборатории для работы музейных деятелей краевых музеев Московской губернии. Совместно с Кабинетом Краеведения музей намечает также организовать семинарские занятия для музейных работников губернии по отдельным вопросам, связанным с построением краеведческих музеев.

В числе других проблем, которые ставит в программу своей ближайшей деятельности музей, является вопрос о правильном построении волостного краеведческого музея. С этой целью музей предполагает теснее связаться с существующими в губернии волостными музеями, может быть, по согласовании этого вопроса с Мосгубмузеем, один из них будет выбран в качестве базы для опытной проработки вопросов, связанных с построением и развитием музеев этого рода.

Потребность в осуществлении указанных вопросов назрела весьма сильно. Целый ряд краеведческих музеев губернии уже обратился к музею Ц. П. О с ходатайством об установлении необходимых связей и за помощью по консультированию в вопросах построения отдельных частей музеев. И эта проблема связи музея Ц. П. О с музейным строительством в Московской губернии является одной из основных проблем для ближайшей деятельности музея.

Проблема районирования Ц. П. О., предпринимаемая в настоящее время, заставит музей готовым к осуществлению тех задач, которые будут возложены на него в связи с указанной реформой.

В настоящий момент музей находится на некотором новом этапе своей деятельности. В виду недостатка помещений для студенческих общежитий в Москве музей принужден был свернуть на год свои экспозиционные залы и предоставить освободившееся помещение для размещения в нем студентов нового приема. В связи с этим несколько уменьшилась на ближайшее время программа деятельности музея.

Будем надеяться, что указанные мероприятия будут носить временный характер и через небольшой промежуток времени музей снова получит возможность во всем объеме развить ту нужную и полезную свою деятельность по укреплению и развитию краевого музейного строительства, значение которого становится все важнее в культурном строительстве страны.

Из опыта построения художественно-исторического краевого Музея.

Когда московский посетитель приезжает осматривать художественно-исторический краевой Музей в г. Воскресенске, организованный в бывшем монастыре „Новый Иерусалим“, — он весьма уверенно просит показать „только историко-художественный отдел“. Московский посетитель нашего Музея обычно весьма удивлен, когда руководитель экскурсии разъясняет, что „у нас весь Музей краеведческий“, и что в него входит и историко-культурный отдел со всеми архитектурными памятниками.

У местного общественного работника историко-культурный отдел не вызывает столь исключительного интереса. В краевом Музее он желает найти отражение не столько прошлого, сколько современное строительство, преимущественно-народное хозяйство и культурно-социальное строительство, активным участником которого он является. Краеведческий Музей в его понимании — это учреждение, которое должно изучать и выявлять окружающую природу, экономическую жизнь края, оставляя историю культуры края на втором плане.

А рядовой массовый посетитель, — тот посетитель, ради которого и должны строиться Музеи, как просветительные учреждения! Каково его отношение к Музею — бывшему монастырю?

Достаточно поставить этот вопрос, чтобы стала совершенно очевидна сложность проблемы построения краевого художественно-исторического Музея, связанного с архитектурными памятниками мирового значения, с значительным собранием выдающихся памятников прикладного искусства, — при отсутствии опыта в построении такого типа Музеев.

Одно лишь бесспорно: решение этой проблемы должно находиться в неразрывной связи с просветительными задачами, которые должно преследовать любое научное учреждение в Советской России: служить орудием просвещения широких трудящихся масс.

Рис. 1. Собор 1658 г.

Трудность разрешения проблем для нашего Музея коренилась еще в том факте, что место основания Музея — монастырь, „именуемый Новый Иерусалим“, до революции привлекал ежегодно десятки тысяч паломников, стекавшихся со всех концов необъятной России на поклонение „святому“ храму.

Это обстоятельство осложнило решение вопроса о характере организовавшегося Музея: нужно ли строить Музей, который хранил бы и изучал памятники русского зодчества и церковного быта быв. мон-ря и этим ограничил свою научную и просветительную задачу, или же именно здесь, в б. Ново-Иерусалимском мон-ре надо построить такого типа Музей, который бы охватил своими научными коллекциями все стороны окружающей жизни, и прошлого и настоящего, давал бы знания по различным дисциплинам и все сохранившиеся памятники включил бы в общую систему отображения в музее истории культуры?

Само собой разумеется, что изучение архитектурных памятников, до настоящего времени поверхностно изученных и почти неотраженных в литературе, является огромного значения научной работой с точки зрения искусствоведа, и этот вопрос — вариант построения Музея в б. монастыре „Новый Иерусалим“, являлся, пожалуй, наиболее привлекательным, тем более, что сохранившийся в полном порядке архив быв. мон-ря открывает широкие возможности для работы исследователя, и много труда и знаний нужно посвятить архитектурным памятникам, входящим в состав коллекций Музея, чтобы изучить их почти трехвековую историю, неразрывно связанную с крупнейшими историческими событиями половины XVII в. и с именем Никона.

Краеведы — музейные работники, однако, решили пойти по пути первого варианта.

Это решение не было случайным, оно было построено на том понимании краеведения, которое, к сожалению, далеко еще не всеми культурными работниками усвоено.

Определяя роль краевого Музея в общей цепи научно-исследовательских учреждений нашей Республики, мы считали, что Музей, изучающий свой край, является научно-исследовательским учреждением, ставящим своей задачей систематическое изучение всех сторон жизни края в его прошлом и настоящем в полном соответствии с требованиями современной науки, являясь вместе с тем хранилищем памятников прошлого и настоящего, неразрывно связанных с изучаемой территорией. Не случайное собирание коллекций по различным дисциплинам, не отыскивание „интересных“ экспонатов, а именно систематическое планомерное изучение края должно составлять основную задачу краевого Музея. В результате производимых исследований, сборов Музей обогащается научными коллекциями, ценность которых в том и заключается, что они явились результатом исследовательской работы, а не случайными поступлениями.

Музей местного края изучает все стороны жизни — и прошлое, и настоящее. Для него, как научного учреждения, не существует преимущества между этими двумя категориями — они совершенно равноценны. Музей местного края не выполняет своего прямого назначения, если он отказывается от работ по изучению и собиранию памятников прошлой культуры или если он свою задачу ограничивает только изучением прошлого и не изучает природной обстановки, народного хозяйства, не изучает современное в жизни.

Если одна из этих задач — изучение современной жизни — не вызывает никаких возражений и встречает всеобщее сочувствие, то вторая задача — изучение прошлого и его музейное выявление — часто встречает отрицательное отношение.

Когда разрешался вопрос о структуре нашего Музея, нельзя было не учитывать такого, хоть и неправильного взгляда, но все же

разделяемого довольно значительными кругами общественных работников, — особенно нашему Музею, выросавшему на развалинах погребенного революцией монастыря.

Прежде всего необходимо было проанализировать точку зрения наших критиков, проанализировать ее совершенно объективно, понять причину отрицательного отношения к выявлению прошлого, особенно памятников церковного быта, и вместе с тем построить музейную экспозицию так, чтобы быть твердо убежденным в ее научности и следовательно — возможности вести по выставочным коллекциям просветительную работу.

Совершенно очевидно, что Музей местного края должен отражать в своих залах историю культуры своего края. Не зная прошлого, нельзя осмыслить настоящего. Против этой аксиомы вряд ли кто выступает; спор может идти только по вопросу: что и как отражать.

Необходимо установить твердо следующее основное положение: изучая и выявляя историю культуры своего края, нельзя выхватить отдельные моменты из жизни прошлого, субъективно выбирая лишь то, что кажется нам нужным в наивном предположении, что отбрасываемые нами части исторически сложившегося организма как бы тем самым перестают существовать и для других. Такой подход не достоин серьезного исследователя, а тем более марксиста, ибо его задача в том и заключается, чтобы, изучая все стороны жизни в его прошлом, согласно материалистического мировоззрения, выявлять подлинные движущие силы культурного развития края, смело подходить ко всякого рода веками созданным „святыням“, срывать с них личину святости обнажая их реальный облик. Изучая край, мы должны стремиться дать полную картину его жизни в прошлом, а не отдельные, произвольно выхваченные куски, ибо в жизни все явления находятся в постоянном взаимодействии.

Для того, чтобы, исходя из этой предпосылки, правильно разрешить поставленную проблему, необходимо далее установить рамки историко-культурного отдела и вместе с тем основную группировку научного материала, получаемого в результате производимых Музеем исследований. Второй вопрос разрешался нами группировкой научных коллекций по трем основным отделам: 1) естественно-историческому, 2) историко-культурному и 3) общественно-экономическому.

Мы остановим свое внимание прежде всего на историко-культурном отделе, который по плану Музея охватывает историю культуры от древнейших памятников (археологический п отдел) до наших дней включительно. Таким образом, в состав историко-культурного отдела входят п отделы: археологический, прикладного искусства, усадебной культуры, этнографический и архитектурные памятники. В виду особой роли, которую играл быв. Ново-Иерусалимский мон-рь и его основатель Никон в жизни нашего края, материалы по истории мон-ря, его хозяйственной деятельности и по Никону выделены в особый п отдел¹⁾.

При таком построении историко-культурного отдела Музея, мы, ни в какой степени не умаляя художественное значение каждого отдельного памятника, вводим его в общее русло, по которому протекала вся история культуры края, в развитии которой быв. мон-рь и быв. помещичьи усадьбы играли значительную роль.

¹⁾ К сожалению, этот п/отдел Музея за отсутствием материала, далеко не отражает всех моментов борьбы бояр с Никоном, экономических взаимоотношений мон-ря с его крепостными.

Предметы прикладного искусства, бытовавшие в нашем крае, мы изучаем и как продукцию художественной промышленности, и как предметы быта, и соответственно этому строим экспозицию. Для того, чтобы дать полную картину развития художественной промышленности, мы не можем ограничиваться только одной ее отраслью — свестской; необходимо отразить памятники и церковного быта, и усадебной культуры.

Но и этим выявлением памятников художественной промышленности Музей не даст полной картины, если он не выявит подлинных

Рис. 2. Отдел усадебной культуры (быт дворянства Моск. губ. в XVIII и нач. XIX в.).

в этнографическом отделе Музея с типичными элементами ампира, найденный в хорошей сохранности в одной из деревень Воскресенского уезда, чтобы понять, где нужно искать источник этого стиля в крестьянском быту.

А крепостной труд в художественной промышленности разве не нашел свое яркое отражение в усадебной культуре дворянского сословия?

Разве краевой Музей, изучающий эпоху крепостного права, может отразить эту страницу истории без выявления творчества крепостных мастеров! Разве можно выявить в Музее развитие в Московской губернии кустарных промыслов без этих источников их возникновения. А труд крепостных монастыря, одного из крупнейших помещиков XVII ст. заложившего основание ряду про-

Рис. 3. Быт дворянства Моск. губ. XVIII и нач. XIX ст.

мыслов, бытующих и по нынешний день в нашем крае! Достаточно указать на керамическое производство, возникшее исключительно в связи с постройкой собора, чтобы убедиться в неразрывной связи различных видов прикладного искусства не только с местной культурой, но и с народно-хозяйственной жизнью.

Поэтому краевой Музей обязан выявлять все эти памятники, если он желает дать правильную в научном отношении картину развития и местной культуры и народного хозяйства.

Такое сочетание всех этих памятников в определенную историческую эпоху дает возможность широко использовать их в просветительной работе, в том числе и для антирелигиозной пропаганды.

Следует отчетливо подчеркнуть, что самый факт изучения предмета культа с точки зрения техники, стиля и т. д.—уже освобождает его от той неприкосновенной святости, которой данный предмет был окружен в течение сотен лет. Когда руководитель Музея беседует с посетителем о стилях, господствовавших в различные эпохи и нашедших свое отражение точно также в предметах культа (или в архитектурных памятниках), как и в предметах гражданского быта, — посетитель начинает и сам рассматривать крест, икону или другой предмет, как художественное произведение того или иного столетия, совершенно исключая его культовое значение.

Точно также, когда мы осматриваем собор, посетитель знакомится с историческими событиями, вызвавшими его появление, с художественным убранством собора, сохранившим и до наших дней декоративное искусство XVII в., —

керамику, пышное барокко XVIII века или ампир. Это особенно поучительно после того, как он побывал в отделе прикладного искусства и усадебной культуры, и там на предметах искусства знакомился с теми же художественными стилями. Не может быть двух мнений, что почерпнутые им знания разрушают его обычное отношение ко всякого рода „святым“ местам и „святыням“.

Но когда после осмотра всех древних памят-

ников, посетитель вступает в этнографический отдел, посвященный крестьянскому быту, здесь он просто, непосредственно, без лишних слов, ощущает убогую, тяжелую жизнь крестьянина в контрасте с пышной и сытой жизнью вековых его эксплуататоров.

Рис. 4. Этнографический отдел (утварь).

Рис. 5. Этнографический Отдел (одежда).

Вот некоторые выписки из впечатлений, записанных на экскурсионных листках:

1. Экскурсия рабочих торфоразработки „Боевое болото“. При осмотре Музея экскурсанты больше всего обратили внимание на быт помещиков, который их так поразил, возмущенные выходили из Музея и с негодованием отнеслись к прошлому. Вот здесь-то рабочие сразу увидели насколько они были раньше закабалены, и почему нужно бороться со старым бытом.

2. Экскурсия крестьян с Бужарово. „Интересно сопоставлен помещичий быт с крестьянским. Мы увидели, как жили помещики и как жили крестьяне; какая убогая жизнь крестьян и, какая роскошь помещиков“.

3. Экскурсия комсомольцев. „Удивительно, осматривать роскошные вещи, видеть и чувствовать жизнь богатого человека и вместе с этим представлять жизнь крестьянина того времени. Ребята именно больше говорили о крестьянах, чем о помещиках“.

4. Экскурсия пионеров Красно - Пресненского района. „Ребята, осмотрев бытовой отдел, получили понятие о жизни помещиков не только по книжкам, что чрезвычайно важно. Впечатление от посещения очень сильное, здесь надо не осматривать, а изучать“.

С такими настроениями уходит посетитель.

Думается, что мы имеем право утверждать, что такие переживания никогда не будут достигнуты никакими плакатами, — такова сила только подлинных памятников; они сами говорят правду современному рабочему и крестьянину. Что требуется при осмотре этих отделов от руководителя? Осветить эти памятники искусства не только с точки зрения их художественного значения, но напоминать восхищенному посетителю о невидимой в этих залах другой стороне далекого прошлого и, хотя бы цитатой из лежащих на столе „Московских Ведомостей“ 1796 г., — чтением объявлений о продаже „офиссианта“, „умеющего также кидать кровь, с женой, умеющей хорошо ходить за госпожей“ — и вы сразу почувствуете, как аудитория восприняла вашу мысль. Вы ведете дальше экскурсию — снова раскрывается перед ней картина былой, сытой жизни, созданной трудами крепостного крестьянина. Над столом висит портрет декабриста, — и вы привлекаете внимание посетителя к этой славной странице истории русского революционного движения.

Идете дальше — снова первоклассные произведения русских и иностранных мастеров: мебель, картины, бронза, фарфор. Перед посетителем разворачивается картина дворянской культуры, он знакомится с техникой, со стилем, заходит в портретную — в углу висит икона в серебряном окладе с гравированной надписью: „сооружена в память убиенного своими людьми в 1796 г. князя Мещерского“...

Огромное просветительное значение этих отделов краевых музеев еще не оценено, не понято. Глубоко ошибаются те товарищи, которые полагают, что „все эти барские игрушки нам не нужны“. Они нам нужны не только, как памятники неповторяемого народного крепостного творчества, они нам крайне полезны и необходимы для политико-просветительной работы. Само собой разумеется, что просветительная работа, связанная и с памятниками дворянского быта и с церковной археологией требует умелого подхода.

Было бы наивно предполагать, что человек, не освободивший свое сознание от всякой мистики, тотчас же преобразится под влиянием одной беседы, проведенной в музее. Но речь идет не о „моменталь-

ной“ ликвидации религиозных верований, а о систематической работе, которая ведется различными организациями, и о той роли, которая должна падать на долю музея, выросшего на месте „высокочитимого“ мон-ря. Мы обязаны помочь народным массам освободиться от вековых предрассудков и поэтому, охраняя памятники древней культуры, высоко ценя их, как произведения искусства, мы своей просветительной работой обязаны сбрасывать с них ореол святости, освещая ярким светом знания.

Изложенные мысли и легли в основу построения историко-культурного отдела Краевого музея в г. Воскресенске.

Мы считали необходимым одновременно организовать и естественно-исторический отдел, экспонаты которого должны привлечь не меньшее внимание посетителей музея. Наш музей остановился на ландшафтном принципе экспозиции, как наиболее полно отражающем природу нашего края. В настоящее время выявлены только два ландшафта—озеро и лес, исследования текущего года дадут возможность выявить речной ландшафт. И нужно отметить, что этот отдел все больше и больше привлекает внимание не только местных посетителей, но и московских экскурсантов, проявляющих живой интерес к естественно-историческому отделу.

Нужно ли указывать на то огромное значение, которое имеет естественно-исторический отдел в просветительном отношении и не менее важное — для изучения производительных сил края. Если в этой области далеко еще не все сделано, то причина коренится исключительно в материальных затруднениях, в трудности обеспечить этот отдел научными силами. Но эти трудности в значительной степени преодолимы и естественно-исторический отдел нашего музея в ближайший год значительно расширит свои залы.

Не менее важное значение для правильного построения музея имеет экономический отдел, в котором должны быть сконцентрированы и отражены все материалы по изучению народного хозяйства и культурно-социального строительства края. Но опыт работы нашего музея убедил нас, что именно этот отдел, к сожалению, меньше всего привлекает внимание и интерес экскурсантов-москвичей, как равным образом и окружающего населения.

Над этим вопросом нужно серьезно задуматься, ибо здесь идет суждение не о том, нужно ли выявлять в музейных залах современное народное хозяйство, а как выявлять. До настоящего времени музеи не нашли такого метода выявления этих сторон жизни края, который также привлекал бы внимание посетителя как привлекают его внимание экспонаты естественно-исторического и культурно-исторического отделов. Диаграммы, картограммы заинтересовывают только серьезно интересующегося тем или иным вопросом посетителя, способного читать диаграмму. Рядовой посетитель проходит мимо диаграммы, ибо он пришел в музей смотреть, а не читать. Диаграмма же по существу является хорошей иллюстрацией к лекции. А рядового посетителя музей привлекает предметами, из которых он может получить ясное представление о невиданном, неизвестном: такова природа музея. К сожалению, графика не является таким экспонатом, который давал бы рядовому посетителю яркое, наглядное представление о выявляемом моменте.

Необходимо подчеркнуть, что здесь идет речь не об отсутствии интереса к современной жизни, ибо, например, всегда с большим интересом посетители осматривают коллекции отдела кустарной промышленности; речь идет об изыскании такого способа выявления

различных сторон народного хозяйства, который привлекал бы внимание посетителя. К сожалению, разрешение этого вопроса затрудняется материальными возможностями, ибо можно было бы внести некоторое оживление выставлением моделей фабрик с их оборудованием, больниц нового типа, школ и т. п., но для этого нужны значительные средства.

Экспозиционная проблема для экономического отдела крайне сложна тем более, что в общем построении этот отдел должен играть крупнейшую роль. Краевой музей должен стать центром, где собирается, прорабатывается вновь экономический материал, выявляется в графиках, освещается общей литературой по экономике края. Краевой музей должен не только непосредственно принимать участие в производимых статистическими органами обследованиях, но расширять программу обследования в зависимости от местных условий, организовать самостоятельные обследования. На этом пути наш музей стоял с первых дней своего существования и в настоящее время продолжает вести аналогичную работу в тесной связи с местным статистическим отделом. Но как выявить накопленный материал в отделе, чтобы его экспонаты привлекли живое внимание посетителя, — эта проблема нами еще не разрешена. Мы производим опыты и надеемся на положительные результаты.

Но поскольку речь идет об общей линии построения нашего музея мы считаем, что избранный нами путь — путь правильный, вполне отвечающий интересам просвещения трудящихся масс нашей Республики. Мы уверены, что дальнейшие искания, опыт других музеев откроют новые возможности, и что мы не раз еще перестроим свои отделы.

Но основная установка, руководящая идея не потребует пересмотра. Весь опыт нашей работы убеждает нас, что мы в общем и целом заинтересовали своей исследовательской работой широкие слои населения не только местного, но и москвичей.

В этом общественном сочувствии работники музея черпают силы для дальнейшей работы, стремясь внести и свою каплю труда в дело социалистического просвещения.

Опыт построения Краеведного музея ¹⁾.

(Музей Дмитровского Края).

В сентябре 1928 года исполнилось 10 лет со дня открытия Музея Дмитровского Края. За эти 10 лет Музей вырос из маленького учреждения с площадью в 30 м в большую, по провинциальным масштабам, организацию и увеличил свою экспозиционную площадь больше чем в 10 раз.

Этапы расширения Музея были во внутренней жизни Музея вместе с тем и новыми экспозиционными опытами.

В своем зачаточном состоянии Музей не имел еще четкого деления на отделы, и главное внимание было обращено на естественно-историческую часть; в дальнейшем естественно-историческая часть организуется в особый отдел, а общественно-экономическая и историко-культурная части (в зачаточном состоянии и без строгого подразделения) получают отдельное небольшое помещение. Окончательная дифференциация на отделы заканчивается к концу 1921 года.

С этого времени отделы усиленно растут и свою экспозицию строят по систематическому принципу.

С 1925 года начинаются поиски новых путей. Музей работает над разрешением вопроса синтетической или, лучше сказать, ландшафтной экспозиции. Делаются доклады в Москве; вокруг этого вопроса возникают большие споры среди музейных работников.

В 1927 году Музей начинает приступать к выполнению этой экспозиции в естественно-историческом отделе. В настоящее время с большой уверенностью можно сказать, что ландшафтная экспозиция дает наиболее правильный краеведческий аспект.

Музей Дмитровского Края имеет три отдела: естественно-исторический, общественно-экономический и историко культурный отделы ²⁾.

Естественно-исторический отдел. Естественно-исторический отдел так же, как и два других отдела Музея, имеет введение.

Задачи введения естественно-исторического отдела заключаются в общей географической ориентировке и в обосновании 2-х ландшафтов Дмитровского Края.

На схематической карте рельефа Дмитровского уезда (в его прежних границах) выясняется, что южная и юго-восточная часть уезда занята Клинско-Дмитровской возвышенностью, северная — низиной, относящейся к приволжской низменности. Часть этой низины

¹⁾ Данная статья редактирована научными сотрудниками Музея Дмитровского Края; естественно-исторический отдел написан Ал. Георг. Немковой.

²⁾ Нижеследующее описание отделов стремится не только описать отделы, как они есть, но и указать ближайшие перспективы и методы экспозиционной работы.

представляет долину р. Яхромы в ее среднем и нижнем течении, а часть является водоразделом между реками Яхромой, Якотью, Дубной и Сестрой.

Карта речной сети центральной России выясняет связь рек Дмитровского края с бассейном Волги и Оки, а Клинско-Дмитровская возвышенность, как видно по схематической карте рельефа Центральной России, является водоразделом между бассейнами этих рек.

Профиля через уезд, захватывающие и низинную и возвышенную часть уезда, и рисунки также характеризуют рельеф края — резкое деление его на возвышенность и низину.

На карте почв (пока Московской губернии) выясняется, что на возвышенности Дмитровского Края преобладают глинистые почвы, на низине же песчаные.

На гидрогеологической карте Московской губернии также выделяется 2 района: на низине водоупорными являются юрские отложения на возвышенности — меловые.

Метеорологические данные — кривые температуры и осадков дают некоторое представление о разнице в климате низины и возвышенности (5-летние сводки метстанции в Дмитрове при музее и метстанции при Болотном Опытном поле в долине р. Яхромы).

Карта лесов уезда дает представление о современном состоянии лесов нашего края — на этой карте выделяется безлесная долина р. Яхромы.

Из всех материалов, расположенных во введении, ясна необходимость выделения в музее 2-х основных ландшафтов Края — возвышенности, составляющей часть Клинско-Дмитровской гряды с средней высотой около 200 м, и низины, составляющей часть приволжской низменности с средней высотой около 120 м.

Эти два ландшафта музей и стремится отразить в естественно-историческом отделе. При чем на первое время в музее отражается только часть низины — долина р. Яхромы в ее среднем и нижнем течении.

В самом отделе сначала располагается материал, характеризующий возвышенность Дмитровского края. Представление о климате дается сводками 17-летних наблюдений метстанции в Никольском-Горушках, располагавшейся в одном из самых высоких районов края (станции теперь к сожалению не существует) и 5-летних наблюдений Дмитровской метстанции при Музее — тут же помещаются данные текущего наблюдения и предыдущего года.

Геологическое строение возвышенности дается образцами, взятыми из ледниковых отложений и меловых (три витрины). Палеонтологический материал располагается здесь же рядом с теми обнажениями, из которых он добыт.

Чертежи буровых скважин, карты, профили, фотографии дополняют представление о геологическом строении Клинско-Дмитровской возвышенности в пределах Дмитровского края.

Растительность Клинско-Дмитровской возвышенности только начинает отражаться в Музее.

Сейчас дается представление о Вельско-Чугуловской даче, здесь, как видно из плана, сохранились еще сплошные площади хвойного леса.

В отделе представлены витрины 4-х типов леса:

1. Еловый лес с богатым травянистым покровом.
2. Елово-сосновый лес с моховым покровом (главным образом из *Hucosomum Spandens*) и черники.

3. Сосновый лес с моховым покровом (глазным образом из Нурпим Schreberi) и брусники.

4. Сосновый лес с покровом из вереска.

Первый тип является характерным для возвышенности вообще и в Вельско-Чугуловской даче располагается на глинистых почвах, на высоких местах.

Второй тип располагается в данном районе по склонам возвышенности на песчаных почвах. Вообще же он более характерен для низинной части края.

2 другие типа относятся к Придубенской низине и располагаются здесь временно.

В ближайшее время в отделе будет дан широко распространенный на Клинско-Дмитровской возвышенности еловый лес с листовым покровом и кислицей затем, широколиственный лес, а также сфагновое болото.

В лесных витринах (глуб. 1¹/₂—3 вершка) представляется растительность, укрепленная на подставке, сбоку которой на фанере даны почвы, кустарниковый и древесный состав дается ветками укрепленными на некотором расстоянии над травянистым покровом.

В ближайшее время здесь должны быть даны рисунки в красках всех перечисленных выше типов лесов, образцы деревьев из этих типов, гербарий, собранный в лесу, и образцы почв (в коробках) взятые из почвенных ям, вырытых в типичных лесных насаждениях.

Животный мир леса дается немногими, характерными для леса птицами и млекопитающими, расположенными пока систематически. В ближайшее время Музей предполагает связать их с растительными сообществами

Долина р. Яхромы разработана в отделе по тому же плану, что и Клинско-Дмитровская возвышенность.

Климат рисуется наблюдениями метеостанции Болотного Опытного Поля, расположенной в долине р. Яхромы.

Геологическое строение долины дается образцами из обнажений по реке Яхрме, образцами из буровых скважин, чертежами буровых скважин, заложенных в долине.

Для района Болотного Опытного Поля, расположенного в долине р. Яхромы, по левой ее стороне, дан целый ряд материалов, характеризующих естественно-исторические условия долины. Геологический профиль, гидрогеологический, карта рельефа, карта грунтовых вод, карта растительных ассоциаций.

Акварели рисуют историю долины со времени отступления ледника и до нашего времени. Тут же находятся найденные в долине Яхромы обломки бивней мамонта, корневые зубы, кости. (См. рис. 1).

Большой профиль (9 арш. длн.) через одну сторону долины от подножия коренного берега до русла реки дает более яркую и более доступную (чем картографический материал) для среднего посетителя картину строения долины. На подставке высотой $\frac{1}{2}$ метра, шириной $\frac{1}{2}$ метра и длиной 9 аршин укрепленна растительность, сбоку подставки на фанере наклеены почвы, подставка передает строение поверхности долины.

На профиле даются следующие растительные сообщества, считая от подножья коренного берега: моховое болото, кустарниковое болото, луговое болото, сырые луга со щучкой (*Deschampsium caespitosa*) и, наконец, на приустьевом бугре — разнотравные луга. (См. рис. 2).

По всем перечисленным материалам выясняется причина заболоченности долины.

Диаграмма распределения площади долины по угодьям дает представление о площади, занятой растительными сообществами, изображенными на профиле.

Из диаграммы видно, что на хорошие сухие луга приходится только 11% общей площади громадной долины.

Рис. 1. Введение в ландшафт долины р. Яхромы.

Отсюда ясна необходимость мелиорации долины, которая в общих чертах должна быть отражена в естественно-историческом отделе, а подробно в сельскохозяйственном.

Здесь же диаграммами, фотографиями, чертежами дается общее представление о работе Болотного Опытного Поля по культуре болот.

Подробная характеристика работы Болотного Опытного Поля дается в сельскохозяйственном отделе.

Торфоразработки, расположенные по притокам р. Яхромы даны образцами торфа, планом торфоразработки, цифровыми данными, характеризующими запасы торфа и его свойства.

В ближайшее время торфяные залежи будут представлены в виде монолитов.

В витрине пока систематически располагаются некоторые типичные для долины птицы—луговые, болотные, плавающие.

В ближайшее время в п/отделе долины р. Яхромы должна быть дана

витрина с характерными для реки рыбами и др. водными обитателями.

Ни на профиле через долину р. Яхромы, ни на лесных витринах Музей не дает перспектив. Музей считает, что перспектива, данная рисунком, только тогда будет давать чувство ландшафта, когда она будет выполнена высоко художественно, что, конечно, не по силам уездным музеям. Но Музей считает необходимым дать в естественно-историческом отделе ряд крупных рисунков в красках как ландшафтов в целом, так и его деталей.

Эти зарисовки, давая эмоциональные переживания, оживят и закрепят все представления, полученные в Музее посетителями.

Общественно-экономический отдел. Задаче общественно-экономического отдела дать представление об экономике, быте и общественности нашего времени. Вместе с этим общественно-экономический отдел должен дать динамику и прошлое некоторых сторон жизни для того, чтобы правильно разрешить вопросы настоящего.

Рис. 2. Часть профиля долины р. Яхромы.

Общественно-экономический отдел имеет следующую структуру: 1) введение, 2) с. х., 3) кустарные промыслы и кустарно-промысловая кооперация, 4) фабрики и заводы, 5) современный быт и старый быт в общественности края.

Введение должно дать общую географическую ориентировку. На карте РСФСР выделены тушью границы ЦПО и указаны границы Московской губернии. Рядом повешена карта Московской губернии крупного масштаба, на которой очень резко выделены все уезды. По этой карте легко прослеживается географическое положение Дмитровского уезда, а вместе с тем можно по диаграммам, которые тут же висят, сравнить Дмитровский уезд с остальными уездами Моск. губ. по величине, населению и плотности.

Далее выделяется карта Дмитровского уезда земского времени и современная карта с плотностями населения каждой волости.

Плотности отдельных волостей имеют резкие колебания, которые уже а priori характеризуют экономику этих мест.

Для того, чтобы понять причины этих различий в экономике, необходимо дать карту прошлого этих мест, т.-е. выяснить в каких местах была монастырщина и какие земли принадлежали помещикам.

С плотностью тесно соприкасаются вопросы дазиметрии.

Дазиметрическую карту может заменить карта распространения селений с обозначением в масштабе величины этих селений; получается очень яркое впечатление распределения населения по уезду.

Одним из больших вопросов в области экономики являются пути сообщения. Пути сообщения в прошлом слагали экономику края, такое же значение они имеют и в настоящее время. Карта путей сообщения выясняет вместе с тем и центры экономического тяготения.

Человек, действующий на данной территории, есть наибольшая производительная сила, поэтому необходимо дать диаграммы по демографии с оценкой населения, как производительной силы по трудоспособности, по полу, по грамотности и по занятию (этнографическая оценка населения дается в дальнейшем). Занятие жителей выясняет группы населения, производящие ценности и потребляющие ценности. Количество людей в той или иной специальности указывает, какие экономические явления преобладают в данном крае, и что следует отразить в данном экономическом отделе.

В краеведном музее Дмитровского края должны быть развернуты сельское хозяйство, кустарная промышленность и фабрично-заводская промышленность.

Сельско-хозяйственный п/о¹⁾ начинается с освещения общих условий, в которых находится сельское хозяйство края. Почвенная карта (в масштабе $\frac{1}{2}$ версты) и 12 монолитов к ней дадут общую характеристику почвенных условий Дмитровского уезда. Рядом почвенные анализы наиболее распространенных почв подчеркнут богатство почв уезда одними веществами и бедность—другими.

Другой фактор, обуславливающий ведение сельского хозяйства,—климатические условия—является не менее важным.

Если в естественно-историческом отделе мы познакомились с климатом вообще, то в с.-х. п отделе выясняется влияние климатических условий на вегетативный период культурных растений, созревание,

¹⁾ Сельско-хозяйственный отдел по данному плану строится в настоящее время и будет открыт к маю 1929 года.

урожайность и на условия, в которых протекают сельско-хозяйственные работы. Экономические условия имеют громадное влияние на строй сельского хозяйства, поэтому далее необходимо ознакомиться с наличием рынков местных и более отдаленных. В картограммах и диаграммах будет освещена емкость рынков и спрос на продукты сельского хозяйства.

После рассмотрения общих условий можно перейти к основе сельского хозяйства — к угодьям и к формам использования их в прошлом и в настоящем. Карта уезда с нанесением на ней пахотных, сенокосных, лесных, выгонных и пр. угодий и некоторых других сельско-хозяйственных моментов, а рядом с картой диаграммы характеризуют изменения в соотношении с.-х. угодий по годам. Тут же будет выявлено землевладение до революции и землепользование после революции, землеустроенность межселенная и внутриселенная с примерами, какую выгоду получили землепользователи от этого рода работ. Картограмма и диаграммы дают возможность уяснить себе существующие в уезде формы землепользования и их изменения по годам. Здесь же в копиях плановых материалов представлены существующие в уезде: коллектив, община, отруба, хутор.

При существующих условиях в хозяйстве имеется ряд отраслей, роль которых в хозяйстве различная. Диаграммы выясняют валовую продукцию различных отраслей.

Отрасли с.-х. рассматриваются в разделе в порядке их доходности, т.-е. в порядке экономической значимости для данного момента.

Наибольшую продукцию дает полеводство. В полеводстве экспонированы все встречающиеся культуры, сорта семян, результаты и размеры сортирования, различные виды обработки почвы, урожайность, вредители и болезни. Наконец, валовая продукция от данной культуры и себестоимость пуда продукции.

После ознакомления с отдельными распространенными культурами посетитель должен ознакомиться с существующими в уезде севооборотами, с освещением их рентабельности. Кроме того, необходимо рассмотреть соотношение различных культур в посевной площади за ряд лет.

Следующей важной отраслью является животноводство, но экспонирование его нужно несколько отодвинуть, так как луговое хозяйство, которое дает значительное количество питательных веществ в кормовом балансе, является основной предпосылкой. Отсюда темы: Наши луга в прошлом и в настоящем. Изучение наших болот и мелиорация. Луговые горизонтальные монолиты. Урожайность сена. Обеспеченность скота в Дмитр. уезде кормами.

Животноводство — количество скота, его породность, условия содержания, ухода и кормления. Модели скотных дворов уезда. Продуктивность скота. Представители высокопродуктивного племенного скота. Молочное хозяйство и молочная кооперация. Контрольные товарищества. Племенной скот, случные пункты и ветеринария.

Второстепенные отрасли с.-х. — огородничество, садоводство и пчеловодство. В каждом разделе, как в полеводстве и в молочном хозяйстве, даются карты интенсивных и экстенсивных районов той или иной отрасли сельского хозяйства.

Следующий раздел сельско-хозяйственного п/о охватывает организацию хозяйства в целом, так как уезд не однороден, то необходимо дать карту дробного районирования, с выделением на ней огородно-молочного района, интенсивно зерновых районов,

экстенсивно зерновых районов и пр. К этой общей карте прилагаются еще 8 карт с экономическими показателями, обосновывающими правильность районирования. После этого постепенно разворачивается бедняцкое, середняцкое и зажиточное хозяйство в бюджетах, фотографиях и построение в этих хозяйствах отдельных отраслей с. х. с определением рентабельности.

Последним разделом является кооперация и социалистический сектор, где должны быть подробно освещены на примере одного общественного хозяйства из передовых коллективов условия и результаты работ, а также выявлены другие объединения труда и обобществление отдельных процессов сельско-хозяйственного производства — совхозы, общественные запашки, различного типа кооперативы и пр.

Заключением по является переходный момент к кустарно-промысловому п/о, т.е. выявление взаимоотношения между с.-х. и кустарным промыслом. Кроме, того здесь должны быть даны диаграммы хозяйств, занимающихся только с. х. и имеющих внеземледельческие промыслы, а также валовая доходность по Дмитр. уезду от сельского хозяйства и от внеземледельческих заработков.

Кустарно-промысловый п/о начинается с двух последних диаграмм и карты дробного районирования, данные которого наносятся на карту кустарных промыслов 1927 года.

Эта карта дает возможность районировать уезд на две части — южную земледельческую и северную часть с экстенсивным сельским хозяйством, но с развитыми кустарными промыслами.

Распространение промыслов в настоящее время преимущественно в Рогачевской, Тимоновской, Дмитровской и Яхромской волостях имеет свои исторические обоснования, которые смогут быть правильно поняты только при обозрении карты прошлого этих волостей — карты земель, принадлежавших до 1764 года монастырям и помещикам, а затем государству и помещикам. Кустарные промыслы начали распространяться на монастырских землях (выписка из книги 1787 г. изд. Гиппиуса), а на помещичьих землях — там, где была оброчная система.

Зато всякие рукоделия, ремесла и даже искусство обильно расцветали среди дворовых больших помещичьих усадеб. Эти навыки оказывали влияние и на кустарные промыслы, поэтому следует отразить тему „труд дворовых крестьян в помещичьих усадьбах“. История кустарных промыслов обязывает коснуться народной техники, которая частично отжила свой век и в настоящее время имеет не столько экономическое, сколько этнографическое значение. Истоки кустарной промышленности лежат в этих трудовых навыках прошлого.

Изменение в распространении кустарных промыслов стоит в тесной зависимости от фабрично-заводской промышленности, поглощающей ту или иную продукцию обработки кустаря. Остается только то, что приспособляется к спросу рынка. Это можно проверить на текстильном промысле. (См. рис. 3).

Далее располагаются сами промыслы по территориальному принципу и по обработке веществ. (См. рис. 4 и 5).

Заключением по данной группе кустарных промыслов является 1) кооперация кустарной промышленности: а) картограмма организованных и диких кустарных артелей, б) рост кустарных артелей, в) рост промкооперации. 2) Детальный перечень кустарных промыслов с распространением их по волостям. 3) Отхожие промыслы. 4) Заработки от внеземледельческих занятий.

В последней диаграмме указывается, что заработки наши крестьяне имеют не только от кустарных промыслов, но и от службы по найму как в частных, правительственных, так и в фабричных заведениях.

Фабрики и заводы нашего края имеют карту фабрично-заводской промышленности. Затем отражается деятельность Промторга и по порядку следующие фабрики: 1) Яхромская бумаго-ткацкая фабрика, 2) Луговая фабрика, 3) Измайловская ф-ка, 4) Лифановская фабрика, 5) Деденевская ф-ка, 6) Икшанский проволоочно-гвоздильный завод, 7) Кирпичные заводы, 8) Лавровский агатовый завод и 9) Дмитровский Государственный фарфоровый завод. (См. рис. 6).

После экономики необходимо показать и современный быт человека, который производит ценности. Быт фабрики и быт деревни.

Для того, чтобы сознательно отнестись к современности нужно знать и изучать прошлое. Старый быт будет отражен в этнографии.

Однако, здесь не все ушло, некоторые моменты бытуют и до наших дней. Этнографический п/о располагается следующим образом:

I. Духовная культура. Верования: язычество, двоеверчество и христианство в народном (обряды) быту. Грамотность и просвещение.

II. Материальная культура: жилище, утварь, освещение и пр., орудия с.-х. техники и орудия передвижения, одежда, набойка, домоткачество, лаптеплетение, валяльный промысел, гончарство, деревообделочные промыслы.

Заключением экономического отдела является общественность в данном крае.

Бюджет УИК'а подводит экономические итоги и вместе с тем раскрывает деятельность УИК'а в области просвещения, здравоохранения, строительства и пр.

Кроме того, здесь же освещается деятельность кооперации, профсоюзов,

Рис. 3. П/о. Кустарной промышленности. Ткацкий промысел.

различных обществ, культурных и научных учреждений и общественной активности (голосование, участие в совработе и пр.).

Данная экспозиция общественно-экономического отдела является временной. После достаточного изучения дробного районирования уезда, после достаточного накопления объектов в различных подотделах можно будет общественно-экономический отдел построить по принципу экономических ландшафтов. В данном случае вместо подотделов общественно-экономического отдела по с.-х., кустарной промышленности, фабрично-заводской промышленности и пр. организуется один отдел с подразделением на экономические районы. Допустим, что эти районы будут окончательно выявлены так: 1) Яхромско-Деденевский район и дальше к югу—железнодорожной полосой—интенсивно огородно-молочный, 2) от этого района на запад и восток, в Обольяновской и Деденевской волостях—районы интенсивно-зерновые, 3) северная половина уезда (за исклю-

чением Ольявидовского района и района по Рогачевскому большаку)— район экстенсивного полеводства с развитыми кустарными промыслами. Если такое районирование будет окончательно доказано, то общественно-экономический отдел Музея будет иметь три главных экономических ландшафта, а в каждом ландшафте будут отражены с. х. промыслы, фабрики и заводы в их экономических взаимодействиях.

Историко-культурный отдел краеведного музея должен состоять из исторического введения и ряда подотделов,—археологии, усадебной культуры, древне-русского искусства, по города и историкореволюционного подотдела.

Историческое введение строится тематически, отражая в хронологической последовательности отдельные этапы истории края. 1) Доисторическая и ранняя историческая эпоха, 2) эпоха феодализма (XII—XVI в.) 3) XVII век, 4) торговый капитализм (XVIII до

Рис. 4. По о. кустарной промышленности. Камушный промысел.

Рис. 5. По о. кустарной промышленности. Гончарный промысел.

сер. XIX века), 5) эпоха промышленного капитала (с сер. XIX в. до XX века).

Историческое введение преследует цели общего знакомства с историей края и выяснения тех специфических особенностей истории края, которые наложили на современность особые черты. Историческое введение составляется по преимуществу из графического, картограммного, иллюстративного и документального материала.

I. Доисторическая и ранняя историческая часть—неолит, бронза, финны и славяне—в историческом введении разворачивается в картограммном и иллюстративном материале (карта неолитических стоянок и мест неолитических и находок; карта городищ, пути колонизации славян; карта могильников.)

II. Эпоха феодализма должна быть отражена, начиная с XII в. Карта удельной Руси выяснит положение и роль Дмитрова в это

время. Военный период (1181—1405 г.). Материалы к Дмитровским удельным князьям. (Петр Дмитриевич, Юрий Васильевич, Юрий Иванович). Расцвет торговли Дмитр. княжества XV в. Строительство нач. XVI века.

III. XVII век — крестьянская революция и торговое падение Дмитрова в связи с изменением общегосударственных торговых путей. Список исчезнувших селений в XVII веке. Список вотчинников по селениям. Дворцовое хозяйство.

IV. Торговый капитализм с (XVIII в. до сер. XIX в.) Владения монастырские и помещичьи (карты, зарисовки, портреты, диаграммы и пр.) (карта оброчных селений). Изменение торговых путей, торговые связи с Петербургом; строительство. Купечество.

V. Эпоха промышленного капитала (с сер. XIX в. до XX ст.) Характер землевладения. Дворовые люди. Фабрики и заводы при усадьбах. Оценка земельных угодий в зависимости от бывших их владельцев — монастырей, помещиков и пр. Карта селений оброчных и барщинных. Появление и рост фабрично-заводской и кустарной промышленности. Земство. Диаграммы деятельности, портреты деятелей. Диаграммы ценза для выборов в земство; зарисовки, издания и пр.

Рис. 6. Фабрично-Заводский п/о. Фарфоровое производство в Дмитровск. крае.

Подотдел археологии должен дать представление о неолитической стоянке, в Синьковском городище и Каргашинском селище, о славянских могильниках. Каждый из данных памятников экспонируется комплексно, памятник не дается в систематическом разрезе (по траншеям и штыкам на планшетах), а берется по преимуществу в целом и отражается или в виде монолита — славянское погребение

или монографически по определенному плану, как это можно сделать по отношению к городищу и к селищу. Городище, его план, расположение, профиль, зарисовки, модели. Фауна, ткачество, гончарство, металл и пр. Все систематические коллекции в кабинетах, а не в экспозиционных залах.

После реорганизации общественно-экономического отдела по принципу экономических ландшафтов этнографический отдел должен занять место в историко-культурном отделе после археологии.

В краеведческом аспекте история края не есть иллюстрация к отдельным этапам истории всего государства, а есть социально-экономические особенности данного края, которые наложили особый отпечаток на экономике, быте и культуре современности. Такими явлениями в прошлом Дмитровского края было землевладение помещиков и монастырей, между которыми почти поровну делилась территория Дмитровского края. Следовательно, п/о п/о древнерусского искусства, которое, по преимуществу, тесно связано с монастырщиной, и усадебная культура будут отражать в объектах то,

что лишь в общих чертах и экономически обосновано в историческом введении.

Подотдел древнерусского искусства—это развитие в объектах монастырщины и отчасти культуры усадьбы. Если в историческом введении даются карты владений монастыря и усадьбы, диаграммы по экономике, портреты деятелей, зарисовки и гравюры, то здесь берется исключительно древнерусское искусство архитектура, иконопись, металл, ткань, резьба по дереву и пр. Все объекты располагаются в хронологическом порядке, при чем полно отражаются те моменты, которые присущи данному краю и выросли из условий данного края. Подотдел усадебной культуры в краеведном Музее может быть разработан очень различно, но только ни в коем случае этот п/о нельзя трактовать в краеведном музее, как п/о дворянско-помещичьего быта, и, следовательно, создавать никогда не бывавших столовых, спален, гостиных и пр. Быт искусственно сконструировать почти невозможно, ибо получится или схема или неудачная и никому ненужная режиссерская компановка вещей по домыслу и вкусу музейного работника и при том в помещении, не соответствующем характеру данных вещей. Быт в музейном смысле есть зафиксированный в объектах (с определенной расстановкой вещей) уклад жизни данного лица, как представителя того или иного класса, при чем в музее (обычно в усадьбе) отражается лишь тот быт, который характерен для своего времени и действительно отражает культуру и экономику данной эпохи.

Единственным исключением из этого может быть расположение объектов усадебной культуры в бытовом аспекте, т.-е. в виде столовой, спальни и пр. только в том случае, когда музей реконструирует быт по документам, зарисовкам, фотографиям, выставляя тут же документ, на основании которого производилась данная экспозиция.

Другая экспозиция по усадебной культуре состоит в том, что перед зрителем проходит постепенно действовавшие люди (портреты), их костюмы, обстановка, библиотека того времени и различные аксессуары, окружавшие их в ту или иную эпоху — картины, бронза, фарфор, оружие и пр. Так экспонируется зал усадебной культуры XVIII века, а затем и XIX века.

Экспозиция по усадебной культуре может состоять и в том, что сначала выясняются определенные черты, характеризующие данный класс. Стремление к обособлению дворянско-помещичьего класса в родословных, гербах, в картинах из жизни и деятельности отдельных представителей данной семьи. Выяснение различных прослоек дворянско-помещичьего класса и экономические предпосылки, с которыми посетитель уже ознакомился во введении. Одним из главных моментов этого п/о является иконография помещика XVIII, нач. XIX в., серед. XIX в. и конца XIX века. Каждый из этих хронологических

Рис. 7. Уголок п/о. Усадебной культуры. Историко-культурный отдел.

этапов по возможности должен отражать помещика магната, владевшего большим количеством земель, помещика средней руки, а если есть материал, то и мелкого помещика. К каждой группе этих портретов XVIII, нач. XIX в., сер. XIX, конца XIX в. можно дать небольшой набор мебели того же времени. Затем в последовательном порядке располагается духовная культура, т.е. все то, что подымало культуру усадьбы, а именно: библиотека, картины, мрамор, фарфор, художественное стекло. Здесь же можно выделить тему — иностранные влияния в русской усадьбе. Следующая тема — дворянство, как высший военный класс — портреты и коллекции оружия из усадеб. Затем тема — труд и творчество дворовых крепостных в усадьбе — крепостной музыкант, крепостной художник, производство ковров, вышивки, узоры, производство из жести, фабрики при усадьбах крепостного времени, кухня в усадьбе крепостной эпохи и пр. Отдельной темой может быть — театр крепостной эпохи. Заключительным моментом

этого п/о является хотя бы небольшой уголок усадебной архитектуры и акварели и фотографии быта помещика в различные этапы крепостной эпохи.

Эти три вида экспозиции п/о усадебной культуры были предметом обсуждения и некоторые из них имели место в музее Дмитровского края — вот почему мы сочли необходимым остановиться на них.

Историко-революционный п/о состоит из отдельных тем, отражающих этапы революционной деятельности в нашем крае. Декабристы. 1905 год. Эпоха реакции и союз русского народа. Война 1914 г. и голод. Февральская революция. Октябрьская революция. Революционные организации нашего времени. Все эти моменты отражаются хронологией событий, портретами деятелей, диаграммами, картограммами, документами, плакатами, зарисовками и пр.

Рис. 8. Историко-революц. Отдел „Комсомол“.

Последний п/о культурно-исторического отдела — п/о города Дмитрова. П/о города является суммирующим моментом не только по отношению к историко-культурному отделу, но и к общественно-экономическому, ибо в городе, как в фокусе, перекрещиваются все экономические явления и явления общественного порядка. Кроме того, для города Дмитрова характерно также и то, что он одной своей частью находится на склонах Клиньско-Дмитровской Гряды, а другой частью лежит в долине реки Яхромы. Следовательно, и в рассмотрении физико-географических условий города мы снова должны будем коснуться двух характерных для Дмитровского края ландшафтов.

Физико-географические условия города Дмитрова.

Прошлое города Дмитрова от XII сер. XX столетия.

Рост города — слободы, посад, планы города.

Экономика города, занятие жителей, базар и пути сообщения.

Панорама города. Районы города.

Демография, быт, санитария.

Административная и общественная жизнь города.

Культурно-просветительная и научная деятельность в городе Дмитрове.

История города со второй половины XIX стол. до наших дней.

Художественно-исторические памятники города.

Мемориальный отдел.

Рассмотрение деятельности отдельных учреждений неизбежно приведет нас к перспективным планам.

Вместе с тем заключительный момент должен дать посетителю представление о межрайонных связях, о балансе народного хозяйства, о сметах данной административной единицы, о районировании и о планировании в связи с перспективными планами народного хозяйства.

Этот материал подведет итоги обзоров края по музею и естественно явится общим заключением.

Поиски экспозиции культурно-исторического отдела первых лет (1919—1927) были направлены, главным образом, на разрешение одного вопроса, как наиболее целесообразно отразить историю края. При этом все объекты независимо от их вида графика, карты, иллюстрации, объекты, натуральные подлинники и копии — все служило одновременно средством для отражения той или иной темы, характеризующей определенный этап истории края. Темы располагались в хронологическом порядке.

Разница между экспозицией различных лет периода с 1919 года по 1926 г. вкл. была лишь в количестве тем, что касается принципа, то он остался неизменным. Отсюда ясно, что объекты, наполнявшие отдельные темы, поглощались одним так называемым отделом истории края; следовательно, нужды в отдельных п/о-ах — археологии, древнерусского искусства и пр. не могло и быть. Темы были следующие: 1) Доисторический период Дмитровского края, 2) Колонизация славян, 3) Основание гор. Дмитрова, 4) Смутное время, 5) Крепостное время, 6) Земство и 7) Наши дни.

Итак, основной чертой в экспозиции музея Дмитровского края есть стремление перейти к комплексной, ландшафтной экспозиции.

Естественно-исторический отдел в 1927-28 году начал осуществлять этот переход. Еще много нужно сделать для того, чтобы довести до конца эту экспозицию, но во всяком случае в естественно-историческом отделе мы уже не имеем подотделов, как это бывает при систематической экспозиции, а имеем два характерных для Дмитровского уезда ландшафта — Клинско-Дмитровская гряда и долина реки Яхромы.

Общественно-экономический отдел в настоящее время строится по систематическому принципу, к 1930-му году общественно-экономический отдел должен перестроить свою экспозицию по методу экономических ландшафтов.

Культурно-исторический отдел постепенно, начиная с 1928-29 года будет выделять отдельные комплексы: „Город Дмитров“, „Синьковское городище и Коргашинское селище“, „Славянское погребение в Ковригине“ и др.

В будущем исторический отдел должен разбиться между отдельными экономическими ландшафтами и в свою очередь экономические

ландшафты должны слиться с естественно-географическими ландшафтами.

Структура музея будет состоять из введения, ландшафтов и заключения. Такая экспозиция потребует больших и хорошо оборудованных кабинетов и лабораторий. Кроме того, необходима будет аудитория для посетителей музея, где будут проводиться беседы, лекции, кино и где можно будет самостоятельно работать каждому посетителю, пользуясь библиотекой, архивом, материалом кабинетов музея.

ХРОНИКА

Московский Коммунальный Музей.

Краткая история Музея.

Музей, под именем Музея Московского городского хозяйства, основан 6. Московской городской управой и открыт 1 декабря 1896 г. в г. Москве, в Крестовских водонапорных башнях. Материалом для Музея послужили экспонаты г. Москвы на Всероссийской худ.-пром. выставке 1896 г. в Н.-Новгороде. Ни штата, ни сумм на содержание и пополнение Музея в начале не было дано: он находился в ведении Гл. Инженера моск. водопроводов и в помещении последних. До 1913 г. Музей почти ничем не пополнялся и не обновлялся. В 1913 г. Музею был дан штат—1 заведующий (П. В. Сытин) и 1 сторож, некоторые суммы на пополнение и обновление и, главное, экспонаты с моск. отдела на Всероссийской гигиенической выставке 1913 г. в С.-Петербурге; в том же году Музей был переведен в центр города (Леонтьевский пер., 15), пополнен и обновлен почти во всех частях. Война 1914—1917 гг. приостановила развитие Музея, и он в августе 1917 г. был даже свернут. В 1920 г. Московский Совет призвал его к жизни в качестве Музея всех своих отделов и учреждений. Однако, отсутствие надлежащего помещения, достаточных сил и средств, не позволили ему развернуться в таком масштабе. С 1922 года Музей, перейдя в помещение Московского Коммунального Хозяйства (Театральный проезд, д. 3), и формально и по существу стал только музеем последнего. В конце 1925 г. Музей перешел в специально для него отремонтированное помещение Сухаревой башни и 6 января 1926 г. открыл в ней прием посетителей.

Задачи Музея.

Музей имеет задачи: а) исследование и научное отражение строя и деятельности органов и учреждений Московского Коммунального Хозяйства по благоустройству г. Москвы и губернии; б) распространение коммунальных знаний в широких кругах населения (§ 1 „Положения“ о Музее).

Вышеупомянутую задачу Музей выполняет в отношении современного положения упомянутых органов и учреждений, их истории и очередных проблем, пред ними стоящих (§ 2 „Положения“).

В качестве научно-исследовательского института, Музей изучает всеми доступными ему способами жизнь и работу отдельных учреждений и предприятий Московского Коммунального Хозяйства, сравнивает их во времени—с их прошлой деятельностью и наметавшейся будущую, и в пространстве—с аналогичной работой коммунальных учреждений др. городов, русских и заграничных; результаты своего изучения Музей экспонирует в картах, планах, схемах, диаграммах и пр., стремясь сделать последние в смысле общедоступности наиболее популярными.

Центр тяжести Музея—отражение настоящего благоустройства г. Москвы и губернии. Об этом, кроме § 2 „Положения“, красноречиво говорит и § 3: „Музей организуется по принципам постоянной выставки, обновляющейся и развивающейся в связи с жизнью и развитием отражаемых им органов и учреждений“. Прошлого г. Москвы и комм. учреждений и предприятий не имеет самодовлеющего значения в Московском Коммунальном Музее: оно привлекается постольку, поскольку еще связано с настоящим и может служить для лучшего его объяснения и понимания. Равным образом, будущее г. Москвы и коммунального хозяйства отражается в Музее лишь постольку, поскольку оно реально связано с настоящим, указывает его ближайшее и более или менее действительное „завтра“.

Музей имеет задачей выявить производство, экономику, санитарно и общественное значение коммунальных учреждений и предприятий г. Москвы и губернии, но отнюдь не их технику; последней отведено в Музее второстепенное и подчиненное значение, поскольку она необходима для уяснения производства и экономики комм. учреждений и предприятий. Музеи, вскрывающие технику последних, по мысли Моск. Комм. Музея, должны быть при самых учреждениях и предприятиях,

равно как и специально-технические библиотеки. § 4 „Положения“ гласит о связи Московского Коммунального Музея с этими техническими музеями и библиотеками: „Музей содействует организации специально технических музеев и библиотек при крупных московских коммунальных предприятиях (бойнях, трамвае, водопроводе и др.) и способствует развитию деятельности их путем оказания научно-технической помощи“.

Работа по распространению коммунальных знаний определяется §§ 5 и 6 „Положения“ о Музее. А именно: „§ 5. Музей участвует своими коллекциями (в дублетах) в русских и иностранных выставках по городскому благоустройству, в которых будет признано Московским Коммунальным Хозяйством необходимым участвовать, и, с его разрешения, посылает своих представителей на съезды, конференции, ученые совещания и проч. по коммунальным вопросам“. „§ 6. В целях пропаганды коммунальных знаний Музей организует курсы, лекции, научные совещания и пр., а также содействует изданию книг, журналов, брошюр, бюллетеней, открыток, диапозитивов и т. п. по коммунальным вопросам“.

Как постоянная выставка всех учреждений и предприятий Московского Коммунального Хозяйства, выставка, продуманная во всех своих частях и гармонично развитая, выставка, созданная научно-исследовательской работой в спокойной и многолетней обстановке—Музей, предполагается, явится в случае нужды лучшим отражением Московского Коммунального Хозяйства на русских и иностранных выставках. Но, конечно, только со стороны выявления его производства и экономики, санитарии и обществ. значения, но отнюдь не со стороны техники или какой-либо другой стороны. С той же стороны, отвечающей задачам Музея, он может популяризировать Московское Коммунальное Хозяйство докладами и речами своих представителей на съездах и конференциях и пропагандировать его, и вообще коммун. знания, путем организации курсов, лекций и пр., подготовки к изданию книг, брошюр, открыток, диапозитивов и пр. Популяризировать технику, эстетику и др. стороны коммун. хозяйства, не входящие в задачи Коммунального Музея, он не может.

Музей призван обслуживать прежде всего широкие пролетарские массы населения, до революции не допускавшиеся к управлению городом, призванные Октябрьской революцией к городскому строительству, но не имеющие ни сил, ни возможности самостоятельно изучать все стороны городского благоустройства—для сознательной и плодотворной общественной работы. Нужен музей общеобразовательной школе всех ступеней, проводящей ныне у себя краеведческий уклон, как единственный музей, отображающий главные стороны жизни и устройства г. Москвы. Учащиеся специальных школ — инженерных, санитарно-

медицинских, архитектурных и др.—находят в музее и его библиотеке богатейший материал для своих специальных работ. Наконец, коммунальные работники г. Москвы и др. городов используют музей как справочное учреждение для получения разработанных сведений о различных сторонах городского благоустройства, нужных им для их повседневной практической работы. В 1927—28 г. через залы Музея прошло 28.525 посетителей и 575 экскурсий.

Отделы Музея.

„Музей в экспозиционной своей части разделяется на 9 отделов“: 1) общий отдел; 2) жилищный; 3) путей и средств сообщения; 4) водоснабжения; 5) канализации и очистки; 6) боен и рынков; 7) внешнего гор. благоустройства; 8) административный и 9) финансово-экономический“ (§ 7 „Положения“).

Библиотека имеет до 50.000 томов специальных изданий на русском и иностранных языках по городскому благоустройству в больших городах всего мира; получает ежегодно до 50 русских и до 60 иностранных журналов по коммунальному хозяйству. В 1927—28 г. через читальный зал б-ки прошло 1.780 человек.

Научно-справочное бюро выдает библиографические и другие справки по различным вопросам коммунального хозяйства.

Экскурсионное бюро организует экскурсии в музей и коммунальные предприятия города Москвы. В 1927—28 г. через предприятия МКХ проведено 41.696 ч. при 1.533 экскурсиях.

Пособия при изучении Музея.

1) „Современное хозяйство г. Москвы“. Сборник статей под ред. И. А. Вернера. Изд. Моск. гор. управы. М. 1913 г.

2) П. В. Сытин.—„Коммунальное хозяйство г. Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов“. Изд. „Новая Москва“. М. 1926 г.

3) „Путеводитель по коммунальным предприятиям г. Москвы“. Изд. Моск. коммунального хозяйства. М. 1926 г.

4) КATALOGИ-путеводители по отделам Музея I, III, IV, V и VII.

Справочные сведения.

Музей открыт для отдельных посетителей по воскресеньям от 1 до 4 ч. дня, по вторникам и пятницам от 4 до 8 час. веч. Для экскурсий музей открыт по воскресеньям от 10 до 1 ч. дня, по вторникам и пятницам от 4 до 8 ч. веч.

Специально школьные экскурсии принимаются музеем по средам, четвергам и субботам от 9 до 3 ч. дня.

Библиотека открыта по средам и субботам от 11 до 3 ч. дня, по вторникам и пятницам — от 2 до 8 ч. вечера.

Научно-справочное и экскурсионное бюро музея функционируют в обычные служебные дни и часы.

Все справки даются по телефону 35-16.

„Каталоги-путеводители“ по музею продаются у входа в музей по 20 коп. экз. Тут же, под залог в 1 р. 50 к., выдается за 10 к. во временное пользование при осмотре музея книга, в которой сброшюрованы все каталоги.

Ц. В. Сытин.

Музей „Старой Москвы“.

Музей, о котором приходится писать по воспоминаниям! По воспоминаниям потому, что от Музея действительно скоро останутся одни воспоминания...

Годом его рождения надо считать 1919 год. Тяжелый был год!..

Помню, летом я был приглашен (служил я тогда в Народном Комиссариате Почт и Телеграфов) в так называвшийся тогда Отдел по делам музеев и охране памятников искусства, старины и народного быта Наркомпроса, помещавшийся в Мертвом переулке 9. Помню жаркий день, тенистую аллею, в ней скамеечки и вот тут-то на этих скамеечках и вынесенных стульях состоялось заседание, на котором было решено организовать Музей старой Москвы. Помню и большинство участников заседания: И. Е. Бондаренко, заведывавший центральными музеями П. П. Муратов, Н. А. Гейнике, А. Н. Михневич, Б. А. Диатропов, и др.

Ни помещения, ни предметов, имущества у Музея не было.

Помещение решено было отвести в б. Английском клубе на Тверской 59, где помещался Государственный Музейный фонд, а предметы решено было собирать.

На этом собрании мною было сделано предложение принять от меня несколько сот книг и брошюр, собранных мною по старой Москве, а собрание ответило на это предложением мне быть заведывающим Музеем „Старой Москвы“.

Начало идиллическое, но вполне благополучное.

В дальнейшем события, с одной стороны, стали быстро развиваться, а с другой, начал наблюдаться мертвый застой.

Насколько благополучно было с приобретениями для Музея показывает то, что в конце 1919 года можно было говорить о том, что в распоряжении Музея будут такие собрания по старой Москве, как Алмазовское, остатки Бурышкинского, которые можно было купить и национализированные предметы антиквара Н. С. Какурина. Эти собрания, дополнявшие друг друга как книжным, так и иконографическим материалом самые крупные из находившихся в частных руках составляли инвентарь более 15.000 номеров, что вполне было достаточно не только для открытия Музея и производства в нем исследовательских работ, но и для устройства тематических выставок.

Но другая сторона дела ставила всему этому преграду — помещения не было. Сразу была отведена небольшая комната в зд. Английского клуба, бывшая „инfernальная“ или адская, где лакеи дожидались вызова к „господам“ при чем комнаты не отапливались ни непосредственно, ни по соседству.

Только летом 1920 года удалось присоединить к комнате несколько подремонтированных после пожара зал и перевести коллекции, занести их в инвентарь и даже начать готовиться к выставке по старой Москве¹⁾.

Да, такие счастливые времена были!

Из наших приготовлений ничего, конечно, не вышло, помещения не получили и Английский клуб стоял с большим количеством пустых, но разоренных комнат, привести в порядок которые стоило больших денег.

1922 год внес новое в жизнь Музея: на заседании совета президиума, тогда уже Главмузея, 21 февраля было постановлено: перевести Музей „Старой Москвы“ и Музей 40-х годов на положение филиалов Российского Исторического Музея, при чем Музей Старой Москвы должен войти в Исторический Музей на правах Отдела, Музей 40-х годов на правах Отделения Музея Старой Москвы.

Теоретически и на бумаге всегда все выходит замечательно хорошо и гладко.

Настает 1923 год К пятилетию Октябрьской Революции организуется Выставка Красной Москвы. Конечно, взоры устроителей обращаются на прекрасный, но требующий большого ремонта дом на Тверской.

Фонд и Музей „Старой Москвы“ выселяются, и Музей попадает на М. Грузинскую улицу в бывшее помещение Щукинского Музея (тоже не отапливаемое) и в условия, конечно, худшие, чем в б. Английском клубе. Здесь можно было только хранить и то в очень неблагоприятных условиях вещи, а не мечтать не только об открытии Музея, но и какой-либо выставке.

Прекрасные здания бывшего Щукинского музея дождались нужного ремонта и приспособления под музей же, но не со стороны Наркомпроса и Исторического музея. Нет. Здания получил Госплан для

¹⁾ Штат Музея был доведен до 12 человек.

музея ЦПО (центральной промышленной области).

Осенью 1924 года Музей „Старой Москвы“ переехал в недра Государственного Исторического Музея, заняв одну небольшую комнату для занятий и наиболее чувствительной части коллекций, различные кладовые музея и даже одну лестницу без выхода.

В следующем году блеснула надежда поместиться и даже развернуться с Военно-Историческим музеем в б. Юсуповском доме у Красных ворот. С этой надеждой Коллекции Музея были переброшены с Красной площади к Красным воротам, где продержались до лета 1926 года, когда эти коллекции пришлось вновь перевозить в Исторический музей, т. к. Военно-Исторический музей решено было развернуть во всем здании.

К моменту этого своего переезда, последнего в его жизни, Музей Старой Москвы перестал существовать как таковой.

Правление Государственного Исторического музея постановило хранить коллекции Музея Старой Москвы по соответствующим отделениям Музея, а аппарат Музея оставить, как единицу—отделение теоретического назначения, т. е. для раз-

работки определенных дисциплин при общем Историческом Отделе Музея.

В настоящее время сдаются последние сотни книг в Библиотеку Государственного Исторического музея, и в ближайшие месяцы 22-х тысячный инвентарь бывшего Музея Старой Москвы перейдет полностью в Государственный Исторический Музей.

Пока все эти коллекции хранятся по отделениям Г. Исторического Музея отдельно, не сливаясь с коллекциями Музея и не попадая в дублеты и т. п.

И при таких условиях с создавшимся положением можно мириться и продолжать работу по собирательству, изучению и обследованию материалов.

Надо надеяться, что со временем найдется нужное и достаточное помещение, где Музей Старой Москвы развернет свои коллекции.

И эта надежда тем более крепка, что при развивающемся краеведческом интересе и вовлечении в него масс населения необходимость в таком Музее станет ребром.

Но, конечно, нужно, чтобы и Исторический Музей шел навстречу и краеведческому движению и этой величайшей нужде созданию Музея „Старой Москвы“.

П. Миллер.

Музейно-краеведная работа в Ленинском уезде.

Идеи краеведения в Ленинском уезде впервые проникли в низовые учительские ячейки в 1918-м году под влиянием лозунгов о создании трудовой школы. В учительском „Кружке Активного метода“ зарождается идея создания Музея Местного Края, после того, как на весенней отчетной выставке демонстрировался целый ряд школьных работ, характеризующих природу и промыслы местного края.

Соседний же Музей Дмитровского Края был первым учителем Ленинских (тогда еще Талдомских краеведов).

Идея создания местного музея встретила живую поддержку во всех кругах общества. Исполком отводит под музей лучшее в городе помещение, Совнархоз отпускает обстановку, витрины и материалы для коллекций по местным промыслам. Союз кооперативов и О-во Потребителей отпускает на организацию Музея денежные суммы, местный актив в лице охотников снабжает музей шкурками птиц и животных и даже доставляет готовые чучела.

Первого мая 1920 г. Союз Работников Просвещения и Социалистической культуры совместно со всеми организациями торжественно открывает музей, в котором к этому времени имеется 21 коллекция, из них 16 коллекций по местной природе и 5—по местным промыслам. Все коллекции, за исключением чучел птиц и животных были сделаны школьниками III-ей и V-ой групп I ступени под руководством автора настоящей статьи и школьной ра-

ботницы К. И. Колтыпиной. Обслуживание Музея ведет правление Союза Работников Просвещения¹⁾, для населения Музей открывается 1 раз в неделю—в воскресенье и для экскурсий по соглашению.

С мая 1920 года по осень 1921 года, музей растет и пополняется: детские коллекции по промыслам постепенно заменяются подлинными производственными коллекциями, сделанными в общественных мастерских; происходит пополнение отдела природы как школьными коллекциями, так и чучелами животных и птиц. В этот период расцвета музей завязывает тесную связь как с учительством своего района так и с Дмитровским. На месте устанавливается связь с Драматическим и Просветительным Кружками, совместно организовавшими 3 постановки пьесы М. Горького „На дне“ сбор с которых поступает на усиление средств музея.

Посещаемость музея неорганизованной массой установить теперь к сожалению нельзя т. к. книга посещаемости не сохранилась, но о том, что посещаемость эта была достаточно велика свидетельствует факт, что когда один из профсоюзов хотел занять помещение музея, его удалось отстоять, приведя цифры посещаемости.

Такшло дело до осени 1921 года, когда Ленинск переходит на положение уездного

¹⁾ Председатель Союза—Сосенкова Е. В. Секретарь—Садовникова Н. С. и казначей—Киселева Е. К.

центра. В связи с этим обостряется нужда в помещениях. Постановлением У. Исполнительного Комитета Музей переводят сначала на окраину города, а весной 1922 года снова в центр, в заброшенное после общественной валяльной мастерской помещение, в которое почти одновременно вселяется и вновь организованный Союз охотников. Последний добивается того, что музей переходит в его ведение, но т. к. Союз охотников интересуется только чувствами птиц и животных, то остальные ценности были постепенно расхищены. Таким образом после 2½ лет существования погибли почти все коллекции Музея, библиотека, инвентарь и др. Но все же идея местного музея бесследно не погибает.

В январе 1923 года уездный санитарный врач С. Н. Черкинский выдвигает вопрос об организации санитарного музея, а УОНО одновременно с этим поднимает вопрос об организации музея местной природы. Таким образом вновь создается Музей, имеющий два отдела — природы и санитарного просвещения. Правда, Отдел природы состоит в это время исключительно из чувств птиц и животных работы местных охотников. Отдел же санитарного просвещения преимущественно из готовых печатных таблиц, плакатов и муляжей обще-санитарного характера.

Необходимо отметить, что работа музея этого периода т.-е. с 23 января 1923 г. по май 1924 г. протекала в исключительно неблагоприятных материальных условиях: Музей существовал на средства, отпускаемые в равной мере от УОНО, Уздрава и Уездотдела, которые вносили по договору на содержание музея по пятисот рублей в месяц сов. знаками. Но неустойчивый курс рубля падал все ниже и ниже и к маю месяцу денег этих нехватает даже на выплату зарплат одному заведывающему музеем. С мая 1924 года музей переходит на содержание УОНО, но денег дается слишком мало и вся работа развешивается исключительно за счет добровольной помощи музею со стороны Союза Охотников. Попытка Музея привлечь на помощь другие культурные силы успеха не имела. После ухода с работы А. Н. Коровина музей падает ниже и ниже и из просветительного учреждения превращается в часть улицы: все помещение его засаривается окурками и подсолнечной кожурой, в нем поселяется живой медвежонок, который свободно передвигается по музею и экспонатам, от чего те погибают. Народ толпой ходит смотреть этого медвеженка, с базара забегают мальчишки продавцы „ирису“ и предлагают свой товар. На полу покрытом коркой грязи, стоит ведро сырой воды, к нему привязаны кружка, из которой посетители пьют воду¹⁾.

¹⁾ Свидетелем описанной картины была санитарный врач М. С. Клейман, которая работала в санитарном отделе Музея в этот период.

В июле 1925 года на такое положение музея обращает внимание Уисполком и назначает комиссию для обследования его состояния, которая и приходит к заключению о необходимости реорганизации всей его работы.

Реорганизация начинается с сентября 1925 года. Оторванный до тех пор от общественных организаций как местных, так и центральных, музей налаживает связи с Бюро Краеведения при Московском Губпросе. Возобновляется связь с Музеем Дмитровского Края, который как более опытное и сильное учреждение берет на себя руководство первыми шагами Ленинского Музея Местного Края. Работа 1925—26 года характеризуется следующими чертами:

1) Систематизацией собранного ранее охотниками материала по зоологии в два комплекса естественно-исторического отдела: „лес“ и „болото“. 2) Организацией заново отдела кустарных промыслов, что при весьма ограниченной смете Музея в 1050 руб. в год возможно было сделать только при привлечении к этому делу внимания кооперативных и др. общественных учреждений, а также и отдельных кустарей. 3) Началом изучения уезда в культурно-историческом отношении и 4) Организацией при Музее краеведческого кружка.

Построить два комплекса в естественно-историческом отделе явилось возможным благодаря тому, что к этому времени музей получил целый ряд материалов и экспонатов с уездной сельско-хозяйственной выставки, участвуя на ней совместно с лесным и мелноративным подотделами УЗУ¹⁾. Эта работа позволила завязать и первые связи с местными лесоводами и агрономами и заинтересовать их работой музея.

Организация поддела кустарных промыслов прошла под руководством зав. Музеем Дмитровского Края К. А. Соловьева, что выразилось в совместном составлении плана построения подотдела; к этой работе был привлечен и местный краевед, знаток промыслов А. А. Семенов. Быстрому развертыванию этого отдела (219 экспонатов за 2½ месяца) содействовали Ленинский Союз кооперативов, Торговый комитет, Уездная Октябрьская Комиссия и ряд кустарей.

В деле изучения уезда в культурно-историческом отношении деятельное участие принял лесовод С. Е. Лысов, бывший в то время председателем волостного краеведческого кружка в с. Белгородке Гражданской вол., С. Е. Лысов совместно с членами Кружка начал делать археологические сборы по берегам Волги, чем и способствовал выявлению культурно-исторических памятников в этом районе. Летом 1925—26 года по инициативе музея на

¹⁾ Музей выставлял в этих отделах чувств полезных и вредных птиц и насекомых.

средства полученные им от Ассоциации по изучению производительных сил Московской губернии, археологами Л. А. Евтюховой и П. В. Дмитриевской было произведено археологическое обследование северной части уезда по рекам Дубне, Волге и Нерли, в результате чего были зарегистрированы 2 городища: Прислонское и Староямское—оба на Волге.

С. Е. Лысов также начал делать и этнографические сборы на севере уезда в Зайцевской и Нагорской волостях, в результате чего был выявлен интересный этнографический район „Чириковщина“, населенный крестьянами, предки которых были выведены помещиками из степных губерний, район к детальному изучению которого музей приступил в следующем году. Кроме непосредственной музейной работы в этом же году было положено начало организации экономического кружка по изучению труда и быта кустаря. В состав этого кружка вошли главным образом сельские просвещенцы, которые вместе с музеем и под его руководством вели у себя на местах изучение кустаря.

Интерес к Музею со стороны неорганизованного населения выразился не только в посещаемости музея (12 тысяч в год, из числа которых 49%—взрослые кустари), но и в помощи Музею в деле собирания экспонатов.

Физиономия Музея, наполненного до осени 1925 года разрозненными случайными экспонатами, резко меняется благодаря тому, что музей перешел к работе по плану. Это подтверждают следующие цифры:

Рост экспонатов.

	Было до 1925— 26 г.	Стало в 1925— 26 г.
Отдел Естеств. Истор.	131	140 1)
„ Культ. Истор.	0	236
Обществ. Эксп.	6	219
Архив	0	388
Всего	137	983
Библиотека	72	212

Работа 1926—27 года шла под лозунгом укрепления авторитета музея как научного и культурно-просветительного учреждения. Без этого, имея в своем штате только одного научного работника, Музей ни расти, ни развиваться не мог.

21-го ноября 1926 года экономический кружок и весь краеведческий актив организуются во Временное бюро по организации о-ва изучения местного

края. Это произошло на 1-ой краеведной конференции, созванной инициативной группой совместно с музеем.

В результате принятого на конференции плана, были проведены следующие работы:

1) Монографическое изучение деревни Сорокино, Зайцевской волости (в районе „Чириковщины“). Эту работу начала вести краевед-аграном Н. П. Адрианова по программе и на средства О-ва Изучения Московской губернии и, с которыми к этому времени у Музея устанавливаются тесные взаимоотношения. Исследование это, оконченное к 1 октября 1927 года, дало ценнейший материал по современному состоянию б. помещичьей деревни.

2) В дополнение к этой работе летом 1927 года Музеем совместно с членами Временного Бюро Краеведения С. Е. Лысовым, К. Ф. Большаковым, при участии представителя О-ва Изучения Московской губернии М. Я. Феноменова, на средства Губ. Музея МОНО и О-ва Изучения Моск. губ. была проведена этнографическая экспедиция в „Чириковщину“ по изучению материальной культуры района (постройки, одежда, средства передвижения и с.-х. техника). Сделано много зарисовок, фотографий и приобретены экспонаты по одежде и нар. технике в домашнем быту.

3) Членами В. Бюро велись фенологические наблюдения в двух пунктах уезда (с. Белгородок и с. Зятково) и наблюдения над половодьем в 8-ми пунктах уезда по всем главным рекам (Волга, Дубна, Сестра, Хотча, Нерль и Вьюлка).

4) Музей продолжал работу по изучению кустарных промыслов района.

5) Летом Членами Губ. О-ва, естественником А. Д. Шаховской велось ботаническое изучение леса „рамени“—господствующего типа лесонасаждения в уезде, и археологом Евтюховой Л. А. (по командировке губ. о-ва) были проведены раскопки двух городищ—Прислонского и Староямского, оба Дьякова типа.

Для привлечения внимания к делу краеведения Музей и Вр. Бюро организовали под руководством культ. работников Зайцевской волости Г. Н. и А. В. Назаровых постановку 3-х Этнографических вечеров (2 вечера старинной песни и 1 вечер старинной крестьянской свадьбы) силами стариков и старух Чириковского района. С этой же целью был издан 2-ой выпуск журнала „Башмачная Страна“, посвященный главным образом труду, быту и творчеству ленинских башмачников.

В марте месяце с этого же целью была созвана II-я краеведческая конференция, на которой подверглись обсуждению вопросы не только организационного порядка, но и доклады о проделанной краеведной работе. Эта же конференция наметила и план летней работы, о которой только что было сказано.

Таким образом, благодаря совместным усилиям Музея и краев-

1) Рост экспонатов Ест. ист. отдела фактически был больше, т. к. до 30 экспонатов было исключено из инвентаря, как испорченные молью.

ведного актива. Музей пополнился новыми коллекциями главным образом по линии культурно-исторической. Общее число экспонатов поднялось с 983-х до 1.700. Помещение же прибавилось с 53-х кв. метров только до 65 тл. Если принять во внимание не уменьшавшуюся посещаемость, то станет очевидно, что занимаемое музеем помещение становилось все теснее и теснее и остро вставал вопрос о выезде музея санпросвета из стен краеведческого музея.

В следующем 1927—28 году работа музея развертывается еще шире. Год начался лихорадочной деятельностью по собиранию экспонатов и описанию не отраженных еще до сих пор в Музее кустарных промыслов. Эту работу предполагалось закончить к выставке — к десятилетию Октября.

Были собраны экспонаты по валяльному промыслу (обследована Мало-Нагорская артель Зайцевской волости), по умирающему косно-кузнечному промыслу (обследовано хозяйство косника-кустара в д. Подол Нагорской волости), по домашне-ткацкому промыслу. В области фабрично-заводской промышленности были собраны экспонаты Дмитровской фарфоровой фабрики (в и. Вербилках Ленинского уезда), Запрудненского Стекольного завода и Ленинской Колодочной фабрики. Подробного описания этих производств Музей не делал в виду того, что еще ранее там было произведено детальное обследование санитарными врачами С. Н. Черкинским (Вербилки) и т. Слуцкой (Запрудня).

Вся организационная часть выставки и руководство ею было поручено музею и таким образом на этой почве создалось взаимодействие Музея, АПО УКОМа ВКП(б) и всех отделов уисполкома. Выставка Советского Странствования (отдельно от Сельско-Хозяйственной) имела 5 отделов, из них два отдела: кустарно-промысловый и фабрично-заводский были построены из музейных коллекций. Кооперацией и фабриками к этим коллекциям были добавлены ассортименты готовых изделий и диаграммы, иллюстрирующие рост производства, поступившие после выставки в музейные коллекции.

После выставки количество экспонатов увеличилось настолько, что музей принужден был закрыться до тех пор, пока музей санпросвета не выехал и не освободил дополнительную площадь в 30 кв. метров. Таким образом вся имеющаяся площадь в 95 кв. метров была уже использована и дальнейший рост музея мог идти только за счет соседнего помещения, занимаемого Горбанком.

Открывшись после выставки 1-го декабря, музей был так уплотнен, что пропускать 12 тысяч посетителей при двух пропускных днях в неделю было уже невозможно без ущерба сохранности коллекций. Вследствие этого, по предложению Уполитпросвета была введена небольшая плата (5 и 10 коп.), что и дало заметное

снижение посещаемости. Но снижение посещаемости имело и хорошую сторону: качество просветительной работы музея значительно поднялось, т. к. при посещаемости в 20—30 чел. одинок за один пропускной день можно было уже не пропускать ни одного посетителя без объяснений, к тому же и процент экскурсий поднялся с 7% до 30%.

Зимняя работа музея шла в области изучения скорняжного промысла, который по численности кустарей занимает в уезде третье место, был же кустарей отличается своеобразными чертами от быта башмачников. Обработывались собранные за лето материалы и коллекции по этнографии, археологии и ботанике. К марту месяцу обработка этих материалов была закончена. Н. П. Адриановой были проработаны материалы монографического изучения д. Соркино.

Музеем и Временным Бюро Краеведения была созвана III-я Краеведная конференция, на которой докладчики (Феноменов, Сосенкова, Языков, Евтюхова, Шаховская и Адрианова) демонстрировали все собранные и научно обработанные коллекции. Конференция одобрила предложенную Музеем и Временным Бюро работу, наметила путь дальнейшей деятельности, вынесла резолюцию о реорганизации Временного Бюро в уездный филиал О-ва изучения Московской губернии и вызвала большой подъем и оживление в настроении краеведов.

После конференции заведывающая музеем была командирована музейным по МОНО на краткосрочный семинарий по этнографии при кабинете Краеведа МОНО, а в мае в Ленинградские музеи для поднятия своей квалификации. Две эти командировки несмотря на свою кратковременность (3 недели) сыграли все же решающую роль в смысле более четкой установки дальнейшей музейно-краеведной работы.

Под руководством В. П. Семёнова-Тяншанского в уезде намечено пять различных ландшафтов (долина и пойма р. Дубны, увалистый ландшафт, лес — равнина суглинке, сосновый бор на супеси и озерный ландшафт), к комплексному изучению которых Музей и намерен перейти.

Текущим летом для такого комплексного изучения взята долина р. Дубны на территории которой и был проделан ряд работ. На средства, полученные Музеем от Музейного по МОНО, краеведами С. Я. Масловым и Е. А. Кожевниковой проведена работа по изучению и гербаризации растительных сообществ долины, Антропологическим Институтом И. М. Г. У. в лице его сотрудников М. В. Воеводского, А. Е. Алиховой и А. Я. Гриневич при участии Е. В. Сосенковой и под руководством Б. С. Жукова проведены археологические раскопки бога-

той неолитической стоянки у п. Николо-Перевоз на р. Дубне; произведена также археологическая разведка берегов Дубны до с. Нушполы. Е. В. Сосенковой произведено частичное этнографическое обследование селений в районе поймы р. Дубны (жилище, одежда, с.-х. техника, рыболовство). Работа эта начата вполне своевременно, т. к. район этот мелиорируется МОЗО и природные условия поймы начинают изменяться. С целью получения всех имеющихся по этому району материалов установлена связь с отделом с.-х. мелиорации МОЗО и инженером Н. П. Власовым, заведывающим мелиоративными работами. Работа по комплексному изучению этого ландшафта намечена и на будущий год; необходимо только установить более тесную связь с научными учреждениями Москвы (И. М. Г. У., Музей Ц. П. О. и др.) для более правильной ее постановки.

На ближайшее время перед Музеем во всей остроте стоит вопрос о расширении помещения и штатов.

Вполне очевидно, что помещение в 95 кв. метров не может удовлетворить музей, который в своих стенах намеривается дать отражение края со стороны природного

ландшафта, экономики и истории. Очевидно также и то, что одно лицо не может быть энциклопедистом. С развитием музейной строительств пора уже переходить на специализацию в каждой области изучения уезда. Если принять во внимание, что растёт и активность низовой массы краеведов, что организованные снизу кружки (1 волостной в Нагорской вол. и 1 сельский в с. Квашонках—в районе скорняжных промыслов) требуют помощи и руководства, то только что выдвинутое положение становится неоспоримым.

Однако знание местных условий внушает опасение за развитие музейно-краеведной работы в ближайшее время и надо сказать твердо и определенно, что до тех пор, пока МОНО не возьмет музей местного края на свой бюджет и не даст им полного штата научных работников, работа музея при очень большой затрате коллективной энергии не даст заметных результатов.

Е. Сосенкова.

Музей Сергиевского края.

Работа по организации Музея Сергиевского края начата была с осени 1925 года, открыт он был в январе 1926 г.

Краеведческая работа в Сергиевском уезде с ее организационной стороны представляет собою пример тесной связи краевого музея с местным краеведческим Об-вом. Основанный Об-вом Музей до последнего времени имел общую с ним смету, работники музея входили в состав Правления Об-ва, а Правление, в лице некоторых своих членов, проявляло неизменный интерес в работе Музея, принимая в ней посильное участие.

Исполком отпускал на работу Музея довольно значительные средства (с 1926/27 г.—2.700 руб., из них на научные расходы—920 руб., 1927/28 г.—3.200 руб. из них на научные расходы—1.380 руб.), что давало возможность развернуть работу Музея довольно широко, шире чем это было осуществимо силами одного научного работника (завед. муз. В. Н. Мордвиновой). Это препятствие в развитии Музея было устранено Губмузеем, назначившим в счет своих средств научного сотрудника Музея—А. Д. Шаховскую.

К минувшему лету Музей имел следующие отделы: Естественно-Исторический (геология, рельеф, почвы, гидрология, растительный, животный мир); Общественно-Экономический (население, кустарные промыслы, торговля); Этнографический (костюм, домашние промыслы, жилище, средства передвижения, утварь).

К осени намечено было открытие П/отделов Истории Края и Сельского Хозяй-

ства, экспонаты для которых в значительной степени были уже подготовлены.

В своей работе музей был тесно связан с агрономами, лесоведами, уездным гидротехником, Т-вом Пчеловодов, Союзом Охотников. Планы построения своих отделов (перспективные и рабочие на ближайший период) Музей проводил, помимо Правления Об-ва, через особые совещания специалистов (агрономов, лесничих, школьных работников). Почти во всех волостях Музей имел опорные точки в лице отдельных краеведов и небольших групп, число их заметно росло и связи с Музеем крепились.

Количество посетителей, повышавшееся из месяца в месяц, с наступлением весны дало особенно резкое повышение. На один воскресный день в мае 1928 г. приходилось столько посетителей, сколько прошло через Музей за весь май 27 г. (200 чел.). На ряду с организованными экскурсиями учащихся, служащих, рабочих и пр. интересно отметить посещение музея неорганизованными группами крестьян из других губ., приезжавших на земляные и лесные работы, пастухов собирающихся в город на „биржу“ для найма перед Егорьевым днем и довольно многочисленных одиночек рабочих с крупных производств соседнего Александровского уезда (Струнино, Кольчугино). Учащиеся сельских школ приходили в музей, как только обсыхали дороги, за 14—18 верст.

С педагогами I ступ. и студентами последнего курса Педаг. Техникума Музей проводил instructивные беседы об использовании коллекций краевого музея в школьном преподавании.

Весной Музей подготовил для школьных работников и учащихся выставку „Наступление весны“, а осенью 27 г. принял участие в организации юбилейной выставки к 10-летию Октябрьской Революции, где развернул вводный отдел по природе Сергиевского Края. Выставка в целом и отдел Музея привлекли исключительное внимание населения, за 2 1/2 дня которые выставка была открыта ее посетило, несмотря на не-

благоприятную погоду и страшную грязь— 6 1/2 тыс. чел.

Весной при Музее начал работать организованный им Энтомологический кружок из учащихся II ступ. (17 чел.) под руководством уездного специалиста по борьбе с вредителями (С. Я. Филиппов), работу которого предполагалось вести и зимой.

В. Мордвинова.

Волоколамский Историко-бытовой и Краевой Музей (быв. Иосифов монастырь).

Возникший в 1921 году, когда Главнаукой при ликвидации монастыря последний был взят на учет, как выдающийся архитектурный памятник (ансамбль монастырских построек, возникших одновременно, знакомит с архитектурой церковных и крепостных построек XVI—XVII в.в.), музей с 1925 года приобретает краеведческий характер сначала волостного масштаба (Калеевская волость), а в настоящее время уездного. Музей главным образом размещается в реставрированной одноэтажной палате XVI в., имея три обычных отдела: а) естественноисторический, в) общественно-экономический и с) культурно-исторический с общим количеством экспонатов во всех трех отделах до 2317.

В естественно-историческом отделе имеются: чертежи разрезов, характеризующих геологическое строение уезда: профиль вдоль линии Винавской ж. д., составленный В. Г. Хименковым и профили от Ярополья на Можайск, Вереву, с др. стор. от ст. Шаховской к г. Ленинску, составленные сотрудниками геологического Бюро Мозо Биндеманом и Лушихиным, а также 10 разрезов геологических отложений артезианских колодезь с образцами этих отложений; затем разного рода окаменелости, рога доисторических животных и бивни мамонта; карта полезных ископаемых вместе с образцами таковых; почвенная карта Московской губ. и Волоколамского уезда (схематическая) с образцами почв; гидрографическая карта Здановского: план Житковского болота с чертежами его профилей; образцы лесных пород уезда с картой лесов (волостного масштаба); гербарий луговых, полевых и лесных растений до 150 видов. Заспиртован ряд рыб, змей и т. п.

Составляется коллекция из чучел зверей (лоси, медведь, лисица, волк, куница и т. д.) и птиц. Имеются данные по климатологии: кривые температуры, диаграмма количества осадков и т. п. Производились фенологические наблюдения.

В общественно-экономическом отделе: в п/отделе с/хозяйства имеется ряд диаграмм, картограмм, карт и фотографий, характеризующих состояние с/хозяйства уезда (площадь земли, распределение ее по угодьям, по культурам, севообороты, уро-

жайность, продукция, землеустройство, обеспеченность с/хозяйственным инвентарем и скотом, рост агросети). Имеется коллекция с/хозяйственных орудий, образцы семян и растений. Выявлены опыты с минеральными удобрениями, имеется ряд диаграмм, картограмм и фотографий, характеризующих состояние отдельных деревень, молочных и контрольных товариществ и обработку льна как заводским способом (Шаховский завод первичной обработки льна), так и в условиях крестьянского хозяйства с образцами льна той и другой обработки.

В п/отделе кустарных промыслов имеется ряд диаграмм, картограмм и таблиц, характеризующих количество и распределение отдельных кустарных промыслов по волостям. Они выявлены в образцах изделий, орудиях производства, коллекциях и фотографиях, отмечающих моменты производства, в рисунках и картинах производства: ткацкое, сусальное, кожевное, кирпичное, валяльное, пряничное, драпачное, гробовое, пеньшиков, а также фабрика им. Ленина, как выросшая из кустарного ткачества. Выявлены артели „Родионовский ткач“, отчасти Ильинская, Калеевская и Кузлевская—ткацкие и Покровская—посадчиков. По общественно-политическому п/отделу выявлено в диаграммах, картограммах и фотографиях: развитие потребительской кооперации в уезде, бюджет Уика, его состав, а также состав Виков и С/советов, активность граждан при перевыборах в Советы, состояние народного образования, здравоохранения, строительства, преступности, юридической помощи, профсоюзов и т. д., а также дано в диаграммах, картограммах и фотографиях советское строительство Калеевской вол.

По культурно-историческому отделу, по п/отделу крестьянского быта собраны предметы, относящиеся к утвари и рукоделию (наливки, чашки, кружки, свечки, замки), а также предметы, характеризующие „бабье ткачество“: самопрялка со всеми принадлежностями и станок, завлаженный для ткания холста. Выявлено в коллекциях набивное дело, собрана небольшая коллекция крестьянских костюмов, имеется ряд фотографий, рисунков, характеризующих крестьянские постройки, перевозочные средства и упряжь.

Подготавливается материал к выявлению помещичьего быта: имеется посуда (до 50 предметов фарфора), ряд портретов, фотографий и рисунков, относящихся к усадьбам Волоколамского уезда, документы и пр. Подготавливается материал к отображению в музее революции 1905 года и октябрьской (фотографии, рисунки, названия, документы и т. п.).

По археологическому отделу — археологическая карта Волоколамского уезда, коллекции, планы, чертежи разрезов траншей, фотографии с городищ: Поречинского, Яропольского, Услухинского, Городищенского; с курганов: Высочковских, Машеровских, Корсоковских, Ядровских и у Жилых гор; данные по обследованию Волоколамского Городища в связи с возводимыми на нем постройками. Все коллекции дают представление о расселении и культуре финнов и славян, населявших прежде пределы Волоколамского уезда.

В историческом отделе имеется копия с картины Васнецова „Волок по Ламе XI—XII в.в.“, составленная по Готье карта станов и волостей XVII в., карта уезда в границах 1792 года, планы г. Волоколамска 1800 г. с рисунком, изображающим г. Волоколамск с горы Ильишовой (три послед. в копии). Карта Волоколамского уезда 1852 года с нанесением селений помещичьих и государственных с указанием в каждом селении количества душ.

По истории монастыря — ряд грамот, рукописных книг, планов, выписок из архива, фотографий, характеризующих монастырь XVI—XIX в.в. Сохранился монастырский архив, начиная с конца XVI в.

В отделе прикладного искусства выставлены предметы прикладного искусства: металлические предметы, характеризующие резьбу и чеканку XVI—XVII в.в., предметы, характеризующие резьбу по дереву и кости, ткани и шитье XVI—XVIII в.в., иконы (есть иконы, повидному письма Дионисия) и живопись.

Музею приходилось вести собирательскую и научно-исследовательскую работу в очень тяжелых условиях: вдали от уездного центра (20 верст); при отсутствии краеведческих организаций (в настоящее время организуется краеведческое общество), при отсутствии на месте живых культурных сил, при отсутствии сознания необходимости и даже какой-либо полезности производимой работы у общественных и др. организаций. С другой стороны трудность усугублялась еще и тем, что приходилось сначала развертывать музей в церковном здании, приспособив его под музейное помещение позднее.

Музей усиленно развив свою деятельность в последние годы, когда перешел в ведение Губмузея Мона (бюджет его увеличился) и когда он получил спец-средства от реализации немусейного имущества.

Не имея достаточного штата (до последнего года в музее нет научных сотрудни-

ков), музей, располагая средствами, привлёк к научно-исследовательской работе тех или других специалистов. Так уже в продолжении трех лет под руководством Виноградова К. Я. ведутся систематические археологические обследования уезда. Под руководством Колобова В. М. произведено обследование сусального производства в его центре, в д. Горбунове Тимашевской волости. Им же производились этнографические обследования уезда, а также собраны ценные материалы по истории уезда. К выявлению с/хозяйства уезда были привлечены: уездный агроном Арефьев А. И. и участковый — Лебедев Н. В., а также Волков Д. Н. (последний по выявлению молочных товариществ). По выявлению геологического строения уезда был привлечен уездный гидротехник Журавлев. Из отдельных организаций, оказавших содействие музею, нужно упомянуть Волоколамское Райотделение потребительских обществ, оказавшее содействие в выявлении потребительской кооперации в уезде, а также артель „Родионовский ткач“, много содействовавшую выявлению в музее ткачества, а также и его изучению, которое продолжается до последнего времени. В последнее время музеем приступлено к монографическому обследованию д. Новое Калеевской вол. по программам Общества изучения Московской губернии.

Что касается связи музея со школами, то последняя выразилась в посещении музея учащимися разных окружающих школ при проработке тем краеведного характера. Некоторое время до 1928 года действовал при музее краеведческий кружок, состоявший из учителей Детгородка, расположенного тоже в монастыре. В кружке при участии местных культурных сил: агронома, лесничего и др. были проработаны природа, с/хозяйство, экономика, история Калеевской вол., но работа краеведческая не увлекла учащихся, может быть тому виной были специфические тяжелые условия работы в Детгородке с беспризорными. Более плодотворна оказалась связь с губернским педагогическим музеем. Последний получил из музея в копии материалы по с/хозяйству уезда и молочным товариществам, которые были использованы в работе московских школ. С другой стороны Губернский педагогический музей получил от Волоколамского музея материалы и ценное содействие в подготовке диапозитивов к выпускаемой губмузеем серии: кустарни Московской губ. в частности, ткачи Волоколамского уезда.

Посещаемость музея как отдельными лицами, так и экскурсиями, выражалась в следующих цифрах:

в 1921—22 г.	960 чел.
„ 1922—23 „	990 „
„ 1923—24 „	1530 „
„ 1924—25 „	2417 „
„ 1925—26 „	2803 „
„ 1926—27 „	3202 „
„ 1927—28 „	9000 „

Рост посещаемости музея за последний год объясняется, с одной стороны, значительным пополнением материала, а с другой стороны принятыми мерами популяризации: выпущена и распространена по уезду афиша-плакат, а также издана листовка по музею. Просветительная работа музея помимо работы с экскурсиями выражалась в чтении лекций докладов сотрудниками музея о работе музея и краеведении как в окружающих деревнях, так и на районных собраниях учителей. В 1924 году музей принимал участие в качестве эксперта в показательном суде

над Иосифом Волоколам., устроенном местной ячейкой безбожников. Музей имеет связь с Обществом изучения Московской губ. с Губернским Бюро Краеведения Губ. проса.

Непосредственно руководит работой музея Губмузей МОНО, его научный совет, позднее методическая секция.

При музее имеется Совет музея, в который входят представители Волкома ВКП(б), УОНО, уездной агрономорганизации, санитарной и кооперативной.

Е. Щепетов.

Работа Звенигородского Худож.-Историч. Краевого Музея.

Бывший Саввино-Сторожевский монастырь Звенигородского уезда—один из древнейших архитектурных памятников. Он основан еще в удельный период, в 1398-9 гг., сыном Дмитрия Донского кн. Юрием в 2-х верстах к западу от Звенигорода с его известным „Городком“ и Успенским белокаменным собором конца XIV в. (1389—95 г.). Выбор места несомненно принадлежал самому князю, т. к. гора „Сторожа“, при впадении р. Разводни в р. Москву, имела значение военно-стратегического пункта на Московско-Литовской дороге. Исполнителем княжеской воли по постройке монастыря-крепости оказался б. игумен Троице-Сергиевского мон-ря Савва, духовник кн. Юрия, приглашенный им в Звенигород. Построенная Саввой деревянная церковь вскоре была заменена существующим ныне белокаменным собором „Рождества“, отстроенным еще при жизни Саввы т.-е. до 1407 г. Надворные монастырские здания, стены и сторожевые башни, первоначально деревянные, в половине XVII в. заменены каменными (кирпичными) по указу царя Алексея Михайловича, который особенно покровительствовал монастырю. Таким образом, из всего ансамбля монастырских строений, от XV века сохранился лишь указанный выше собор. Типичное для раннего Московского зодчества кубообразное, четырехстолпное здание, с первоначальным покрытием по кокошникам, увенчано цилиндром-трибуном с шлемовидной позолоченной главкой; с востока 3 полуциркульные алтарные абсиды. В целом здание напоминает храмы новгородского и суздальско-владимирского типа. Белокаменной тройной лентой с затейливой „резьбой“ собор делится по горизонтали на 2 равные части. Три входа—с южного, западного и северного фасов украшены белокаменными колоннами порталов, к сожалению, испорченных поздней закраской. Внутренняя отделка в XV—XVII вв. состояла из низкой алтарной преграды и фресковой росписи, часть которой в настоящее время раскрыта реставрацией. XVII век, коренным образом изменивший весь облик мон-ря, коснулся и архитектуры собора: кокошники уступают

место плоской четырехскатной крыше, с южной и западной стороны прирастают галереи и потайная „малая палата“ (позднее ризница), соединявшаяся крытым переходом с верхними покоями дворца Алексея Михайловича, вытянувшегося параллельно западной стене ограды—верхний этаж дворца, уничтоженный пожаром 1742 г. восстановлен в 1770-х гг. Внутренний вид собора также сильно изменился: вместо алтарной преграды выросла высокая сплошная стена пятиярусного иконостаса с басменной и чеканной металлической отделкой и прекрасными образцами иконописи Ушаковского типа. Юго-западный угол заняла серебряная рака-гробница чеканной работы 1680 г., в которую были перенесены „мощи“ основателя мон-ря, а над нею повешена икона с тончайшей финифтяной (эмалевой) обработкой фона травчатым и цветочным узором. XVIII и XIX вв. словно умышленно стремились исказить и обесценить художественный памятник—безжалостно и грубо записывались стены, над ракой появилась безвкусная сень-балдахин, характерная для упадочно-подражательной эпохи половина XIX в., а в промежутки между иконами врезались узенькие колонки-пилястры „под ампир“. К северо-востоку от собора в 1650-х гг. был выстроен двухэтажный дворец для царевен, от которого сохранилось интересное крыльцо с раздутыми белокаменными колонками; само здание перестроено в XVIII веке. Большое, некогда четырехэтажное здание б. трапезной, с примыкающей четырехбашенной колокольней и церковью постройки 1693 года (интересны 2 окошка с керамическими наличниками)—расположено в северной части монастырского двора. На центральной башне колокольни, во 2-ом ярусе, прославившийся своим „бархатным“ звоном колокол в 2125 пудов, отлитый в 1667 году мастером А. Григорьевым. Трапеза сильно перестроена в начале XIX века в виду обвала части сводов. Главные въездные ворота находятся под навратной „Красной“ башней в центре восточной стены ограды—они несколько ниже уровня двора, на который ведет широкая камен-

ная лестница, делающая поворот под углом в 90° к югу. Башня увенчана дозорной вышкой с шатровой позолоченной кровлей шпилем, на котором утверждены двуглавый золоченый герб-орел XVII века. В нескольких саженях к западу шатровая б. Троицкая (ранее Сергиевская) церковь 1652 года с трапезной, пристроенной в 1807 г. Стена ограды протяжением более 330 сажен при высоте в 3—4 саж сохраняла следы крепостной архитектуры—верхние прорезы для „пищального боя“, машины для литья смолы и нижний оружейный бой. Башни по углам и в пролетах стен также крепостного и дозорного типа; в них и на стены ведут узкие лестницы, устроенные в самой толще кладки. Из 8 башен половины XVII в сохранилось 6—две разобраны за ветхостью и в виду осадки земли у западной стены в XIX веке—стена же укреплена контрфорсами.

Из внешних событий, связанных с историей монастыря на протяжении более 5-ти столетий, помимо частых посещений Московскими князьями и царями, которые щедро одаривали монастырь, отметим, что в 1606 г. он пострадал от польско-литовских отрядов 1-го Самозванца, в 1618 г. через него проходили войска польского королевича Владислава, а год спустя, по той же дороге, возвращаясь из плена патриарх Филарет Никитич; в 1682 г. во время Московского стрелецкого восстания в монастыре скрывались Петр I и Иоанн с царичей Натальей Кириловной и царевной Софьей; в XVIII в. монастырь посещали: имп. Елизавета (в 1740 и 1749 г.г.) и Екатерина II (в 1762 и 1775 г.г.). В 1812 г. двадцатитысячный корпус вице-короля Итальянского Евгения Богарне занимал монастырь с 31 августа по 15 октября—французы ограбили ризницу, повредили здания, расшатали большой колокол, в который „крепко благовестили“ и испортили боевые часы польской работы XVII в. с колоколом, отлитым Килианом Вевертом в 1636 г. Отряд оставил монастырь отчасти под напором партизанской конницы бар. Винцегероде, предводительствуемой майором Фиглевым.

Материальное положение монастыря, благодаря покровительству вел. князей и царей, было всегда выдающееся—к моменту секуляризации монастырских имений и учреждения „твердых штатов“, к 1763 году он владел более чем 16.000 крепостных мужского пола и имел 14 приписных монастырей. Еще в XVII веке ему были даны рыбные ловли на Волге, Каме и Москве-реке с притоками и собственные соляные варницы в Казанском уезде—Надеждинское Усолёе.

После Октябрьской революции Музейным отделом Наркомпроса в стенах б. Саввинского монастыря был организован Художественно-Исторический музей, преимущественно из предметов б. ризницы. В 1922 г. в Музей влились коллекции Музея-Усадьбы „Введенское“ гр. Гудович, а также ряд ценных, худо-

жественных экспонатов из б. имений „Вяземы“ и „Петровское“ Голицыных, „Ершово“ Олсуфьевых, „Коралово“ гр. Граббе „Ильинское“ Романовых и др. С 1924—5 гг. Музей, расположенный в здании б. „Духовного училища“ (ранее трапезной XVII в.) и трапезе Троицкой церкви 1807 г. приступил к собиранию краеведческих материалов и организации соответствующих отделов. Осенью (в октябре) 1927 г. Музей должен был спешно свернуться (в течение суток) т. к. все б. монастырские здания, за исключением собора, были переданы детской трудкоммуне из б. беспризорных. Быстрое свертывание и хранение в непригодном, неотапливаемом и сыром помещении собора, гибельно отразилось на экспонатах. Многие предметы погибли, другие пострадали при переноске и от сырости. Весной 1928 г. стоял даже вопрос о ликвидации музея. Однако, в июне т. г. было принято решение сохранить и спешно восстановить Музей, передав однако часть помещений дому отдыха им. Рыкова под зрительный зал. От Музея отошел ряд комнат в б. трапезной XVII в. занимавшихся ранее отделом усадебной культуры. При восстановлении Музея решено обратить особое внимание на развитие краевых отделов, характеризующих природу, экономику, быт и кустарные промыслы края. Благодаря материальной поддержке, оказанной Музейным отделом Мона, удалось срочно произвести необходимый ремонт и приступить с 1-го июля к развешиванию отделов. Штат Музея был также сокращен до 2 научных единиц—заведующего (с 7 июня 28 г. В. М. Колобов) и научн. сотр. (Е. И. Лукьянская), технических сотрудников (сторожей) 3.

Здание б. Троицкой церкви, экспозиционная площадь которого значительно увеличилась благодаря разборке немусейного поврежденного иконостаса XIX в., в настоящее время является ядром Музея и в нем к 10 июня развернуты отделы: 1) Естественно-исторический—климатология, геология флора и фауна края, 2) Сельскохозяйственный—преимущественно картография и диаграммы, 3) Археологический—материалы из раскопок городищ III—IV вв. и курганов XI—XII вв., произведенных арх. К. Я. Виноградовым в 1925—28 гг., 4) Этнографический—предметы характеризующие быт и культуру крестьянства Звенигородского уезда в конце XIX в. и 5) Кустарно-промышленный. Последний п/о. представлен наиболее полно, знакомит с производством местных столаров, токарей, музыкальщиков, мебельщиков-плетенщиков, металлистов, часовщиков, трикотажников, башмачников, щеточников, пуговичников и др. Благодаря активной поддержке местной кооперации отдел пополнен уже в 1928 г. рядом ценных экспонатов и производственных коллекций. Количество предметов по краевым отделам превышает 1200 №№, однако многие нуждаются в дальнейшем пополнении и расширении.

Параллельно с организацией Краевого отдела б. Рождественский собор был разгружен от хранившихся в нем экспонатов и немусейного имущества и открыт для обозрения. В оставленном за музеем помещении — восточной половине б. духовного училища, после некоторых переделок (раскрытия двух дверей позднейшей заделки) развернуты культурно-исторические п/отделы: 1) архитектурный — где графически и документально отражена история и архитектура б. монастырских зданий (до 50 №№), 2) прикладного искусства (церковной старины) в котором имеется ряд ценнейших экспонатов по древней живописи (иконописи), тканям, шитью шелками, золотом, жемчугом и самоцветами XVI — XVII вв., древней рукописной и печатной книге, резьбе по дереву, выработке церковной утвари из разных металлов, финифти и литью из меди и 3) усадебной культуры — развернутой в 3-х комнатах, дающей в комплексной хронологически-бытовой экспозиции образцы мебельного производства, фарфора, бронзы и живописи XVIII—XIX вв. Среди экспонатов имеются вещи известных мастеров — портрет Бенкого — Рослена, пейзаж, приписываемый Клоду Лорену, Гюбер-Робер, представляемый Зорянко, П. Соколов и другие, а также ряд работ крепостных мастеров. Красное дерево и корельская береза занимают два зала, в 3-й сводчатой палате XVII века сконцентрирована голландская и немецкая резная мебель, оружие, утварь и живопись конца XVII — нач. XVIII в.; в особую группу выделена наборная мебель иностранной работы XVIII в.

Недостаток помещения и ограниченность времени не дали возможности полностью использовать весь материал, заставляя на первое время выбирать более типичный и сохранный. Отдел открыт к 5 му августа, количество экспонатов превышает 300.

Несмотря на тяжелые условия Музей возобновил научно-исследовательскую и собирательскую работу: приступлено к сбору палеонтологической коллекции, закончен сбор гербария, пополняются отделы геологический и биологический. Сделан ряд фотоснимков по кустарным промыслам и этнографии. Архитектурный п/о пополнен эскизами худ. А. Кальнинга и (?) Кормилицына, которым реставрировано до 40 наиболее поврежденных картин. Арх. К. Я. Виноградовым проведены методически показательные раскопки на городке и курганах в присутствии местных школьных работников, зав. Ест.-Истор. отделом Е. И. Лукьянской — экскурсии в природу, зав. Музеем — этнографические разведки и специальные экскурсии беседы на краеведческие темы. Приступлено к составлению краткого путеводителя по Музею и архитектурным памятникам, монтируются и описываются археологические коллекции. Всем посетителям сотрудниками музея даются объяснения по отделам — за июль мес. пропущено около 4000 человек. В течение зимнего, более спокойного периода, Музей приступит к составлению научного описания предметов Историко-Культурного отдела, а также планируется развернуть заново Историко-революционный отд. и переработать общественно-экономический.

Живой интерес посетителей, о чем имеется ряд отзывов, активная поддержка Музейного отдела МОНО и органов УИКа — УОНО, Политпросвета, Горсовета, Краеведческого общества и широких масс, невольно заставляют верить, что успех дальнейшего восстановления и развития Музея, перенесшего тяжелые месяцы, заранее гарантирован.

В. Колобов.

Краткая история Можайского Музея Местного Края.

История возникновения и организации Можайского Музея Местного Края так неразрывно связана с историей нашей краеведческой организации, что говорить о них раздельно почти невозможно. В силу этих особых причин мне придется волей неволей, говоря о музее, освещать попутно, в самых кратких чертах и историю возникновения у нас Краеведческого Об-ва.

Задолго еще до Великой Октябрьской Революции, под зловещие громы Японской войны и первый неясный рокот надвигающейся революции 1905 г. в городе нашем впервые объединился под лозунгом самообразования небольшой, человек 8 — 10, кружок местной молодежи. Немногие из этой первоначальной группы вошли в наше местное Об-во: последующие годы разматали, рассеяли их. Многих, как А. А. Андреева, Магина, Зуева и других

нет уже ныне в живых, другие, как известный наш художник С. В. Герасимов, живут в центре и работают на другом поприще. На одном из общих собраний этого самого нелегального тогда кружка в октябре 1905 г. и была высказана впервые мысль о необходимости изучения наших мест в прошлом и настоящем, изучении систематическом и полном. Тогда же собранием была выделена из состава членов кружка специальная комиссия, на которую и возложена была задача собирания и систематизации сведений и материалов краеведческого характера. Так впервые родилась краеведческая организация у нас. Мысль о создании в городе краеведческого музея высказывалась в комиссии уже тогда, но реально осуществить ее не удалось: окружающие условия не давали возможности провести ее в жизнь. — под сурдинку кружок опекала заботливая по-

лица, и под давлением ее он уже через год или два распался. Накопление краеведных материалов и собирание данных осталось на личной инициативе отдельных членов кружка и все, что сделала эта первичная организация, это выпустила несколько отдельных №№—тетрадей товарищеского рукописного журнала, где были впервые помещены робкие, немногие статьи краеведческого характера. Скоро, к 1908 году, прекратил свое существование и журнал: один из №№ попал в руки всепильного тогда у нас в уезде графа Ф. А. Уварова, и местная власть исподволь пресекла „вольномудство“ молодых людей, пригрозив членам редакционной комиссии, и установив слежку за отдельными ее членами.

Около 1905 года при местном Земстве организован был музей наглядных пособий в помощь школам, к моменту начала мировой войны постепенно начавший, видимо под влиянием покойной матери графа-земца П. С. Уваровой, принимать характер до известной степени краеведческий: в нем появились мало-по-малу и местные экспонаты, в роде бивней мамонта из Поречья, местных районных карт и проч. Этот музей после Февральской революции был Земством заброшен и погреб, распыленный по отдельным школам и новому музею наглядных пособий, организованному местной кооперацией в 1917 г. Последний был единственным музеем в городе к моменту начала Октябрьской революции и, влеча самое жалкое бытие, просуществовал до 1920 г., когда во время пожара весной его содержимое частью погибло, частью попортилось и окончательно распылилось.

С начала 1919 года кое-что случайное и отдельное (картины, книги, статуи, фарфор и проч.) собирала и скапливала поскольку ей это удавалось, организованная во второй половине 1918 г. местная центральная библиотека. Концентрировала она у себя и сведения о работах и собирании материалов краеведческого характера отдельными лицами, мечтая в конце-концов создать около себя краеведческий кружок. Переживаемое бурное время эпохи военного коммунизма далеко не способствовало этой работе библиотеки, тем более, что и она сама переживала тяжелое время полной необорудованности и постоянной ломки с перебрасыванием ее с места на место. Кое-что (напр. картины местных художников И. Л. Горюхова и Бурхардта) ей однако-же удалось пронести через эти годы и сохранить для будущего музея.

Центр уже с 1920, кажется, года агитировал местное общественное мнение на предмет создания уголка местного края, зародыша будущего музея. Характерно и памятно в этом случае первое выступление представителя центра у нас тов. Жарина в 1920 году на одном из собраний работников просвещения.

Местная центральная библиотека в эти годы организовывала экскурсии по городу,

агитировала среди населения и в отделе Народного Образования за идею создания краевого музея и завязывала первые сношения с Главнаукой и Главмузеем через приезжавших в город инструкторов и представителей их (Хотулев, Виноградов и др.), собирая попутно данные об имеющихся на местах экспонатах краеведческого характера при учетах и обследованиях мест представителями центра. В 1921-22 году возникает при Уполитпросвете музейно-экскурсионная секция, и дело собирания сведений об экспонатах и учета памятников становится на более твердые ноги. Около этого времени уездом обследуется бывший имение Уваровых Поречье, и оставленное во дворце музейное имущество (этажерки, витрины и проч.) наводит обследователей на мысль о возможности, наконец, реальной попытки создания в городе, если не музея еще, то хотя бы хранилища. Эта мысль встречает поддержку в представителе центра, уполномоченном Главнауки по Поречью в те годы Б. Н. Салтыкове. В Отделе Народного Образования начинается страстная агитация за отвод помещения под музей хранилище. Спустя несколько месяцев, с выводом войск из города и расформированием 15 запасного полка, помещение под музей отводится. Начинается своз из Поречья и других мест музейного имущества. Все собранное ею передает в хранилище и библиотека. Около этого времени Санитарный отдел развертывает в комнатке рядом с библиотекою небольшой музей санитарии и гигиены. Впрочем, последний существует недолго и через два года, за отъездом его главного вдохновителя санитарного врача Климова, кончает свое существование. Подле хранилища Центральная библиотека организует между тем первое объединение интересующихся краеведением, и уже весной 1922 г. заслушивается несколько информационных краеведческого характера докладов. Этою группой вырабатывается первый устав Краеведческого Обва у нас, утвержденный местным Административным Отделом, и набрасывается первая программа деятельности организации, направленная попутно к созданию краеведного музея в гор. Можайске.

В 1923 г. летом хранилище вместе с Центральною библиотекою перебрасывается в соседнее здание (быв. до этого помещение профсоюзов, ныне „Дворец Труда“), а в прежнем помещении хранилища и библиотеки развертывается партийно-профессиональный имени В. И. Ленина клуб.

При Уполитпросвете вскоре же возникает мысль о создании кабинета политпросветработника с выделением для обслуживания его штатной единицы. Этот работник одновременно должен был обслуживать и хранилище. В кабинет и хранилище мало-по-малу начинают проникать экспонаты—данные местного характера. Параллельно с кабинетом, под руководством на-

пешного председателя нашего Об-ва В. И. Орлова, по инициативе Истпарта Укома, возникает уголок революционного движения.

В июле 1925 года реорганизуется местное краеведческое Об-во и как филиал вливается в Об-во Изучения Московской губернии. К этому моменту краеведы города завязывают сношения с краеведами мест уезда (Морево, Руза, Ашерино), и местное Об-во открывает свои филиалы в волостях. Оформление организации и четкое разграничение работ по секциям позволяют упорядочить и до известной степени систематизировать исследовательскую работу краеведов, которая в свою очередь начинает скапливать в общем своем результате краеведческие экспонаты. Уже с 1924 года начинается первое печатание статей краеведческого характера в возродившейся местной газете „Новый Нахарь“ и подготовка О-вом материала для сборника Уисполкома „Можайский уезд“. Осенью и зимой этого года руководители секций ставят цикл краеведческих лекций для педагогов школ I и II ступени города, рассчитывая на их поддержку потом, при развертывании музея — той же зимой 25/26 г. местное Об-во окончательно решает приступить к созданию музея местного края и совместно с У.О.Н.О. предпринимает решительный шаг к его полному оборудованию: окончательно свозится из Поречья все, что так или иначе может быть полезно для музея. На обслуживание музея с осени 25 года выделяется специальная платная единица. В апреле 1926 г. развертываемый музей и Центральная библиотека совместно переводятся в новое здание, в котором первый занимает верхний этаж. Фактическим началом жизни музея, как такового, можно считать открытие при нем выставки картин и зала скульптуры, приуроченное к 1 мая этого

года. В те времена Можайским музеем заведывал Б. В. Грузинов работающим ныне в Рузском музее. Наскоро делается наметка — распределение комнат здания — отделов будущего краеведческого музея. В них выдвигаются собранные на живую руку витрины и мебель. Весною этого же 1926 г. Об-во вплотную подходит к задачам создания и строительства музея, начинает посекционно научно-исследовательскую работу (разведки, описания и пр.) и упорядочивает в музейном разрезе ведущиеся на местной базарной площади Укомхозом большие работы по срытию и выравниванию ее поверхности для замощения, одновременно концентрируя сбор экспонатов краевого характера от отдельных краеведов в музей. С июня оно предпринимает свои первые археологические раскопки в уезде и систематизирует коллекции, взятые на разведках с геологом Хименковым и результаты разведок местных работников. Материалы в Музей начинают поступать непрерывно. В августе в здание музея переводится из клуба и уголок революционного движения с тем, чтобы постепенно придать ему чисто-местный характер. Он занимает единственную приличную тогда комнату здания, — помещение быв. картинной галереи музея. С сентября заведующий музеем уезжает на долгосрочные курсы в Москву, а в помещении самого музея начинается генеральный ремонт, а также починка и сборка музейного имущества. Все это заканчивается в конце ноября. Декабрь уходит на предварительную работу по экспозиции краеведных отделов и в половине января 1927 г., после назначения нового заведующего музеем Л. А. Томашевской, Можайский музей местного Края открывает наконец свои двери совершенно бесплатно для осмотра всем интересующимся.

П. Власьев.

Страницы из истории и быта Рузского Музея местного края.

Музей местного края в г. Рузе по своей давности, по своему происхождению и по количеству своих научных материалов является одним из самых старых краеведческих музеев Московской губернии. Основан он в 1906 году с целью дать картину местного края.

Казалось бы, эти данные говорят за то, что Рузскому музею должно быть уделено особое внимание, но последующая судьба его такова, что он значительно отстал и по бюджету и по работе от других музеев, возникших позднее (Дмитровский, Воскресенский).

Руза с 1922 г. превращается из уездного города Московской губ. в заштатный город Можайского уезда. Он находится в 23 километрах по шоссе от ст. Дорохово М. Б. Б. жел. дор. (проезд на автомобилях и ямщиках).

Эта дальность расстояния затрудняет массовое экскурсирование из центра в г. Рузу. Между тем г. Руза с своим древним городищем „городком“, где начал свое существование музей в 1906 г., является, по словам посещавших его, одним из самых живописных городов Московской губернии. Город расположен на пяти холмах, перерезанных речками и оврагами.

На стрелке при впадении речки Гордянка в реку Рузу стоит древнее городище; найденные на нем каменные орудия относятся к Фатьяновской культуре. Когда при Иване Грозном проводилась цепь оборонительных крепостей г. Руза была включена в эту цепь и древнее городище было переделано в неприступную по тогдашнему времени крепость — кремль. Остатки этих военно-инженерных сооружений ясно видны и сейчас. Этот, как его называют „Городок“, —

любимое живописное место для гулянья у ружан.

В 1905 году на Городке была построена на средства Комитета трезвости большая библиотека-читальня.

В 1906 г. среди кружка учителей, принимавших участие в Комитете в качестве членов соревнователей, возникла мысль об организации при библиотеке музея местного края. Была отведена обширная и светлая комната, куда были собраны пожертвованные частными лицами коллекции, характеризующие природу местного Края. Так было положено начало Рузского музея местного края.

Руза при бедности своего местного бюджета не могла предоставить достаточно средств не только на развитие музея, но и на его нормальное существование. Только наличие преданных делу работников, упорно не оставлявших забот о музее даже в моменты его закрытия и снятия с бюджета (с 1925/26 г.), а также отзывчивое отношение местных волостных административных органов и общественных организаций дали возможность Рузскому музею сохраниться до сего времени и не погибнуть, как это произошло с Верейским музеем.

В следующем 1907 г. по мысли двух братьев учителей Н. С. и С. С. Елагиных, местных исследователей любителей, была организована на средства Комитета Трезвости экскурсия для сбора ботанических, зоологических и археологических коллекций по окрестностям г. Рузы. Эта экскурсия, состоявшая из местных учителей и любителей природы и старины, продолжавшаяся около недели, произвела ряд археологических раскопок, геологических изысканий и ботанических и гидробиологических исследований. В результате был собран богатый материал по природе и истории местного края.

Вслед за этим заведующим библиотекой и музеем К. А. Космовским было разослано воззвание к населению, приглашавшее оказать музею посильное содействие.

В воззвании указывались коллекции, которые было бы желательно иметь в музее: 1) ископаемые; 2) местные дикорастущие растения; 3) местные породы насекомых, рыб, птиц, зверей; 4) археологические находки; 5) этнологические коллекции и модели; 6) земледелие; 7) лесоводство; 8) животноводство; 9) промыслы населения.

В следующем 1908 г. такое воззвание было вторично распространено среди населения. Летом 1909 года была опять организована экспедиция для изучения местного края, привлекавшая более 30 чел.

Эти экспедиции и воззвания вызвали такой интерес у местного населения, что в музей стали поступать многочисленные коллекции, так что, отведенная под музей, довольно большая комната стала тесна.

Мы позволили себе остановиться на этом первоначальном этапе Рузского музея потому, что теперь, когда уже разработаны де-

тально и программы и методы работы краеведческих музеев, эти экспедиции и вовлечение населения в работу музеев — уже не новы, а в 1906 году, т.-е. 22 года тому назад, не только программ или методов работы, но даже и краеведческих музеев как в Москве, так и в Московской губернии — еще не было.

Также Рузскому музею первому принадлежит мысль о создании музея путем научных экспедиций и привлечения окрестного крестьянства. В Рузском районе очень часто можно встретить стариков, которые с удовольствием вспоминают свое участие в этих экспедициях.

Здесь следует отметить еще один очень интересный труд Рузского музея, который тоже является первым и по времени и по идее в Московской губернии, а может и во всей России. Труд этот, к сожалению, в настоящее время погиб безвозвратно, это — создание „музея быта“.

В 1911 г. при библиотеке-музее на городке была построена „местная этнографическая изба“. Мысль о создании этой избы возникла в 1910 году. План ее постройки и ее задачи был разработан особой комиссией, а фасад был выстроен по рисунку С. С. Елагина, который скопировал все сохранившиеся в то время старинные орнаменты в резьбе на избах. Резьба взята была из центра Рузского уезда, главным образом, из Хотеевской волости. Местной учительницей Баклановой были собраны все предметы уходящего крестьянского быта. По своей полноте, начиная с одежды, полотников и кончая древней крестьянской сбруей с тяжелым медным набором, эта изба представляла огромный интерес. Изба эта сохранилась и поныне, но весь этнографический материал погиб в 1917-18 г. Уцелело лишь несколько предметов.

В 1912 г. большой вклад в музей сделали студенты гидро-биологической станции Московского Университета на Глубоком озере, находящемся в 20 верстах от Рузы. Им доставлены были препараты и чучела птиц.

В 1913 г. была организована третья экспедиция, имевшая археологический уклон. Раскопаны были славянские курганы и собрано несколько коллекций геологического и ботанического характеров. Материалы этой экспедиции сильно обогатили музей.

К 1917 г. музей представлял довольно полную и научную картину природы края; были очень богаты археологический, геологический и зоологический отделы.

В 1917 году администрация города увлеклась созданием театра. Здание библиотеки-музея, как лучшее здание в городе, было отведено под театр. Все коллекции музея очень спешно, в течение двух дней, были перевезены вместе с библиотекой в другое помещение.

Правда, что с этого момента музей начинает существовать, как самостоятельное учреждение, но от спешной перевозки его

сильно пострадал научный вид музея. Были утеряны почти все паспорта экспонатов — восстановить возможно было только некоторые из них по памяти.

С 1917 по 1927 г. положение музея колебалось от цветущего состояния с тремя сотрудниками до закрытия и даже до опасности быть развезенным по разным учреждениям.

В 1918 году С. С. Елагин был назначен заведующим музеем, и ему был дан еще один сотрудник. Заведующему музеем удалось вывести из помещичьих усадеб очень много научно-ценного и имеющего музейный характер материала. Музей обогатился настолько, что отведенных ему в библиотеке двух комнат было мало.

В 1920 году С. С. Елагину удалось хлопотать под музей на одной из центральных улиц Рузы — изящный двух-этажный особняк С. И. Леонтьевой. В этом доме Рузский музей прожил последние 8 лет.

Хотя за последние 7 лет, музею и не приходилось уже переселяться в новые здания, но внутренние перемещения и осложнения в распределении площади в стенах полученного здания за эти годы были неоднократны.

Так как здание музея было одно из лучших, а до уважения к научным учреждениям мы еще не доросли, то при острой нужде в квартирах в таком маленьком городе, как Руза, претендентов на здание музея было много.

В 1920/21 г. у музея была отобрана одна комната и занята общежитием детей, которые сильно губили ценные предметы. Затем в помещении музея была внесена постоянная санитарная выставка.

В 1921/22 г. понадобилось занять одну из занятых экспонатами комнат под квартиру заведующего УОНО, который продукты своего питания прятал в подстанову для телескопа.

Музей в это время шел навстречу всем культурным начинаниям и пытался возобновить свою исследовательскую работу, стремясь собрать и объединить в своих стенах культурные силы. Поэтому в 1922 году при музее, по инициативе С. С. Елагина, организуется „научно-педагогический кружок“ для изучения природы и истории местного края и практической разработки вопросов санитарии, агрономии и педагогики, как говорилось в проекте кружка, представленном на утверждение Можайскому Уполитпросвету в 1922 году.

В это время стали ходить определенные слухи о закрытии музея. Надо было что-то такое предпринять, чтобы совместными силами удержать музей. Вследствие этого с сентября 1923 года музей уступает одну комнату под новое культурное учреждение — „Дом Работников Просвещения“, организованный при содействии работников музея и явившийся чуть ли не первым „Домпросом“ в уездах Московской губернии.

В том же 1923/24 г. музей предоставил место для агрономической консультации

местному населению и для канцелярии вновь организовавшегося в Рузе коневодческого Товарищества.

В этом же году при музее организуется „краеведческий кружок“. Хотя этот кружок, несмотря на все усилия, и не мог втянуть в научную работу окрестных учителей и молодежи, но работа его была продуктивна. На его совещаниях были разработаны интересные вопросы краеведения. Например, членом кружка Н. Ф. Марголиным был поставлен доклад о границах Рузского уезда в XVIII веке, для чего составлена ценная карта уезда XVII в., поступившая в музей. Затем членом кружка агрономом П. М. Смирновым был поставлен доклад о покосных метах Рузского уезда. Работы докладчика были выставлены на Всероссийской Сельско Хозяйственной Выставке, где получили медаль, как очень интересный научный труд. Кружком был разработан еще ряд вопросов, носящих просветительный краеведческий характер.

Несмотря на развертывание просветительной работы, музей на оборудование, на научные и хозяйственные нужды, начиная с 1921 г. никаких средств не имел. Оплачивалось лишь содержание сотрудников.

В 1925 году музей был снят с уездного бюджета. Представители Вол.Исполкома для сохранения музейного имущества соединили библиотеку с музеем и, таким образом, в октябре 1925 года библиотека въехала в здание музея, оставив ему лишь три комнаты. Музею пришлось сократиться. Работа его прекратилась, бесплатным хранителем его продолжал быть заведующий музеем — Елагин, который употребил все силы, чтобы не было развезено столь ценное научное богатство.

Несмотря на то, что музею пришлось предоставить две больших комнаты в нижнем этаже библиотеки, свернуть экспозиционные залы и превратиться в складочное место, все же музейное имущество довольно хорошо сохранилось под наблюдением С. С. Елагина и работников Рузской библиотеки.

Хлопоты преданных музею работников в тяжелую годину его закрытия, а также внимательное отношение местной администрации, дали музею возможность вновь возродиться с 1927/28 г., несмотря даже на то, что перед тем было внесено постановление Можайского УИК'а о передачи части наиболее ценных экспонатов из Рузы в Можайский уезд.

Интересно отметить, что при весьма, субъективном отношении к судьбе музея местного населения и местной администрации, со стороны уездного центра г. Можайска не было и речи о поддержке Рузского музея.

В результате все же Рузский музей был восстановлен, и минимальная смета на его содержание утверждена в сумме 587 руб.

Заведующий Можайским музеем Б. В. Грузинов, прошедший специальные курсы Музейных работников в Москве в 1925 г., уроженец г. Рузы, работавший в музее с

1922 г., остался в нем продолжать свою работу, несмотря на непрочное положение Рузского музея.

Скоро для музея наступили опять трудные времена. Уездным и губернским центром Рузский музей снова вычеркивается из Бюджета на 1927/28 г., и только упорная борьба сохраняет за музеем Бюджет, равный прошлогоднему. Видя тяжелое положение Рузского музея, Музейный П/Отдел МОНО оказывает ему некоторую помощь в виде дотации на зарплату, что вместе с местным бюджетом составляло в 1926/27 г.—979 р. 90 к., в 1927/28 г.—985 руб. 83 коп.

В связи с обострением финансового кризиса, Президиумом Горсовета было вынесено постановление о закрытии музея с первого августа 1927/28 года.

Союза упорная борьба оканчивается победой. П/Отдел МОНО принял Рузский музей на свой бюджет.

Помимо описанных затруднений в истекшем году много времени и сил ушло у музея на борьбу с библиотекой из-за занимаемой музеем площади. Кубатура здания — 780 кубическим метрам).

В истекшем 1927/28 г. музею пришлось освободить небольшую часть помещения вследствие соответствующего постановления Гор. Совета. Из перечисленных голях фактов видно, что полная работа при таких условиях не была возможна. Не несмотря на все эти тормозы музеем все же была проделана большая просветительная и научная работа.

Просветительная работа музея заключалась как в проведении объяснений посетителям музея, так и в пропаганде идей Краеведения на учительских конференциях, среди лесников, среди крестьянского актива и культработников в школе, в клубе, среди членов Гор. Совета и т. п.

1927/28 г. был устроен вечер с докладом С. С. Елагина: „Об истории Рузского музея“, с сообщением Б. В. Грузинова „О современном состоянии музея и его планах“. Н. С. Елагиным был сделан доклад на тему: „О современном значении Краеведческих музеев“.

1 апреля 1928 г. был устроен вечер для вовлечения широких слоев населения в краеведческую работу. Был заслушан доклад о г. Рузе по материалам Географического словаря Шекатова. Заведующий музеем указал на все возрастающее значение краеведческого движения в связи с культурным и экономическим краестроительством и на необходимость участия в нем широких масс местного населения. На этом же вечере был сделан доклад местным участковым агрономом Ашеринской волости Павлом Михайловичем Смирновым: „О развитии коневодческого движения в Рузском районе“. Доклад иллюстрировался световыми картинками исключительно из местных фотографий.

Хором крестьян дер. Сытьково, Брышково
★ Старая было исполнено несколько чисто-

народных и привившихся в деревне из города песен.

Заведующий библиотекой т. Шарапов зачитал письмо М. Горького о краеведении (Из „Красной Нивы“ от 25/III-28 г. № 13).

Струнный оркестр исполнил несколько народных песен.

Хор клубной хоровой секции под руководством преподавателя пения С. М. Тарасова исполнил несколько номеров. Аккомпанировал местный гармонист С. И. Шевердяев. Сверх программы проведено 2 сольных №№ (И. П. Сподобин и т. Курдюков).

Тов. Шербаковой был зачитан отдельный эпизод свадебного обряда, записанный крестьянином-очевидцем из дер. Старо-Николаево т. Караваевым.

Особенно сильное впечатление произвел на всех впервые выступавший крестьянский хор, участники которого получили полное поощрение слушателей.

Научная работа музея заключалась в собирании самых разнообразных материалов, характеризующих экономические и бытовые особенности края. Силами работника музея (и преимущественно на личные его средства) произведено множество (свыше 200) фотографий разного характера. Производились выписки с упоминаемыми о Рузском Крае: собиралась библиография местного края, поддерживалась письменная и живая связь не только со всеми местными общественными организациями и учреждениями, но и с рядом центральных и специальных научных учреждений, как-то: 1) с Центральным Бюро Краеведения (Секция Юных фенологов, имевших за это время 14 заседаний при Музее); 2) с комиссией по охране памятников старины и искусства и народного быта при Ц. Б. К. в Ленинграде; 3) с гидробиологической станцией на Глубоком озере; 4) с Геологическим П. О. МОЗО, главным образом по вопросу об изыскании песков для Дороховского стекольного завода и по делу водоснабжения по Рузской волости; 5) с Государственным Историческим музеем в Москве; 6) с музеем Симоновского монастыря; 7) с музеем Ц. П. О.; 8) С. Б. Ю. Н.-ов; 9) с Об-вом изучения Московской губернии; 10) с кабинетом Краеведения; 11) с Можайским: а) музеем, б) Об-вом изучения местного края, Истпартом Можайского В. К. П. (б). 12) с Музейным П/Отд. МОНО и с рядом других научных учреждений и центральных и местных административных и хозяйственных организаций. За 1927/28 г. проведен ряд — ориентировочных обследований разведок по некоторым организациям и зданиям в г. Рузе (напр. Пуговичная артель, Молочное Т-во, городская бойня; бывш. здание тюрьмы; гортеатр, общежитие учеников и т. п., а в окрестностях г. Рузы (дер. „Ивоноино“ и „Волнищино“, Хотеевской волости, Хутора Коваленко, С. С. Елагина, С. Ф. Лавровой — вдовы изд. „Русской мысли“; ивовые плантации в местечке „Ляды“ бывш. хутор К. Э. Гребнера; и в Старой Рузе, с. Горбово, Хованское — Руз-

ской вол. картонная фабрика, осмотрены церкви и зафотографированы: сс. Брыньково, Кожино, Горбово-Моссальское, Старая Руза, дер. Старая с хоз. агронома—краеведа Н. М. Смирнова и с частично разрушенными курганами близ этого селения; совместно с Можайским краеведом Н. И. Власевым осмотрены Городище и курганы близ с. Старая Руза; совместно с членом Об-ва Изучение Московской губернии Б. В. Вадковским пройден путь от г. Рузы на Можайск по Москве-реке через быв. Камышана в с. Тесове, а на обратном пути осмотрен стекольный завод на ст. Дорохово.

При посещении Нестеровского лесничества в селе Нестерове Рузской волости собраны предварительные сведения по вопросам: 1) о заказнике на Глубоком озере; 2) о возможных местонахождениях залежей для Стекольного завода; 3) о заложенных Нестеровским лесничеством ливовых плантациях.

Для установления живой связи с Можайским музеем и Об-вом Изучения Местного Края осмотрены опыты применения в нашем районе глинобитных огнестойких построек в Дороховском поселке.

В большинстве перечисленных пунктов наиболее интересные для музея объекты зафотографированы.

По приблизительным подсчетам ради подобных разведок и ориентировочных обследований пройдено пешком за 1927/28 г. около 200 верст при отсутствии перевозочных средств и нагрузке тяжеловесного фотоснаряжения.

Будучи поставлен в тяжелые экономические и бытовые условия, Рузский музей все же благодаря постоянному рвенню его работника продолжает пополняться и обогащаться собираемыми всюду материалами и экспонатами. Но обработка и выявление их в данных условиях почти невозможна или крайне затруднительна.

В настоящее время площадь стен одной из комнат и дверок шкафов библиотеки используются музеем для временных выставок, из которых надо отметить выставку ко дню 1-го мая, состоявшую из ряда фотографий Первомайской демонстрации в Рузе за несколько лет. В этой же комнате находится витрина новых поступлений и приобретений музея с указанием жертвователя.

Культурно-исторический отдел начинается с экспонирования остатков доисторического обитателя края (череп, клыка, и зубов мамонта), найденных на территории быв. Рузского уезда. Далее экспонированы археологические находки в Рузском крае и фотографии с них: коллекции каменных орудий (Сеймской и Фатьянской культуры). Тут же ориентировочная археологическая карта, таблица названий местных деревень, как филологический пережиток смены исторических культур. Модель Городища и курганного погребения. Прimitивизм в крестьянском хозяйстве, как пережитки старины.

Уголки отведены истории г. Рузы в XVI, XVII и XVIII вв. и дворянскому быту. Всего до инвентаризации, проводимой в конце

1928 г., в Культурно-Историческом отделе находится 204 экспоната.

В естественно-историческом отделе (в верхнем этаже, площ. 40 кв. м.; выс. 2,8 м., кубатура 112 куб. м.) находятся геологические коллекции: каменноугольного и современных почвенных образований с соответствующими иллюстрациями. Растительный мир края в экспозиции музея отображен пока слабо. Умело выполненный краеведом С. Ф. Курнаевым гербарий обычно хранится в фонде.

Животные и птицы представлены сравнительно полно. Экспонированы материалы Глубокого озера с его окрестностями (чертежи, диаграммы, фотографии), имеется план с заказника в Рузской волости и ряд препаратов животных и насекомых, собранных в пределах быв. Рузск. у. Всего в Естественно-Историческом отделе 226 экспонатов.

Общественно-Экономический Отдел находится в процессе развертывания. В нем собраны коллекции местного производства: пуговичного, игольного, картонной фабрики, корзинной артели, гончарного производства (печных изразцов и черепицы). Имеются административная и сельскохозяйственная карты Рузской волости, диаграммы по состоянию сельского хоз-ва, бюджет ВИКа, структура Гор. Совета, планы, чертежи, фотографии и данные по строительству Рузского водопровода. Тут же находится модель лесного питомника Рузского лесничества и некоторые данные о лесном хоз-ве. В водном отделе находятся 2 карты Московской губ., 1 карта Рузского уезда в 1921 г. и 2 карты Можайского уезда. Здесь же повешены некоторые таблицы по метеорологическим и фенологическим наблюдениям.

В рабочей комнате хранится значительный музейный фонд. В музее настолько тесно, что остро встал вопрос о предоставлении музею всего помещения, занимаемого Гортеатром, где в 1906 г. Рузский музей был основан. На ремонт этого здания Музейным П/Отделом отпущено 2.000 руб.

Для развертывания работы музея наступит новая эра.

В заключение необходимо отметить, что то, что сделано работниками Рузского музея, стоило им огромных трудов. При одном работнике (не имело за последние два года даже отдельного технического служащего) работа в музее является видом общественного служительства культурному строительству и тяжелым, упорным, выматывающим силы, трудом.

В 1931 г. предстоит 25-летний юбилей музея. Необходимо обратить самое серьезное внимание на улучшение его положения оказанием методической, научной и материальной помощи Рузскому музею со стороны Музейного П/Отд. МОНО, а со стороны местных центральных, административных, хозяйственных, научных и общественных организаций и учреждений, а также со стороны широких масс населения—активного участия в дальнейшем развитии и строительстве. С. Елагин и Б. Грузинов.

К истории Егорьевского Музея.

Егорьевский Музей в настоящее время — музей не краевой.

Это — бывшее частное собрание Егорьевского фабриканта-купца Бардыгина. Большинство предметов было им приобретено через антикварные магазины, главным образом, через антикварный магазин Постникова в Москве.

Незадолго до войны Бардыгин пожертвовал музей Московскому Археологическому Институту.

В 1922 году, когда Московский институт был закрыт, музей перешел в ведение отд. Археологии и Искусствознания при 1 Моск. Госуд. Университете.

Два года назад университет передал музей Егорьевску, предварительно взяв оттуда в Москву тысячу с лишним номеров.

С 1917 года музей не пополнялся, и в нем не велось никакой научной работы.

В настоящее время в Музее имеется шесть тысяч с лишним номеров. Сюда входят предметы быта крестьянского, отчасти купеческого и в очень незначительном количестве дворянского (костюмы, деревянная и медная утварь и т. п.), но все это не местного значения, а собрано из разных мест С. С. С. Р. (предметы крестьянского быта главным образом из северных губерний). Небольшая коллекция оружия, фарфор, стекло, кость и довольно много предметов по церковной археологии. Имеется небольшой естественно-исторический отд., где часть предметов местные.

Перед музеем стоит задача: а) систематизировать и хотя бы отчасти изучить уже имеющийся материал, б) организовать отдел местного края, потребность в котором остро чувствуется. Имеются директивы и музейного отдела М.О.И.О.

Е. Витвицкая.

История Бронницкого уездного музея.

(Информационное сообщение).

Музей открыт в г. Бронницах в 1918 г. Уездным исполкомом. В основу положена большая коллекция предметов искусства (мебель, фарфор, картины и т. п.), вывезенных из быв. частновладельческих усадеб уезда (Быково, Денежниково — Голицыных и др.). Количество компат занятых коллекцией — 10. В них размещены все предметы, музеем дан вид дворянской усадьбы. Музей открыт для посетителей в течение 3-х дней в неделю. Количество посетителей 1200 — 1500 в год. В 1920 г. при музее открыт новый отдел по естественной истории (зоологическая коллекция и этнологическая местного характера), а также при наличии свободной площади был развернут научно-популярный музей по гигиене местным Уздравом. В музейной работе были все время перебои в виду крайне невнимательного отношения местных властей. Так началось с 1923 г., когда в штате музея

остался 1 работник. А в 1924 г. в октябре музей был свернут и закрыт совсем. Причины закрытия были очень неясны. Кажется все из-за отсутствия средств. Имущество лежало в неотапливаемом помещении, забитом и запечатанном до декабря 1925 г. В декабре 1925 г. музей вновь был открыт и работал до 1927 г. В 1927 г. в апреле месяце музей по договоренности с МОНО был перекинут в Раменское, Моск.-Каз. жел. дор. в 18 верстах от Бронниц. Помещение было найдено, хотя и очень неудобное (быв. дом Крестьянина), но разместить музей не удалось в виду того, что помещение было взято под другие нужды. В ожидании лучших времен музей лежит в сложенном виде в складочном непригодном помещении и по сей день.

С. Ушаков.

Серпуховский Художественно-Исторический и краеведческий музей.

Одним из крупнейших фабрикантов Серпухова была Анна Васильевна Мараева. Старообрядка, совершенно неграмотная, чуждая культуры, все мысли которой были направлены на умножение содержимого своих сундуков, Мараева, тем не менее, имела богатейшую художественную коллекцию. История ее приобретения такова: после смерти Мараева, владельца фабрики, Мараевой, его гражданской женой было возбуждено ходатайство об утверждении ее в правах наследства, что по законам царского правительства значительно затруднялось. На выручку пришел великий князь Сергей Александрович, предложивший Мараевой приобрести у разорившегося графа

Ю. В. Мерлина (большого любителя старины) ценную коллекцию картин, скульптуры и проч. и (Сергей Александрович покровительствовал графу Мерлину) взамен этого Мараевой было обещано устроить ее дело с наследством. Коллекция была куплена, и дело с наследством было улажено. Ценнейшие полотна, бронза, скульптура, фарфор Мараевой были свалены в одной из комнат особняка в котором, жила фабрикантша и — интереснейшие произведения искусства были погребены и обречены на съедение моли и мышей.

Грянула Октябрьская революция. Фабрика и особняк были национализированы, а вместе с ними национализирована и кол-

лекция. В особняке Мараевой в 1920 году был открыт музей, собранный из национализированной коллекции. Такова история возникновения Серпуховского музея. В 1922 году при музее открывается отдел местного края, но за отсутствием опытных работников отдел этот влачит жалкое существование. Планомерная, систематическая краеведческая работа отсутствовала до начала 1928 года.

В марта 1928 года местные советские и партийные организации обратили внимание на музей. Была произведена смена руководящих работников. Сейчас здание капитально ремонтируется. Музейный инвентарь систематизируется, налаживается правильная творческая работа. Музей становится действительно культурным центром города, где посетитель получает не только эстетическое наслаждение, но и необходимые знания как в области искусства, так и в области изучения своего края.

Богатство музея заключается в прекрасно подобранной коллекции картин итальянской школы XVII века, среди которых имеются полотна, приписываемые кисти: Тьеполо, Джордано, Веронезе Сирани и др.

Голландская живопись в музее представлена большим количеством полотен среди которых: Дрослоот, Ван-Остаде, Кальери, Вертуринг, А. Кломп и др.

Среди картин немецких мастеров, представленных в музее, правда, в небольшом количестве, имеется полотно, „Страшный суд“ приписываемое Шпранеру Французская живопись XVII-XVIII столетий имеет в своем составе прекраснейшие образцы Ш. Лебрена и, наконец, русская живопись с середины XVIII века и до наших дней включает в себе около 200 картин, среди которых имеются работы: Левитского-Лампи, Ф. Толстого, Орловского, Боголюбова, Лагорио, Мановского В., Мановского К., Шишкина, Поленова, Судковского, Айвазовского, Семирадского, Жуковского, Клевера, Коровина, обоих Васнецовых, Левитана, Юона, Мозгова, Гомаровой, Ларионова и др.

Собраны, но, еще не систематизированы коллекции икон XVI-XVII века и церковной утвари, которые при дальнейшей экспозиционной обработке дадут прекрасную коллекцию, характеризующую монастырскую культуру.

Скульптурой музей еще беден, насчитывается не более 50-60 вещей преимущественно копий с античных статуй итальянской работы и работы русских скульпторов: Финшера, Коненкова, Голубкиной и Курбатова.

Коллекция фарфора многообразна, но охватывает лишь XIX век, имея в своем составе работы ф-к Гарднера, Иопова, Сафронова.

Хрусталь и стекло XVII-XIX веков.

Коллекция оружия XVII-XIX веков.

Одежды и ткани XVIII XIX веков.

Кроме перечисленного в музее имеется много предметов прикладного искусства бытового характера.

Краеведческий отдел, как было указано выше, чрезвычайно медленно развивал свою

деятельность и лишь за последнее время пополнение его несколько увеличилось и дало резкий скачок вверх с начала 1928 года. Сейчас в краеведческом отделе достаточно полно представлены коллекции каменных орудий со стоянок и городищ, открытых и научно-исследованных местными краеведческими работниками, а также научными сотрудниками музея. Не уступает по количеству и качеству археологической коллекции и геологическое собрание музея.

Значительную ценность музея представляет клад XIV века славянской культуры, состоящий из предметов украшения и монет и входящий в специальный отдел истории Серпухова, в котором, помимо клада, имеются и другие экспонаты, относящиеся к истории нашего города.

За последнее время музей собрал большое количество материалов по революционному движению. Это дало возможность широко развернуть революционный отдел музея.

В стадии организации находятся отделы Промышленный и Сельского хозяйства.

Зоологический отдел музея включает в себе почти всех представителей животного мира Серпуховского края.

Большую ценность представляет музейная библиотека, насчитывающая 35.000 томов XVI-XVIII веков и архив, собранный из архива городского с XVI века, Серпуховского хлопчатобумажного треста и помещичьих архивов. Это богатейшие материалы для проработки и исследования различных исторических и бытовых тем.

Отсутствие системы в экспозиционной работе не давало возможности с достаточной широтой развернуть просветительную работу в музее и только недавно, приведя свой инвентарь в порядок, музей начинает развертывать массовую работу. Проводятся экскурсии школьников и рабочих, посещающих устраиваемые выставки (сейчас в виду ремонта основных отделы музея свернуты). Средняя посещаемость организованных за летний период 1928 года выставок — Историко-революционной. Выставки русской живописи, Выставки Серпуховских художников-самоучек и юбилейной выставки, посвященной 25-летию II Съезда РСДРП выразилась в 2.000 человек в месяц. Эта цифра говорит за то, что Серпуховское население начинает проявлять большой интерес к музею.

Организовавшееся в 1928 году О-во Краеведения работает над изучением местного края, разрабатывая целый ряд вопросов, например: эпоха крепостничества в Серпуховском уезде, история Серпуховской промышленности и сельского хозяйства, историю города и отдельных исторически-характерных и важных пунктов Серпуховского уезда.

Сейчас музей приступил к реконструкции своей работы, конечной целью которой должно явиться большее приближение музея к массам населения и еще большее привлечение широкой общественности к творческой работе музея.

Н. Агальцов. Н. Осипов.

Краткие сведения о Каширском музее.

В городе Кашире до революции существовал, занимая особое помещение, Земский Музей Наглядных Пособий, целью которого было обслуживание сельских школ и который по существу ничего краеведческого не включал.

В начале революции (нач. 1919 г.) он был по распоряжению У.О.Н.О. расформирован, а оборудование его распределено среди городских школ. К этому же приблизительно времени относится начало организации Каширского Краеведческого Музея, просуществовавшего с 1919 г. по 1924 год включительно; в 1924 году его помещение было занято советским учреждением, а экспонаты в экстренном порядке, без соблюдения самых примитивных мер предосторожности, перемещены в собор Никитского монастыря, где некоторое время находились на хранении.

В 1925 году была сделана попытка организовать музей при Доме Работника Просвещения, но вскоре, в связи с различными обстоятельствами, экспонаты были перемещены или точнее свалены под купол Никитской церкви, в помещении, почти не заправившееся, откуда большая часть их пропала.

Правда, некоторые наиболее ценные экспонаты были взяты членами Каширского Краевого Об-ва и помещены на хранение в школу 2-й ступени (быв. Реальное уч-ще).

Только в 1928 г. делается вновь попытка организации краевого музея: приглашается с 1-го мая заведующий (естественник по специальности), отпускаются небольшие средства, дается помещение при школе 2-й ступени, состоящее из 2-х комнат.

По плану, утвержденному У.О.Н.О., к осени 1928 г. предполагено было организовать три отдела: естественно-исторический, экономический и историко-культурный. Лето же должно было быть посвящено,

главным образом естественно-историческому обследованию уезда. За отсутствием средств, летнее обследование охватило восточную часть уезда, продолжалось два месяца, и результатами его явились, кроме литературного, описательного материала, следующие коллекции: геологическая и небольшая палеонтологическая, ботаническая (гербарий около 1.000 экз.), зоологическая (насекомые, птицы, земноводные пресмыкающиеся, млекопитающие). Помимо этих материалов, собрана археологическая коллекция (около 600 экз.), некоторые архивные материалы, материалы по писателю Д. В. Григоровичу (часть его библиотеки, переписка, рисунки и проч.), организована небольшая библиотека из 220 книг.

Музей вошел в тесную связь с рядом учреждений (У.О.З., Г.Э.С. и проч.), школами городскими и некоторыми уездными, организовал кружок естествоиспытателей, принял ряд мер к оживлению деятельности краевого Об-ва (некоторые из членов которого приняли временно участие в летнем обследовании), пытался осенью организовать выставку местного хозяйства за 10-летний период революции, которая не состоялась за отсутствием средств.

Все собранные коллекции музея до сего времени не представлялось возможным монтировать и выставить, т. к., во-первых — смета музея на 28/29 г. по местному бюджету была сокращена, во вторых — еще не было предоставлено музею соответствующего помещения.

Но благодаря помощи Губмузея, ассигнованного достаточные средства на текущий год и мерам, принятым У.О.Н.О. по подысканию помещения, надо думать, что указанные выше отделы музея в ближайшее время будут организованы.

Такова краткая, но пестрая событиями история Каширского Краевого музея. Что ожидает новый музей — покажет будущее.

Царицынский историко-художественный и краеведческий музей.

Мысль об устройстве в Царицыне музея возникла первоначально среди членов местного Об-ва благоустройства в 1925 году, когда вся Царицынская усадьба представляла в полном смысле *res nullius*. Никто не знал, в чьем ведении она находится, строительный материал с дворцовых зданий растаскивался; парк, никем не охраняемый, безжалостно вырубался и вытаптывался. В годы гражданской войны и разрухи он оказался поперек дороги для молочниц из окрестных деревень и москвичей-мешчанников.

Целыми толпами с поезда и на поезд, ни на чем не останавливая внимание, проходили они через парк, прокладывая себе тропинки по дотоле неприкосновенным изумрудным

лужайкам, их разрушительную работу довершали т. наз. „массовые экскурсии“, которые выбирали для своих стоянок наиболее уютные газоны, раскладывали костры, оставляя после себя кучи сора и груды наломанных растений.

Об во благоустройства мыслило музей. как одно из звеньев в общей цепи мероприятий по восстановлению усадьбы и как средство воздействия, главным образом, на приезжую публику, которая в количестве 10-20 тысяч собиралась в Царицыне по праздничным дням.

Обыкновенно не более 5% этого „кочующего племени“ приезжают организованным порядком, имея в своем составе экскурсовода, вся же остальная масса проходит

„так“. не унося из прогулки никаких сведений ни по истории искусства, ни по истории быта 18 века, материалом для которых так богато Царицыно, питаюсь порой самыми нелепыми легендами относительно загадочного прошлого этой интересной усадьбы.

В целях урегулирования этого экскурсионного потока и его просвещения Об-во и задумало устроить экскурсионную базу-музей, в котором были собраны главнейшие материалы по художественной истории Царицына.

В том же году Об-во было закрыто. Усадьба передана в Главнауку, а оттуда в 1926 г. в Губмузей, который гостеприимно отнесся к мысли об устройстве музея в Царицыне, видя в нем средство широкого политического просвещения масс.

В самом деле, под Москвой нет другого места, которое бы представляло такой резкий обвинительный акт против былого абсолютизма, со всеми его бестолковыми затеями, недолговечными начинаниями, с бесконтрольным расходом народных средств, со всем его неуважением к народному труду и личности художника — как Царицыно.

В соответствии с новыми задачами музейного строительства, выдвинутыми современностью, Царицынский музей, по мысли музейного П. Отдела, должен состоять не из художественного только, но и краеведческого отделов.

Для музея отремонтирован (пока еще частично) один из кавалерских корпусов, выстроенных в свое время Баженовым. 20 июля 1927 г. музей был открыт для публики.

В историко-художественном отделе собраны старинные планы земель усадьбы, портреты бывших владельцев, про-

екты застройки усадьбы Баженовым и Казаковым, гравюры, акварели и фотографии, рисующие Царицыно в различные эпохи ее существования и выясняющие постепенное изменение художественного облика усадьбы.

Во всех комнатах расположена мебель второй половины 18 века, современная устройству архитектурных сооружений, вывезенная из Ленинградского музейного фонда и Голицынского музея.

Всех экспонатов в этом Отделе музея свыше 200 №№.

Краеведческий отдел открыт — 5 августа 1928 г. и состоит пока главным образом из диаграмм и картограмм, рисующих экономическое состояние Ленинской волости.

Из событий в жизни музея следует отметить: а) уездную ягодную выставку организованную М.О.З.О. в стенах музея 5 августа и раскопки курганов между парком и деревней Ореховой. Выставка несмотря на дождливую погоду, привлекла до 5 тысяч посетителей и вызвала большой интерес у местных садоводов. Особенным вниманием пользовалась коллекция викиринов (свыше 50 сортов), присланная Институтом прикладной ботаники в Ленинграде. Выдающиеся экземпляры ягод поступили в музей и заформалинены; в) Раскопки курганов 29 сентября силами учащихся местной железнодорожной школы 2 ступени под руководством т.т. Евтюховой и Кривцовой (Исторический Музей). Раскопки дали очень ценные находки, относящиеся к 11 и 13 в.в. нашей эры, принадлежащие повидимому Вятичам.

Успеху краеведной работы музея препятствует отсутствие теплого помещения для работ сотрудников и задержка с оформлением местной общественной краеведческой организации.

В. Казанцев.

Краткая история открытия Ульяновского волостного краеведческого музея.

Мысль о краеведческой работе в волости явилась еще в 1916 году. В 1919 г. в плане работ внешкольного Подотдела ВИК'а стояло: организация краеведной работы в волости.

Однако, эта мысль осуществилась лишь в 1924 году, когда в школах, работавших по программе ГУС'а, стал собираться местный материал.

2-го июня 1924 г. группа учителей школ волости устроила первое собрание волостного краеведческого кружка, на котором выбрало Бюро и поручило ему выработать план работ.

Первая работа по краеведению в волости главным образом имела в виду учителей.

Однако, скоро встала необходимость привлечь в кружок местных специалистов (агронома, врачей и пр.) и других граждан, знающих волость.

Связались в работе с Московским Губернским Бюро по краеведению Губпроса, с Ги-

дрологическим Институтом и Центральным Бюро Краеведения.

От Губернского Бюро по Краеведению получили примерные программы для обследования, книги, в дальнейшем получили и некоторую денежную помощь. От Гидрологического Института — бланки наблюдений за реками, от ЦБК — получали журнал „Краеведение“ и „Известия ЦБК“. Статистика в волости хромала на обе ноги, ловили каждую цифру, характеризующую жизнь в волости.

Все же материала по волости было мало. Решили просить агронома и ВИК сделать кружок доклады о состоянии сельского хозяйства.

Доклады специалистов кружок мало удовлетворяли, т. к. не давали полной картины, но все же некоторый материал получился.

К осени 1924 г. в кружке накопился материал, которым хотелось поделиться с дру-

гими учителями. Краеведная работа требовала пропаганды и разъяснений. Все это толкало кружок к изданию рукописного журнала. 7-го ноября 1924 г. кружок выпустил первый номер своего журнала „Наш Край“ напечатанный на шапирографе. Население недоверчиво относилось к обследованиям краеведов и особенно школьников. Тогда в Крюковском клубе решили устроить краеведную выставку.

7-го ноября 1924 г. выставка была открыта на праздник Октябрьской Революции и пробыла в клубе до января 1925 г. Выставка заинтересовала население. Оно охотно стало давать краеведные сведения и даже нести вещи (напр. первый самовар в дер. Каменке, первый образчик Варшавской мебели и пр.).

Когда в клубе пришлось делать ремонт и убирать выставку встал вопрос о создании краеведного музея.

1-го февраля 1925 г. при Каменской школе был открыт музей, который очень интересовал крестьян, но оставленный без всяких средств должен был свернуться осенью 1926 г., т. к. помещение потребовалось для школы.

В 1925 г. осенью была проведена краеведная переподготовка учителей, которая дала много поволостного материала. Разработать материал, накопившийся в кружке в конце 1925 г. выделялась группа членов кружка в 9 человек, которая написала обзор волости. Попытки напечатать обзор волости не увенчались успехом.

Однако материалы „Обзора“ и накапливающийся „вещевой“ материал заставляли кружок подумывать об организации волостного краеведческого музея. У кружка никаких средств не было. ВИК на содержание музея денег не имел. Тогда кружок подал заявление в МОНО с просьбой принять музей на Губернский бюджет.

ВИК ходатайство краеведного кружка перед МОНО поддержал и предоставил под музей помещение.

С 1-го октября 1927 г. Ульяновский волостной музей был принят МОНО на Губбюджет и в празднование X-летия Октябрьской Революции 13 ноября 1927 г. волостной музей был открыт.

До 1-го октября в музее было: 100 экспонатов 101 снимок и до 20 диаграмм. Всего около 231 предметов. Сейчас в музее около 2.000 экспонатов.

Музей имеет 4 Отдела: 1) введение. 2) природа. 3) экономика и 4) историко-культурный.

Всего до 1 X - 1928 г. музей посетило 1.026 человек.

Для школ была в музее устроена выставка от Института Методов Внешкольного Работника: „Как учили прежде и как учат теперь“. Проведены доклады: „Монография дер. Куркино“—Штейн, „Жизнь по реке Сходне 1.500 лет тому назад“—К. Я. Виноградов, „Современное состояние и развитие стolarного промысла“—Шишков и Красницкий „Современное состояние и развитие трикотажного промысла“—Шишков, „1905 год в волости“—Гауэнштейн.

По материалам музея и своим Н. И. Кузнецов написал очерк: „Природа Ульяновской волости“ (сдан в печать). По материалам силошного землеустройства 6-го землеустроительного участка Московского уезда музеем издана карта волости в масштабе 1:84.000.

Существенную помощь в работе оказали студенты геологи—Кноблок В. Г. и Сокольская А. Н., которые принимали участие в составлении обзора волости и разобрали и определили геологический материал; Н. И. Кузнецов, заведовавший опытной станцией МОЗО „Гельтшево“, давший музею большой гербарий местной волостной растительности и много насекомых, и Московское Об-во Изучения Губернии. в музейной секции которой волостной работник имел возможность познакомиться с теорией построения музеев.

А. Шишков.

К истории Яхромского волостного музея.

Между собою работники кружка краеведов не осмеливаются как-то наш волостной музей называть музеем. Мы называем его краеведческим уголком, комнатой. Таков он и есть, потому что пришлосьжаться в небольшой комнатухе (4×4 м), да еще совместно с районно-педагогическим музеем. Правда, мы ставили своей задачей оба музея объединить, но рассчитывали на большее помещение.

Возник наш обособленный уголок музей в 1925 г. после осенних волостных краеведческих курсов по переподготовке учителей. Тогда в течение двух недель была обследовански проверена и дополнена предшествующая наша работа по разделам:

1) фабрика, 2) подсобные промыслы крестьян, 3) сельское хозяйство и 4) рельеф волости.

Работа велась секционно. В конце курсов была устроена выставка материалов по изучению волости. На выставке присутствовали представители ВИК'а и общественных организаций, которые оценили проделанную работу и выразили пожелание ее сохранить. Нами встречно поставлен был вопрос об организации волостного музея. В ближайшее время ВИК дал согласие занять под музей половину старого здания Андреевской школы (7,5×9 м). Начата была работа по развертыванию музея. Осень 1926 г. заставила нас уплотниться. В школу напри-

влены были дети из детского дома, открылся 3-й комплект, и большую часть этого помещения пришлось уступить под класс.

Мы сжались, продолжаем работать. Накапливается, конечно, материал, а теснота нас давит. Работаем с большим участием детей школы и отдельных граждан. Громаднейшая трудность и в технической обработке материалов. Нет времени. Отчаянная нагрузка учителя всевозможными работами. Надеешься на лето, а устадость дает себя знать. Тем не менее, нам удалось скомпоновать отделы природы,

фабрики, промыслов, железнодорожной станции, а сейчас ведутся работы по организации отделов сельского хозяйства и революционного движения в волости.

Договорились с К.-К. ВИК'а созвать в ближайшее время расширенную волостную краеведческую конференцию, чтобы больше втянуть в краеведческую работу рабочих, крестьян и общественные организации. Имеются виды на большее помещение.

Ив. Муравьев.

Софьинский волостной музей местного края.

Софьинский музей местного края открыт в начале 1928 г.

Основная установка музея заключалась в развертывании перед крестьянами сути строения хозяйства волости, как оно сложилось под влиянием условий природных, экономических (рынка, пути сообщения), и социальных, и какие задачи стоят перед хозяйством края в настоящее время.

В музее пока даны следующие отделы:

1. Общий отдел—диаграммы, характеризующие рыночные условия волости в историческом разрезе. Характер путей сообщений к рынку и стоимость перевозки. Землевание раньше.

2. Отдел крестьянского хозяйства—диаграммы себестоимости производства отдельных культур и отраслей в хозяйствах разной мощности (введение рентабельности отдельных культур), связь отдельного хозяйства с хозяйствами деревни и с хозяйствами стран. и др.

3. Полеводство—почвы поля. Изменения культур полеводства под влиянием рынка. Достижения крестьян.

4. Луговое хозяйство—почвы луга, сорные травы, кормовые травы. Кочки. Культурное луговое хозяйство, некультурное луговое хозяйство. При-

чины малого урожая и задачи поднятия урожая.

5. Молочное хозяйство. Изменение молочного хозяйства под влиянием рынка. Рыночные условия. Кормление по нормам и без норм. Утепление двора простыми средствами и др.

6. Расселение—диаграммы по землеванию, распределению рабочего скота, коров и др.

Музей пока заложил основы, но еще не является развернутым во всех отношениях, этому мешают отсутствие помещения и средств.

Задачи социалистического переустройства деревни должны идти через вовлечение масс в сознательное участие по строительству. Низовые музеи должны стремиться уяснить крестьянам место и роль крестьянского хозяйства в народном хозяйстве и задачи, стоящие перед ними по строительству новой жизни.

При музее издается журнал „Наша волость“. Проводятся широкие выездные заседания—дискуссии по темам—„о развитии молочного хоз-ва в волости“, „сельское хоз-во или отход на сторону“ и др.

Н. Коршунов.

Кудиновский волостной музей.

Хотя вопрос об организации волостного музея был поставлен Кружком Краеведения еще в 1920 г., однако, осуществить это намерение нам удалось только осенью 1927 г. Мы получили от ВИК'а небольшую комнату в избе-читальне, собрали 225 руб. денег, оборудовали музей мебелью, и 4 марта 1928 г. музей был открыт. В основу музея легли экспонаты юбилейной октябрьской выставки 1927 г., которые затем были значительно пополнены. Наличие помещения (и до сих пор не вполне еще освобожденного от посторонних предметов) помогло кружку шире развернуть свою работу. Мы собрали при Музее краеведческую библиотеку (200 названий) и

коллекцию фотографий. Через музей прошло 500 посетителей, которым давались подробные объяснения. Музей связался со школами, дает им некоторые пособия, консультирует их, принимает школьные экскурсии. Ежемесячно при музее устраиваются доклады специалистов по описанию волости. Всего таких докладов сделано 5.

Наш музей мал. Особенно плох бытовой отдел. Полнее всего представлен экономический отдел. В нынешнем году музей снят со всякого бюджета, однако, кружок не падает духом и надеется пополнять музей быстрее, чем до последнего времени.

Н. Канатчиков.

Библиография.

Издания музеев Московской губернии.

В настоящей заметке нам хотелось дать краткий обзор изданий Московских музеев за последние одиннадцать лет. Предметом нашего внимания будут издания краеведных музеев, музеев-усадьб и монастырей и из музеев города Москвы: издания Коммунального музея, Музея-Собора Василия Блаженного, Симонова монастыря и Историко-художественного бытового музея „б. Ново-Девичьего монастыря“. Издания центральных музеев совершенно не учитываются, точно так же сюда не вошли издания Сергиевского историко-художественного музея.

Рассматриваются издания или самих музеев, или тех органов, которые непосредственно руководят ими, например: „Отдел по делам музеев-усадьб и монастырей“, музейный и отдел МОНО, МКХ для Коммунального музея. Издания чуждых музеям учреждений в этот обзор не войдут, как например, издание Госиздата о подмосковных музеях-усадьбах.

Всего получено для обзора 51 название¹⁾.

Во время печатания этого обзора вышли из печати еще новые издания музеев, которые по чисто техническим причинам не смогли попасть в общий текст.

1) Евтюховы, М. и Н. Тростенское и Чудцево озеро. Часть I-я. [М.], изд. музея, 1928. 78 стр., вкл. илл. 27 см. (Труды художественно-исторического краевого музея в г. Воскресенске. Вып. 6). Тир. 1000 экз. Б. ц.

2) Московский Коммунальный Музей. Отдел III. Пути и средства сообщения г. Москвы. (Гор. проезды. Река Москва и ее притоки. Индивидуальные и общественные средства передвижения. Средства связи). Под ред. Н. В. Сытина. М., Мосрекламсправиздат. 1928. 109[2] стр. вкл. илл., 1 л. план. 26 см. (МКХ. Московский Коммунальный Музей, Отдел III). Тир. 1500 экз. П. 20 к.

3) Картограмма. Ульяновская волость. Московского уезда. [М.]. Ульяновский Волостн. Музей мест. края, [1928]. Масштаб 1:84000. 35×51 см.

¹⁾ Сост. стремился собрать наиболее полно все издания музеев.

Все эти названия можно разделить на 7 групп: 1) путеводители 9 назв., 2) очерки 9 назв., 3) листовки 5 назв., 4) каталоги выставок 7 назв., 5) научно-исследовательские работы 17 назв. 6) отчеты о совещаниях 3 назв. и 7) карты 1.

Первого типа изданий музеев, путеводителей, всего 9. Из краеведных музеев путеводитель, вышедший в 2 изданиях, имеет только Воскресенский музей: „Государственный Художественно-Исторический краевой музей в г. Воскресенске Московской губ. Путеводитель по музею—Воскресенск, Госуд. Худ. Ист. Краев. муз., 1925. 64 стр. 16 см. Тир. нет [Б. ц.]“

Этот путеводитель дает краткие сведения об истории организации музея. Затем следует описание архитектурных памятников XVII и XVIII века и заканчивается подробным описанием каждой коллекции. Путеводитель соответственно музею распадается на отделы: 1) историко-культурный, 2) отдел помещичьего быта XVIII века, 3) этнографический отдел, 4) экономический отдел, который разделяется на промышленный и сельско-хозяйственный подотделы.

Второе издание путеводителя „Государственный Художественный Исторический Краевой Музей в г. Воскресенске Московской губ. Краткий Путеводитель.—М., Гос. Х.-Ист. Кр. Муз., 1928. 83 стр. 17 см. (Музейный Поддел „МОНО“). Тир. 1000 экз. Б. ц.“ Этот путеводитель, в противоположность путеводителю издания 1925 г., не имеет краткой исторической справки об организации музея. Он начинается с пояснения коллекции, при чем здесь даны довольно подробные объяснения, которые позволяют посетителю без помощи руководителя, с одним путеводителем, разобраться в назначении коллекции, ее истории, ее значении в бытовой, экономической и естественно-исторической жизни края. Согласно плану музея, путеводитель имеет разделы: 1) естественно-исторический отдел, 2) историко-культурный отдел с подотделами: а) археологическим, б) прикладного искусства, в) отдел усадьбы культуры XVIII—пол. XIX вв.) г) этнографический; 3) общественно-экономический отдел с подотделами: а) сельско-хозяйственным и б) фабричной промышленности.

По музеям-усадьбам и музеям монастырям изданы следующие два путеводителя. „Исто-

рико - Художественный и бытовой музей б. „Ново-Девичий монастырь“. Путеводитель. Сост. Е. С. Кропоткина. Под ред. и с пред. А. С. Лосева.—М., изд. музея, 1928. 23. [1] стр., вкл. илл., 1 л. плана. 17 см. (Московский Отдел Народного Образования). Тираж 1000 экз. Ц. 20 к.“ Путеводитель знакомит посетителя с историей возникновения монастыря, дает описания отдельных частей его усадьбы и построек как внешней стороны, так и по внутреннему содержанию. „Музей-Усадьба „Останкино“. Дворец-театр. Краткий путеводитель. Сост. Виноградов К.—М., Муз., 1928. 47 стр. вкл. илл. 17 см. (Музейный отдел МОНО). Тир. 5000 экз. Ц. 20 к.“ Краткий исторический очерк дает, как бы введение к путеводителю, затем следует описание отдельных комнат и наиболее выдающихся предметов в них. В конце брошюры приводятся фамилии архитекторов, художников, мастеров и ремесленников, работавших над созданием Останкинского дворца-театра.

Московский Коммунальный Музей издал наибольшее количество каталогов-путеводителей, мы имеем пять отдельных книжек, посвященных отдельным отделам музея. Коммунальный Музей разделяется на 9 отделов, всего только 4 отдела имеют каталоги, по остальным они еще не изданы. „Каталог - путеводитель по Московскому Коммунальному Музею со статьями и цифровыми материалами по истории и современному состоянию главнейших отраслей благоустройства гор. Москвы.—М., изд. МКХ, 1924—1927. 26 см. Отд. 1-й. Климат, территория, население, промышленность и торговля г. Москвы сост. П. В. Сытин. 1924 г. 95, [1] стр. Тир. 3000 экз. Б. ц. Отдел IV-й водоснабжения г. Москвы (1779—1925 г.г.). Под ред. П. В. Сытина. 1925. 39 стр., 3 л. план., 1 л. фот. Тир. 3000 экз. Б. ц. Отдел V-й. Канализация г. Москвы, очистка, водосток, бани и кладбища. Под ред. П. В. Сытина. 1925. 81. [1] стр., 4 л. карт., 3 л. фот., 1 л. чер. Тир. 3000 экз. Б. ц. Отдел VII-й. Внешнее благоустройство Москвы. (Замощение, освещение и садовое хозяйство). Газовый завод, Зоопарк. Под ред. П. В. Сытин. 1927. 72 стр. Тир 2000 экз. Ц. 40 к.“ В путеводителе по первому отделу в начале даны две небольшие статьи, одна, посвященная Московскому Коммунальному Музею, другая Московскому коммунальному хозяйству. Во всех этих каталогах приводится общая характеристика, соответствующей отрасли коммунального хозяйства, их истории, современное состояние и подробное описание наиболее показательных экспонатов музея представляющих эту же отрасль коммунального хозяйства. Интересно отметить систему нумерации, применяемую в Музее К. Х. Как говорится в предисловии: нумерация экспонатов сделана применительно к десятичной системе. В 5—4 значном числе каждого номера, после первых трех цифр слева направо стоит черта.

Первая цифра слева обозначает, к какому отделу музея относится экспонат, вторая цифра обозначает подотдел, третья группу, к которой отнесен экспонат. Цифры после тире обозначают его порядковый номер“. Кроме этого, музеем было составлено и издано дополнение к первому отделу под названием: „Каталог путеводитель по Московскому Коммунальному Музею. Отдел 1-й. (Климат, территория, население. промышленность и торговля г. Москвы) и историческая часть других отделов музея. Под ред. П. В. Сытина.—М., МКХ, 1927. 35, [1] стр. 26 см. Тир. 2000. экз. Ц. 15 к. Перед загл. 1-е дополнение. В предисловии говорится, что „этот каталог издан в дополнение к каталогу-путеводителю по Московскому Коммунальному Музею 1924 г., т. к. за эти 3 года число экспонатов в 1-м отд. увеличилось, главным образом, за счет обрисовки истории гор. Москвы и ее современного состояния“. А перечисленные экспонаты в издании 1924 г. в 1-м отд., „посвящены, главным образом, „Старой Москве“ и основным элементам городской жизни, они отличаются большой устойчивостью в музейном отношении, т. е. не требуют ежегодной замены их более новыми“, и это позволяет не переиздавать прежний каталог.

Все указанные каталоги-путеводители по отделам I, III, IV, V и VII Московского Коммунального музея могут служить справочными книжками и вне стен музея, так как рисуют в кратких и сжатых статьях историю и современное состояние главнейших отраслей Московского Коммунального Хозяйства.

Кроме каталогов-путеводителей, Музеем еще изданы: 1) Путеводитель по коммунальным предприятиям г. Москвы. Изд. МКХ. М. 1926 г. Тираж 5.000 экз. Стр. 130, с 15 рис., 3 чертежами и 2 картами. Ц. 20 коп.

В путеводителе дано краткое описание 20 главнейших предприятий МКХ, куда направляются экскурсии, и Московского Коммунального музея в целом. На первых страницах указан порядок проведения экскурсий, даны адреса предприятий, их телефоны, №№ трамваев и автобусов, к ним подходящих, дни и часы приема экскурсий. 2) Краткий путеводитель по Московскому Коммунальному Музею. Листовка на 4 стр. Изд. МКХ, 1928 г. Бесплатно. Эта листовка ориентирует посетителя Музея, как осматривать его залы и отдельные экспонаты, и указывает, где какие отделы и экспонаты расположены. 3) П. В. Сытин. Сухарева башня (1692—1926 г.). Народные легенды о башне; ее история, реставрация и современное состояние. Под ред. Ф. Я. Лаврова. Изд. МКХ, М. 1926 г. Стр. 52 с 12 рис. в тексте. Ц. 20 коп. Так как Московский Коммунальный Музей помещается в одном из лучших московских помещений конца XVII века, вполне уместным

является ознакомление посетителей Моск. Ком. Музея не только с ним самим, но и с памятником—Сухаревой башней, что и отмечает название брошюры. 4) Сухарева башня. Открытка. М. 1927 г. Изд. МКХ. Тир. 10.000 экз. Ц. 5 коп. Открытка весьма художественно изображает архитектурные формы Сухаревой башни, фиксированные фотографией.

Интересно отметить, что с 1928 г. Московский Коммунальный Музей все свои каталоги-путеводители и брошюры продает посетителям музея по 20 коп. независимо от их себестоимости, хотя последняя колеблется от 40—70 коп. за экземпляр.

Тесно соприкасаются с Музеем, освещая его материалы, также книги: П. В. Сытин: Коммунальное Хозяйство (благоустройство) Москвы в сравнении с благоустройством других больших городов. Под ред. Г. С. Михалова. Пособие для преподавателей при проработке экскурсий¹⁾ и при изучении в школах I и II ступ. а также для клубной работы. Изд. "Новая Москва". М. 1926 г. Тир. 5.000 экз. Ц. 2 р. 50 к. Стр. 242, с 46 рис.

Книга рисует историю и современное состояние благоустройства Москвы и др. больших городов, главным образом, заграничных.

Ниже мы приводим те издания по музеям-усадьбам и музеям-монастырям, которые играют роль путеводителей. Они являются не типичными для путеводителей по форме своей обработки. Это очерки, как и указывается в каждой книге, но они с успехом могут служить целям знакомства с различными музеями-усадьбами и основными, наиболее интересными предметами в их залах. Во всех этих книжках вначале дается подробный исторический очерк возникновения усадьбы или монастыря, нередко приводится история рода бывших владельцев, а затем переходят к разбору каждого отдельного здания, частей его, с подробным описанием их. Везде, где возможно, указываются имена архитекторов, художников, скульпторов и других мастеров, оставивших после себя эти памятники материальной культуры. 1) "Сивков К. В. Кусково.—М., 1927. 39, [1] стр. вкл. илл. 17 см. (Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 3000 экз. Ц. 25 к.; 2) "Сивков, К. В. Покровское-Стрешнево.—М., 1927. 17, [1] стр., вкл. илл. 17 см. (Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 1000 экз. Ц. 20 к.; 3) "Остафьево.—М., Управл. муз.-ус. и муз.-мон. Главнауки НКП, 1927. 21, [1] стр., 4 л. фот. 17 см. (Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 1000 экз. Ц. 20 к.; 4) "Анисимов Ю. П. и Новицкий Г. А. Останкино.—М., Управ. муз.-усад. и музеями-монастырями Главнауки НКП, 1927. 54, [1] стр., 4 л. фот. 17 см. (Управление

музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 3000 экз. Ц. 30 к.; 5) "Троцкий, В. И. и Торопов, С. А. Симонов монастырь.—М., Управ. муз.-ус. и муз.-мон. Главнауки НКП, 1927. 37, [2] стр., вкл. илл. 17 см. (Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 1000 экз. Ц. 25 к.; 6) "Торопов, С. А. Архангельское.—М., Упр. муз.-ус. и муз.-мон. Главнауки НКП, 1928. 57, [2] стр., вкл. илл. 17 см. (Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 1000 экз. Ц. 40 к.; 7) "Архангельское". Краткий исторический очерк.—М., Усадьба-музей "Архангельское", 1928. 6, [1] стр. 17 см. (Музейный отдел МОНО Усадьба-музей "Архангельское"). Тир. 1000 экз. Ц. 30 к. без тит. л. и обл.; 8) "Музей Собор Василия Блаженного. Очерк составлен сотрудниками музея.—Л., 1928. 37, [1] стр., вкл. илл. 17 см. (Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 1000 экз. Ц. 30 к.; 9) "Волоколамский музей. (быв. Иосифов монастырь). Краткое описание музея. Сост. К. Н. Щетовым.—М., 1928. 8 стр. 23 см. (Музейный Подотдел М.О.Н.О.). Тир. 1000 экз. Б. ц. Без тит. л.

К типу как бы кратких путеводителей, знакомящих с музеем или его частями, надо отнести 5 изданных листовок. 1) "Машковцев, П. Памяти и картины Гюбера Робера в Архангельском.—М., Усадьба-муз. "Архангельское", 1928. [4] стр., 1 фот. 17 см. (Музейный отдел МОНО. Усадьба-музей "Архангельское"). Тир. 500 экз. Ц. 10 к.; 2) "Анисимов Ю. Зал Тьеполо в Архангельском (Salle Tiepolo).—М., Ус.-муз. "Архангельское", 1928. [4] стр., 1 фот. 17 см. (Музейный отдел МОНО. Музей-усадьба "Архангельское"). Тир. 500 экз. Ц. 10 к.; 3) "Мурановский музей имени поэта Ф. И. Тютчева. Мураново, Сергиевского уезда Московской губ.—М., 1928. [4] стр. 23 см. (Музейный Подотдел М.О.Н.О.). Тир. 5000 экз. Ц. 5 к.; 4) "Чайковский П. И. (1840—1893).—М., [8] стр. 17 см. (Общество друзей Дома-музея П. И. Чайковского в Клину). Тир. 2500 экз. Б. ц. 5) "Московский Коммунальный Музей. (Краткий путеводитель при осмотре музея). М., МКХ, 1928. [4] стр. 27 см. Тир. 30000 экз. Б. ц.

Почти такое же количество, как путеводителей, мы имеем специальных каталогов, посвященных различным периодическим выставкам, устроенных музеями. В настоящее время, когда музеи не только занимаются хранением своих экспонатов в экспозиционных залах и запасных хранилищах, а стремятся наиболее приблизить имеющиеся у них материалы к массовому посетителю, выставки, посвященные определенным темам, становятся их необходимой работой. Каждая выставка интересна и с точки зрения тех экспонатов, которые на ней представлены, и тем методом организации и экспозиции, применяемым при ее устрой-

1) По Московскому Коммунальному Музею.

стве. Все эти моменты лучше всего отражаются в каталогах по выставке. В этих каталогах, обыкновенно, дается перечень экспонатов, расположенных в определенном систематическом порядке, и общее введение, освещающее тему выставки.

Мы имеем издания музея имени поэта Ф. И. Тютчева в Муранове, посвященное выставкам двух поэтов Ф. И. Тютчева и Е. А. Баратынского — „Выставка. В память пятидесятилетия со дня смерти поэта Федора Ивановича Тютчева (1873—1923). Иллюстрированный каталог. Сост. Н. И. Тютчев и С. И. Лобанов. — М., Муз. им. поэта Ф. И. Тютчева в „Муранове“, 1925. 19, [1] стр., 4 л. фот. 22 см. Тир. 500 экз. Б. ц. и „Н. И. Тютчев. Евгений Абрамович Баратынский. Каталог выставки в ознаменование столетия пятидесятилетия со дня его рождения (1800—1925). — М., Муз. им. поэта Ф. И. Тютчева в Муранове, 1925. 63, 1 стр., вкл. илл. 18 см. Тир. 500 экз. Б. ц.“. В обоих этих каталогах даются биографические очерки поэтов, затем следует перечень экспонатов. Как тот, так и другой каталог снабжены photographиями наиболее интересных предметов выставки.

В работе „Аннисиова Ю. Выставка работ Н. де Куртеля. — М., Ус.-Муз. „Архангельское“, 1928. 4 стр., 1 л. фот. 17 см. (Музейный П.отдел МОНО. Усадьба музей „Архангельское“). Тир. 500 экз. Ц. 10 к.“ посетитель также знакомится раньше с краткими сведениями о биографии художника и основными характерными чертами его творчества и с перечнем картин, имеющихся на выставке.

„Виктор Васнецов в Абрамцеве. Каталог выставки. — М., 1926. 16 стр. 16 см (Музейный П.отдел МОНО. Музей усадьба „Абрамцево“). Тир. 1000 экз.“. На трех страницах приводятся основные цели и задачи выставки, отмечается, что выставка обнимает только „такие произведения, которые или задуманы, или написаны в „Абрамцеве“ и для „Абрамцева“, или по заказу Абрамцевского кружка, или отражают Абрамцевский быт во всех его проявлениях (природа, люди, обстановка и т. д.)“, после следует перечень выставленных картин.

„Крепостной театр“. Путеводитель по выставке. — М., изд. Ком. по устр. выст., 1927. 37 стр., 2 л. фот. 14 см. (Государственный театральный музей им А. Бахрушина и музей усадьба „Останкино“). Тир. 1000 экз. Б. ц.“. Здесь мы имеем перечень экспонатов, систематизированных по отделам выставки: отдел 1-й) архитектура крепостного театра, 2-й) владельцы крепостных оркестров и театров. 3-й) крепостные актеры. 4-й) актеры, вышедшие из крепостных, 5-й) декорации, костюмы, бутафория, 6-й) музыка, карусели, 7-й) быт крепостного театра. 8-й) документы и рукописи.

„Каталог выставки осветительных приборов конца XVIII и начала XIX в.в. — М., изд. Муз., 1928. 48 стр., вкл. илл. 17 см. (Музей-усадьба „Останкино“ и музейный П.отдел М.О.Н.О.) Тир. 1.000 экз.“. Каталог

дает перечень экспонатов выставки и небольшое введение, характеризующее ее задачи.

Совсем особняком стоит работа „Толстов С. П. Наимены Ц. П. О. 1-ая отчетная выставка работ этнологического Подъотдела Государственного Музея Центрально-промышленной области — М., 1928. 34 стр., 4 л. фот. 17 см. Тир. 1.000 экз. Ц. 30 к.“. Здесь на первом месте мы имеем работу чисто исследовательского характера по изучению наименований Ц. П. О. и их краткому описанию, и как бы дополнением к этому дан перечень экспонатов и ряд фотографий. Ее нельзя рассматривать, как обыкновенный каталог выставки, здесь перечень экспонатов не является основным содержанием книги, а лишь играет роль иллюстрации основного описательного материала.

В настоящее время эти выставки сохраняются на неопределенное время, они входят в общий состав экспозиционных зал музеев, поэтому следует обратить внимание на величину тиража этих изданий, точно так же как и на величину тиража путеводителей и каталогов по музеям. В редких случаях этот тираж достигает большого размера. Сравнивая величину тиража мы можем сделать вывод, что в среднем он колеблется от 500 до 3000 экз.

Наибольшее количество падает на 1000 экземпляров.

Наименование издания	Величина тиража в кол. экз.						
	500	1.000	2.000	2.500	3.000	5.000	30.000
Путеводители		2	2		3		
Очерки		7			2		
Листовки	2			1		1	1
Каталоги-выставок	3	4					

Нужно признать, что величина тиража совершенно недостаточна для изданий этого рода. Точно так же надо отметить, что не на всех изданиях обозначена цена, благодаря чему трудно определить, являются ли они доступными, по своей стоимости, широким массам посетителей музея.

Переходя к рассмотрению шестой группы нашего подразделения изданий музеев, т.е. научно-исследовательским работам, приходится отметить, что не все музеи имеют издания этого порядка. На первом месте по количеству этого типа изданий стоит музей Центрально-промышленной области. Этот музей издает специальные „Труды Государственного Музея Центрально-промышленной Области“, в различных выпусках, из которых каждый представляет законченную монографию, посвященную какому либо одному вопросу. По своему содержанию четыре выпуска посвящены вопросам естествознания: 1) „Воробьев, К. А. Орнитологические исследования Москов-

ской губернии.—М., 1925. 23 стр. 26 см. (Тр. Гос. Муз. Ц.-П. Об. вып. 1) Тир. 1.000 экз. Б. п. 2) „Формозов, А. Н. Об Орешиниковой соне (*Muscardinus Avellanarius* L.) Нижегородской губернии.—М., 1925. 14, [1] стр., вкл. илл. 26 см. (Тр. Гос. Муз. Ц.-П. Обл. вып. 2) Тир. 1.000 экз. Б. п. 3) „Смирнов, П. А. Редкие и критические растения Московской губернии.—М., 1927. 10 стр. 26 см. (Тр. Гос. Муз. Ц.-П. Обл. вып. 4). Тир. 1.000 экз. Ц. 60 к.“ и 4) „Капланов, Л. Г. и Раевский, В. Д. Материалы к фауне млекопитающих Центрально-Промышленной Области. С предис. С. И. Огнева.—М., 1928. 31 стр., вкл. илл. 1 л. таб. 26 см. (Тр. Гос. Муз. Ц.-П. Обл. вып. 5)“ Библиография: Список использованной литературы, 50 назв. „Один выпуск „Трудов“ затрагивает вопросы этнографии: „Куфтин, Б. А. Материальная культура русской Мещеры. Ч. 1-я Женская одежда: рубаша, понева, сарафан.—М., 1926. 142 стр., вкл. илл. 10 л. ф., 1 л. кар. 26 см. (Тр. Гос. Муз. Ц.-П. Об. вып. 3) Тир. 1.000 экз. Ц. 2 р.“. Нужно отметить, что как титульный лист, так и обложка заглавия имеют французскую надпись: „Memoir du Musée d'Etat de la Région Industrielle Centrale“, кроме того само название выпуска приводится параллельно русскому языку в вып. 1 на немецком, в вып. 2 и 5 на английском, в вып. 3 на французском и в вып. 4 на латинском языках. Дано также резюме в выпуске 1 на немецком, в вып. 2 и 5 на английском и в выпуске 3 и 4 на французском языках. Музеем также издано на французском языке резюме к работе „Куфтин, Б. А. Льяловская неолитическая культура на реке Клязьме в Московском уезде в ее отношении к Окскому неолиту Рязанской губернии и ранним неолитическим культурам Северной Европы (Тр. Общ. Исл. Рязанского края вып. 5, Рязань 1925 г.)“. Это издание носит заглавие: „Kouffine, Boris, A. Une station néolithique dans la tourbière près du village Lialovo aux sources de la rivière Kliasma. Compte-rendu des fouilles en 1923. Moscou, 1925. 6, [1] стр. 27 см. (Le Musée d'Etat de la Région Industrielle Centrale). Тир. 200 экз. Б. п. Без обл. Библиография: Literature citée. 37 назв.“.

Музей в г. Воскресенске издает „Труды Гос. Художественно-Исторического Краевого Музея в городе Воскресенске“. Последнее их издание помечено вып. 5, нумерацию имеет еще и предпоследний выпуск, т.-е. 4, а до того все издания не нумеровались. Казалось бы, при введении нумерации издательству следовало бы оговорить, что ранее изданные работы включены в „Труды“ и указать их порядковый номер, но это не сделано. Первой книгой по времени издания следует считать: „[Радченко, Е. С.] Историческое прошлое г. Воскресенска и его района. (Краткий исторический очерк). Воскресенск, Гос. Нов. Иерус. Худ.-Ист. и Краев. Муз., [1924]. 19, [2] стр. 26 см. Тир. не указан. Б. п. Без тит. л., опис. по облож. Библиография:

„Литературные источники к истории Воскресенского района, 15 назв.“. Заглавие всецело характеризует содержание брошюры.

Виноградов, К. Я. Древнейшие следы культуры славян и финнов в Воскресенском уезде Московской губернии. Археологические раскопки 1923 и 1924 гг. Государственного Новоперусалимского Художественно-Исторического Краевого Музея.—Воскресенск, Гос. Нов.-Иерус. Худ.-Ист. и Краев. Муз., 1925. 51, 3 стр., вкл. илл. и план. Тираж не указан. Б. п. На основании курганных раскопок и найденных в них предметов материальной культуры, автор дает характеристику культуры славян. А раскопки Ильинского городища позволяют автору судить о до-славянской культуре на территории Воскресенского уезда, связывая его с городищами „Дьяковского типа“. В брошюре приведен подробный дневник археологических раскопок. Автором последующих двух изданий является Е. С. Радченко: 1) „Радченко, Е. С. Кустарный промысел и ремесло в Воскресенском уезде Моск. губ.—Воскресенск, Гос. Худ.-Ист. Краев. Муз., 1926. 40, XXIII стр., 10 л. фот. 21 см. (Труды Государственного Художественно-Исторического Краевого Музея в г. Воскресенске, вып. 4). Тир. 1300. Б. п.“. Эта книга представляет собою обследование состояния кустарных промыслов и ремесел в октябре 1925 г. В основу ее было положено задание ЦСУ, дополненное, по указанию музея, некоторыми вопросами и особой программой описания техники производства. Вначале автор дает общую характеристику кустарных промыслов и ремесел и их взаимоотношение с рынком сбыта и сельским хозяйством. Затем следует описание отдельных промыслов: столярно-мебельного, войлочного-валяльного, гончарного, с указанием места их распространения и техники производства. В конце книги приходится 10 таблиц, характеризующих местные промыслы. 2) „Радченко, Е. С. Материальный быт населения Воскресенского уезда в некоторых видах производства и промысла. Ткачество и рыболовство.—[М.], Изд. Муз., 1928. 52 стр., вкл. илл. 17 см. (Труды Государственного Художественно-Исторического Краевого Музея в г. Воскресенске, вып. 5). Тир. 1.000 экз. Б. п.“. Автор детально знакомит с техникой первичной, ручной обработки льна, переходит к его прядению и домашнему ткачеству, давая подробное описание как самого процесса производства, так и различных орудий и приспособлений, применяемых при этом. Во второй части книги затронуто „рыболовство на Тростенском озере (Никольской волости Воскресенского уезда)“, где, с меньшей подробностью, трактуется о рыбном промысле и технике ловли рыбы.

Музей Дмитровского края начал свою издательскую деятельность в 1923 году, выпустив „Труды Музея Дмитровского Края“. Но выпуски 1 и 2 имеют издателем „Дмитровский отдел союза работников Просве-

щения". Кроме того с 3 выпуска общее заглавие видоизменяется и называется: „Музей Дмитровского Края". К изданиям этого музея относятся: 1) „Шаховская, А. Д. Природа Дмитровского Края. Краткий краеведный очерк.—М., Дмитр. Отд. Союза раб. просв., 1923. 93, [2] стр., вкл. илл., 1 л. карт. 23 см. (Труды Музея Дмитровского края вып. 1). Тир. 1.000 экз. Б. ц.". Эта книга знакомит с геологическими условиями, с почвой, климатом, растительным и животным миром и полезными ископаемыми Дмитровского края. Кроме того она отмечает поверхность и распределение рек и озер края. 2) „Тихомиров, М. Н. Город Дмитров. От основания города до половины XIX века.—Дмитров, Дмитр. Отд. Союза рабпроса, 1925. 81, [3] стр., 4 л. карт. 17 см. (Труды Музея Дмитровского края, вып. 2). Тир. 1.000 экз. Ц. 50 к.". Книга по своему содержанию распадается на следующие части: начальная история города Дмитрова, торговый характер гор. Дмитрова, в XV XVI вв., Дмитров в XVII веке, топография старого Дмитрова (XVI-XVII вв.), Дмитров в XVIII веке и в первой половине XIX века. Последним изданием этого музея будет „Декабристы Дмитровского уезда. 1825—1925.—Дмитров, Муз. Дмитр. Края, 1925. 82, [1] стр., 17 см. (Музей Дмитровского края вып. 3). Тир. 1000 экз. Ц. 40 к.". Эта книга представляет сборник статей различных авторов, посвященных декабристам Дмитровского края. Мы здесь имеем статьи: а) „Померанцев, М. С.—Декабристы в Дмитровском уезде, стр. 5—25", б) „Поливанова, Т. Н.—В. С. Норов по воспоминаниям современников и неизданным письмам, стр. 26—49" и в) „Смирнов И. А.—Декабрист Василий Норов, стр. 50—82".

Музей имени поэта Ф. И. Тютчева в Муранове выпустил в текущем году книгу под названием „Мурановский сборник". Выпуск 1. [Худож. ред. М. С. Базыкин].—М., Изд. Муз., 1928. 125, [1] стр. 18 см. Тир. 500 экз. Б. ц.". Этот сборник представляет собрание неизданных стихотворений, писем, эпиграмм как владельца Муранова, так его ближайших друзей и знакомых. В конце книги приложен алфавитный указатель имен, упоминаемых в сборнике, с указанием страниц.

Совершенно самостоятельно нужно рассматривать работы, изданные не музеями: „Сивков, К. В. „Штаты" села Кускова (1786 г.).—М., 1927. 15, [1] стр. 17 см. (Управление Музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 1.000 экз. Ц. 15 к. В этой брошюре мы находим сведения о штате служащих села Кускова в 1786 году, приводится содержание их денежное и натуральное, соответственно каждой должности на основании сохранившихся архивных материалов.

„Станюкович, Владимир Бюджет Шереметевых (1798—1910).—М., 1927. 25 стр., 2 л. табл. 23 см. (Управление музеями-усадьбами и музеями монастырями Главнауки НКП). Тир. 3.000 экз. Ц. 25 к.".

В этой работе, как и в предыдущей, на основании сохранившихся материалов приводятся данные о бюджете Шереметевых с 1798 по 1910 год.

„Картавец, И. М. Усадьбы Московской губернии. (Опыт библиографического указателя).—М., 1927. 45 стр. 22 см. (Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП). Тир. 1.000 экз. Ц. 70 к.". Эта работа распадается на две части: в первой приведена литература о московских усадьбах в целом, во второй—литература об отдельных усадьбах. В конце книги дан алфавитный указатель авторов.

В самостоятельную группу нами выделены издания Государственного Музея ЦПО, представляющие рефераты докладов, читанных на совещаниях палеознотологов, этнологов и биологов ЦПО, созданных музеем. В каждой книге дается повестка дня совещания, реферат или краткое содержание докладов и прений, список лиц, принимавших участие в совещаниях. Каждое издание имеет свое собственное заглавие, а указание, что это есть труды совещания мы находим в подзаголовке. К ним относятся: 1) „Материалы в доистории Центрально-Промышленной Области. 1-е совещание палеознотологов Центр. Пром.-Обл., созданное Государственным Музеем Центрально-Промышленной Области 27—29 мая 1926 года. Под ред. Б. С. Жукова и О. Н. Бадера.—М., 1927. 89, [4] стр. 24 см. (Гос. Муз. Ц.П.О.). Тир. 1.000 экз. Б. ц." 2) „Вопросы этнологии Центрально-Промышленной Области. Первое этнологическое совещание по Центрально-Промышленной Области при Государственном Музее Ц.П.О. 29—30 марта 1926 года. Под ред. В. В. Богданова и С. П. Толстова.—М., 1927. 48, [1] стр. 23 см. (Гос. Муз. ЦПО). Тир. 1.000 экз. Ц. 90 к." и 3) „Материалы к изучению флоры и фауны Центрально-Промышленной Области. 1-е совещание биологов Центрально-Промышленной Области, созданное Государственным Музеем Центрально-Промышленной Области, 31 марта—1 апреля 1926 года. Под ред. Н. В. Шибанова.—М., 1927. 49, [2] стр., 1 л. карт. 26 см. (Гос. Муз. ЦПО). Тир. 1.500 экз. Ц. 1 р.".

Сергиевский музей местного края издал одну карту „Карта Сергиевского уезда Московской губернии.—Сергиево, Музей Сергиевск. Края, 1928. Масштаб в дюйме 4 версты. Тир. 500 экз. Ц. 25 к.". Карта белая, с нанесенными на ней черными линиями границ уезда, путей сообщения, рек, озер, административных границ в пределах уезда, а также названий населенных пунктов. Приводится пояснение условных обозначений. Тираж может быть слишком мал для такой карты, хотя она и схематична, но безусловно является необходимым школьным пособием, для различных работ школ Сергиевского края.

Подводя итоги всему сказанному, нужно отметить, что издательская деятельность краеведных музеев недостаточно развита.

В Московской губернии существует следующие краеведные музеи: 1) Государственный Музей Центрально-Промышленной Области, 2) Волоколамский музей (быв. Иосифов монастырь), 3) Воскресенский Государственный Историко-Художественный. бытовой и краеведческий музей, 4) Дмитровский музей Дмитровского края, 5) Звенигородский музей местного края, 6) Коломенский сельско-хозяйственный музей местного края, 7) Ленинский музей местного края, 8) Можайский музей местного края, 9) Подольский Краеведческий музей, 10) Рузский музей местного края, 11) Сергиевский музей местного края и 12) Серпуховской Краеведческий музей. Из них только четыре музея имеют свои издания, т.-е. музеи под №№ 1, 2, 3, 4, 11. По роду изданий, они распределяются следующим образом: путеводители имеет музей под № 3, очерки музей № 2, научно-исследовательские работы №№ 1, 3 и 4, отчеты о совещаниях № 1 и карты музей № 11.

Что касается музеев-усадб, то мы имеем издания, по своему характеру относящиеся и к путеводителям, и листовкам, и каталогам выставок и т. п. Музею-усадбе „Архангельское“ посвящено 5 назв., Музею „Останкино“ 7 назв., Муз.-ус. „Остафьево“ 1 назв., муз.-ус. „Покровское-Стрешнево“ 1 назв., муз.-ус. „Кусково“ 2 назв.

По музеям-монастырям мы имеем для „Симонова“ 1 назв. и для „Ново-Девичьего“ 1 назв. и музея-собора „Василия Блаженного“ 1 назв. Все эти музеи, кроме музея-усадбы „Архангельское“ и „Останкино“ и музея-монастыря „Ново-Девичьего“ собственных изданий не имеют, по крайней мере, издатели не обозначены на титульном листе. Они изданы тем учреждением, которое обозначено в надзаголовке.

Распределяя количество названий по издателям, мы получим следующую таблицу. Издания музеев:

Гос. Музей Ц.-П. О.	10 назв.
Воскресенск. Гос. Ист.-Худ. кр. Музей	6 „
Музей им. поэта Ф. И. Тютчева в Муранове	4 „
Музей-усадба „Архангельское“	4 „
Дмитровский Музей Дмитр. Края	3 „ ¹⁾
Музей-усадба „Останкино“	2 „
Ист.-Худ. и быт. муз. „Ново-Девичий монастырь“	1 „
Сергиевский музей местного края	1 „

¹⁾ Условно отнесены все издания к Дмитровскому музею, хотя первые два выпуска „Трудов“ изд. др. издательством.

Издания органов, имеющих непосредственное отношение к музеям:

Управление музеями-усадьбами и музеями-монастырями Главнауки НКП	10 назв.
Моск. Ком. Хоз.	6
Музейный подотдел МОНО	2
Комиссия по устройству выставок „Крепостной театр“	1
Общ. Друзей дома-музея П. И. Чайковского в Клинну	1 „

Если остановиться на том основном издании, которое необходимо каждому музею, т.-е. каталоги, путеводители или заменяющие их очерки, то только нижеперечисленные музеи их имеют: Воскресенский музей, Волоколамский музей, Московский Коммунальный музей, Музеи-усадбы: „Архангельское“, „Останкино“, „Остафьево“, „Кусково“, „Покровское-Стрешнево“; Музеи-монастыри: „Симонов“ и „Ново-Девичий“ и Музей-Собор „Василия Блаженного“. Недостаток путеводителей приходится особенно отметить и пожелать музеям скорее заполнить этот пробел. На этот же вопрос необходимо обратить внимание и тем органам, которые отпускают кредиты на содержание музеев и их издательскую деятельность. Музей без путеводителя не сможет выполнять возложенные на него современностью задачи: служить источником просвещения и культурного развития масс.

Подразделяя по дисциплинам издания музеев научно-исследовательского характера и отчеты совещаний, мы видим, что из общего количества 20 названий вопросам естествознания посвящено 6 названий, истории—5 названий, экономическим вопросам—2 названия, археологии—2 названия, этнологии—2 назв., палеонтологии—1 назв., истории литературы—1 назв. и библиографии—1 назв. Отсюда можно сделать заключение, что вопросы естествознания и истории наиболее всего интересовали музеи в их работе.

Вот те основные моменты, которые можно отметить при обзоре изданий краеведных музеев и музеев-усадб и монастырей Московской губернии.

Е. М. Цветаева.

Муратов, М. В. Задачи и работа музейной библиотеки. М., Главнаука Н.К.П., 1927. 43, 3 стр. (Библиотека музейного работника под общей редакцией С. П. Григорова, Н. А. Дорогущина, Г. Л. Малицкого, А. И. Топорнина. Вып. 2-й). 1.500 экз. цена 50 к.

В этой книге автор чуть ли не впервые затрагивает в литературе вопрос о задачах и работе музейной библиотеки. Давая оценку музею как научному просветительному учреждению, автор совершенно верно отмечает, что музей без дополнения его библиотекой не сможет играть ту роль в деле просвещения и исследовательских работ, которая ему предназначена. Тем более

приобретают значение библиотеки при краеведческих музеях, в которых сосредоточивается более или менее полно вся литература о данном крае. Надо отметить, что в своей работе автор, главным образом, касается библиотек при местных музеях, вопрос о библиотеках при центральных музеях автором затрагивается вскользь, да это и не было задачей его работы. Совершенно верно отмечается автором, момент засорения многих библиотек литературой чуждой данному краю или основным необходимым дисциплинам. Точно так же взгляд автора на нецелесообразность создания параллельных библиотек при краеведческом обществе и музее не требует лишних подтверждений. Если имеется библиотека у краеведческого общества, то музей, безусловно, может ограничиться одной рабочей подсобной библиотекой.

В третьем разделе своей книги автор кратко знакомит с вопросом комплектования и библиотечной техники, указывая желаящим познакомиться более детально с этими вопросами основные руководства по библиотечному ведению.

Говоря о комплектовании автор отмечает, что „исходной точкой при комплектовании должна быть все же работа данного музея и вопросы тесно с нею связанные“. А если музей еще не развернул свою работу по какому-либо разделу краеведения, то тогда, по мнению автора, является не нужным собирать соответствующую литературу. Это положение не совсем правильно, краеведческие музеи, раз они имеют свою библиотеку, не подсобную, а основную, краеведческую—должны прежде всего стремиться пополнять ее всеми местными изданиями, всеми изданиями о данном крае и всевозможной справочной и методической литературой, необходимой им для их работы в данное время и в процессе дальнейшего его развития. Тогда такая библиотека будет ценна для серьезной научной работы.

К сожалению, автор очень бегло упоминает о предметном каталоге, а в краеведческих местных библиотеках он должен занять видное место, сообразуясь с теми целями и задачами, которые указываются в книге, для музейной библиотеки.

Наконец, вопрос расстановки книг форматной или систематической не будет играть такой большой роли для работы с читателем, как указывает автор, если мы будем иметь хорошо обработанные и систематические и предметные каталоги.

Заканчивая свой краткий обзор этой книги, хотелось бы отметить, что как для музейного работника, так и для работника музейной библиотеки она является незаменимой. В ней ясно и просто изложены и освещены все те моменты, которые так необходимо уяснить и проводить в повседневной работе работникам музейных библиотек.

Е. Ц.

Анисимов, Ю. и Новицкий. Г. Останкино. Издание управления музеями-усадь-

бами и музеями-монастырями. Главнаука М. 1927, стр. 54. Цена 30 коп. Тир. 3.000 экз.

Музей-усадьба „Останкино“. Дворец-театр. Краткий путеводитель. Составил К. Виноградов. Издание Музея. М. 1928 г., стр. 47. Цена 20 к. Тир. 5.000 экз.

Если бы появился еще какой-нибудь путеводитель по Останкину, или два, или три, каждый из них вероятно имел бы свои особенности, и каждый давал бы что-нибудь новое, интересное, значительное.

Так богат и интересен памятник и так об этом говорят примеры.

Только разошлось в продаже 3.000 издание Госиздата об Останкине со статьями Г. В. Жидкова и В. Г. Сахновского (1925 года), как вслед ему идет Останкино Анисимова и Новицкого (1927 г.) и наконец Виноградовское, вышедшее в мае текущего года.

Нельзя сказать, чтобы они противоречили друг, другу нельзя сказать, чтобы они дополняли друг друга; все они индивидуальны, и каждое из них имеет свои плюсы и минусы, и каждое из них возбуждало во мне много сомнения.

К таким сомнениям относятся например указания в очерке Анисимова и Новицкого, что „подсобный характер вотчина“ сохраняла долго и при П. Б. Шереметеве, когда здесь возникли большие оранжереи, где под руководством садовника иностранца К. Реннерта выращивались всевозможные овощи для графского стола“ (стр. 7), или „Еще с 1795 г. в Останкино вереницей тянулись из Петербурга оboзы с целым рядом строительных материалов и предметами обстановки и убранства...“ (стр. 12). Очень жаль, что не упомянуто ни какие овощи выращивались в оранжереях, строившихся обычно для цветов и фруктов, и не перечисляются строительные материалы, вывозившиеся из Петербурга в Москву.

Обращают на себя внимание и некоторые разногласия, объяснить которые, ввиду близкой последовательности в выходе монографий, довольно трудно. Например потолок в Театральном зале у Виноградова описывается как „расписанный холст, натянутый на отдельные деревянные рамы“, (стр. 26), у Анисимова и Новицкого говорится так: „Переходя к рассмотрению плафона нужно заметить что в Останкине нет ни одного плафона в собственном смысле слова, т.-е. потолка, покрытого живописной картиной, которая обычно писалась на холсте, натягивавшемся на потолок. Наоборот, в Останкине можно видеть только отдельные живописные орнаменты, исполненные отчасти на бумаге, отчасти прямо на штукатурке. Таков же плафон в театральном зале...“ (стр. 37).

Здесь интересно будет отметить видимо не установившееся понятие о том что такое „плафон“. В упомянутой мной монографии Госиздата, в указателе слов и имен, плафон объясняется как „квадратный или

иной формы потолок, украшенный живописью и декоративной лепкой.

Еще разногласие при описании „Египетского“ павильона; у Виноградова говорится что „по сторонам стоят четыре изящные печи с амурями и колонками на лицевой стороне, сделанные вновь Г. Ботта в 1876 году“ (стр. 33) а у Анисимова и Новицкого указывается на Кампиони, что видно из следующих фраз: „Средняя ниша (в проходной комнате, ведущей в Египетский павильон) и теперь заполнена круглой кафельной печью, по верху которой идет скромный, но хорошо прочерченный фриз барельеф. В Останкине работал известный итальянский мастер Кампиони (1774 — 1849), который и исполнил эту печь. Печи в соседнем зале (т.е. в Египетском павильоне) также вполне достойны его руки“ (стр. 41).

Легкое несоответствие получилось у авторов в количестве эстампов, украсивших одну из комнат нижнего фойе или галлерей у коридора партера. Так по разному называют эту комнату Анисимов и Новицкий и Виноградов. У первых число эстампов „насчитывалось до 165“ (стр. 45), а у Виноградова „в ней было более 200 эстампов“ (стр. 34).

Еще один пример: описывая скульптуру „Итальянского“ павильона Анисимов и Новицкий упоминают о „прекрасной головке, вероятно второго века нашей эры“ (стр. 50) тогда как Виноградов говорит о ней следующими словами: „это римская копия второго века до нашей эры с греческого оригинала пятого века до нашей эры...“ (стр. 39).

Этих примеров достаточно.

Повторяю, каждый из очерков имеет свои плюсы и минусы и если Анисимовский больше упирает на художественно-архитектурный анализ, а Виноградовский на производственный, то это вполне понятно.

Нельзя только согласиться с тем упрощенным приемом, которым К. Я. Виноградов хочет сделать изложение путеводителя более популярным. Ну как можно употреблять такие определения: „Прходная галлерея (между Театром и Итальянским павильоном) делится на две части четырехугольными столбами, около которых стоят гипсовые кариатиды XVIII в...“ (стр. 36). Столбы в комнатах стоят только во время ремонта и т. п. Можно пожалеть что при Митроновском плане усадьбы Останкино, помещенном между 12 и 13 страницами очерка Анисимова и Новицкого, не помещена его экспликация.

Обе монографии украшены четырьмя снимками.

П. Миллер.

В. В. Згура: Коломенское. Изд. Об-ва Изуч. Русск. Усадьбы. М. 1928 г., стр. 73, ил. 65 к. Тир. 700 экз.

Замечательнейшая в своем роде усадьба XVI—XVII вв. с ее чудесным местоположением на высоком берегу Москвы-реки и

архитектурными памятниками мирового значения за последние годы приобрела особую популярность среди населения Москвы, и выход настоящей книжки явился весьма своевременным. Дополняя серьезный „очерк художественной истории и памятников“ более популярным путеводителем по музею, ОИРУ вполне правильно учло потребность широких читательских масс, хотя и не дало ни бытовой истории усадьбы, ни полного путеводителя по ней.

Основной очерк написан безвременно скончавшимся В. В. Згурой еще в 1924 г. и несколько добавлен по новейшим данным М. А. Ильиным, которому целиком принадлежит описание музея. Описывая художественную историю усадьбы, автор с большим вниманием остановился на анализе форм и убранства погибшего деревянного дворца XVII в., впервые отметив разный и ранний „барочный“ характер его декорировки; так же содержательны и описания остальных сохранившихся сооружений, в отдельных местах однако страдающие некоторой перегруженностью деталями и витиеватостью; каждый памятник охарактеризован в историко-архитектурном отношении и определен по стилистическим особенностям.

К сожалению опубликованная работа обладает некоторым оттенком спешности и незаконченности: нельзя не отметить несоразмерности отдельных описаний и невыдержанности общего тона, переходящего от научных анализов к популярно-эмоциональной фразеологии; так же местами проявляется недостаточная осведомленность авторов относительно результатов изысканий, производившихся за последние годы в связи с реставрационными работами. Еще тягостнее обилие фактических ошибок в описаниях памятников, свидетельствующее о лишь беглом их изучении. Так — остался совсем не отмеченным сохранившийся поныне павильон Тюринского дворца, описание которого дано лишь по документам, имеющимся в Историч. Музее. Почему-то история ремонтов и реставрации усадьбы завершается работами 1868 г., очевидно, последними, оставившими след в печати. В описании Дьяковского храма наружная роспись цветочными горшками, каменной кладкой и пр. неправильно приурочена к XVII в., вместо 20-х гг. XIX в., совсем не отмечено внутреннее убранство храма, в пределах которого сохранились образцы старинной живописи и иконостасы с любопытными мотивами мистически-масонского характера, а в сев.-зап. приделе реконструирован древний „тябловый“ иконостас. В Вознесенской церкви описан как древний западный портал, выполненный арх. Шониным в сер. XIX в., также как и декорировка каменного трона на галлерее, в то же время остались незамеченными итальянские ренессансные детали боковых порталов и покоя трона. Фотиевская плащаница XV в. в Георгиевской ц. была принята „по синей крашепине“, служившей лишь подстилкой, а не червчатой камке, кайма

же по таушинной тафте. Ворота с башней неверно названы „задними“, тогда как они служили въездом к главному фасаду дворца и истари именовались „передними“ — обратная ошибка допущена по воротам, ведущим к деревне.

Здание „школы“ на юг от передних ворот в действительности является частью Святого Дворца, включающей Ключичный палаты. В Казанской церкви не замечена сень, украшенная живописью, позволяющей судить о росписях старого дворца и т. п.

Еще более досадных ошибок в путеводителе по Музею: неверно пояснена техника изготовления „тоших“ свечей, украшений из фарфора финифтью, слюдой и прорезным железом; находящийся в Вознесенской цвинной палате покрыв не „турецкий“, а „итальянский“ бархатом; обивка „парских мест“ относится к XIX в. Воротные столбы в музее происходят не из несуществующего „Обдорского“, а из „Павло-Обнорского“ манастиря; также едва ли уместно называть порывающую их монументальную резьбу „тонкой“, равно как трактовать массивные кованые дверные и воротные приборы, как „украшения“ и пр. и пр.

Не очень удачен и подбор иллюстраций, среди которых отсутствуют изображения знаменитого деревянного дворца, описанию которого посвящена значительная часть начальной главы. Едва ли стоило занимать место планом Тюринского дворца, изданного к тому же без указания источников и без каких-либо пояснений; также сомнительна нужность мало удачной репродукции несуществующего проекта дворца Штадтландера.

Указанные погрешности и шероховатости легко могут быть устранены при повторном издании, которое несомненно потребует в недалеком будущем.

Книжка снабжена библиографическим указателем и издана с обычной для ОИРУ тщательностью.

Н. Левинсон.

Музей-собор Василия блаженного Ленинград. 1928. Стр. 37, цена 30 к. тираж 1.000 экз.

Небедная повесть Управления музеями-усадьбами и музеями-монастырями Наркомпроса. И пожалуй одна из самых удачных монографий. Очерк составлен сотрудниками музея и составлен прекрасно: кратко, ясно и в него включены все те „новости“, которые выявились при производстве реставрационных работ. В особенности интересны подклети. Не перегружена брошюра и архитектурными подробностями. Кстати об архитектуре. Здесь имеется шесть страничек ей отведенных где четко и убедительно доказывается что с „построением этого собора связана весьма важная эпоха претворения в каменном зодчестве форм деревянных храмов“... (стр. 10). Эту установку интересно сопоставить с мнением проф. А. И. Некрасова, который в своей

недавно вышедшей книге „Художественные памятники Москвы и городов Московской губернии“ говорит: „обычно это родство определяют, как отражение в камне деревянного зодчества. Однако, хронологические соображения, толкование некоторых литературных источников, наличие готических деталей, сопоставление с рядом памятников Белоруссии и Украины, наконец данные археологии и художественной промышленности (?), все это, вместе взятое, заставляет пересмотреть вопрос и поставить проблему о трансформации готических возбуждений, пришедших в центральную Россию через Белоруссию еще в XV веке“... (стр. 19—20). Спор давний и долгий. Может быть взгляд искусствоведа видит иначе чем архитектора. Ведь нашел же проф. Некрасов девять восьмigrанных куполов в соборе (стр. 19), а архитектора только четыре; расположенных по главным осям (стр. 12).

Описание украшено 4 ми снимками. Обложка останавливает внимание: сверху в две строки музей-собор Василия блаженного, посередине — изображения его глав, а внизу Ленинград и год.

П. Миллер.

Н. Л. Эрнст. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор вел. кн. Ивана III Фрязин Алевиз Новый „Изв. Тавр. Общества“, археолог. и этногр.“ т. II (59), Симфр. 1928 (отд. оттиск изд. Гос. музеем в Бахчисарае, стр. 16, рис. 4, тир. 350 экз.).

Чрезвычайно интересное исследование Н. Л. Эрнста, доложенное им в 1927 г. в секции „Старая Москва“, по-новому освещает историю московского строительства раннего XVI в., устанавливая наличие двух одиозных мастеров: Алевиза из Милана, прибывшего в Москву в 1494 г. и соорудившего Теремной дворец и Кремлевские укрепления, и „архитектора“ Алевиза Нового, явившегося в 1504 г. с рекомендательной грамотой хана Менгли-Гирея и воздвигшего Архангельский собор и ряд московских церквей. Алевизу Новому, свыше года прожившему в Крыму, исследователем также приписывается авторство „Железных дверей“ Бахчисарайского дворца (1503 г.), а в Москве — на основе ряда аналогий с последними — и порталов Благовещенского собора. К сожалению, по Архангельскому собору, несомненно, принадлежащему творчеству того же мастера, рассмотрены лишь малые боковые порталы, а большие у западного и северного входов оставлены вне исследования; между тем, эти „перспективного“ типа порталы с пышной декорацией на откосах, состоящей из дельфинов, больших ваз и широко раскинутых растительных побегов, являют во многом новые детали, мало родственные Бахчисарайским и Благовещенским. Нельзя упускать из виду, что ко времени приезда Алевиза Нового в Кремле уже работали искусные итальянские художники, украсившие Грановитую Палату и применив-

шие в декорации ее центрального столба тот же мотив ваз и дельфинов.

Наличие второго Алевиза благоприятно объясняет „венецианизмы“ Архангельского собора (см. статью С. В. Шервинского в „Моск. Меркурии“ 1917 г.), т. к. послы Ларев и Карачаров были направлены великим князем именно в Венецию, откуда после почти 5-тилетних скитаний привезли в Москву архитектора Алевиза и „многих мастеров серебряных и пушечников и стеновых“ — таким образом, отпадает прежняя версия о Миланском происхождении строителя Архангельского собора.

Эти данные приобретают особый интерес в связи с новейшими наблюдениями, произведенными П. Д. Барановским по ц. Николы в Мясниках и П. Б. Юргенсона и С. А. Торопова по ц. в. с. Юркина о влиянии или участии в их построении итальянских зодчих.

Н. Левинсон.

Листовки - описания музеев.

1) **Московский Коммунальный музей.** Изд. М.К.Х. М. 1928. Стр. 4, тир. 30.000 экз., цена не обозначена.

2) **Мурановский музей** имени поэта Ф. И. Тютчева. М. 1928. Стр. 4, тир. 5.000 экз., цена 5 к.

3) **Волоколамский музей** (быв. Иосифов м-рь). М. 1928. Стр. 8, тир. 1.000 экз., цена не обозначена.

Две последних листовки вышли под фирмой Музейного п. о. МОНО. Последняя составлена зав. муз. К. Н. Шенстовым.

Кроме упомянутых листовок, такую же, как говорят, имеет Музей Народоведения в Москве, раздающий ее всем бесплатно, как и Московский Коммунальный музей.

Итак на всю, свыше полуторасотенную сеть музеев в губернии только единицы, менее десятка, имеют необходимый, по моему справочник-рекламу своего музея.

Не знаю, как методически решается этот вопрос, вероятно, он не раз обсуждался и продолжает обсуждаться, но практически вопрос разрешается, повидимому, положительно, — листовки нужны, их спрашивают, они поддерживают и сохраняют интерес.

Предположим, что они нужны, каково же должно быть их содержание и вид?

Находящиеся передо мною три листовки все разного вида, но с одним и тем же стремлением: — дать краткое описание музея. И элегантная Мурановская листовка, и сдержанная Волоколамская и компактная Коммунальная более или менее успешно выполняют задачу. Хотелось бы только, чтобы сведения и язык, которым они изложены, был бы более точным и ясным.

Может быть, благодаря плохой корректуре в Волоколамской листовке попадают такие места:

„Стены (монастыря), строившиеся 1543 - 1566 года сохранили мотивы крепостного зодчества: отверстия для литья смолы, кирпичка и пр...“ стр. 4.

„Об этих событиях (смутного времени) напоминают и оставшиеся семь лушек, между прочим здесь же некоторое время пребывал в заключении низложенный царь Василий Иванович Шуйский...“ (стр. 6).

Пушки и Шуйского можно было бы отделить друг от друга более серьезным знаком препинания.

Или не угодно ли разобрать в стиле и грамотности следующей фразы на той же 6-й стр.:

„Отдел сельского хозяйства, где собраны карты, картограммы, диаграммы, характеризующие состояние сельского хозяйства уезда, а также образцы с хозяйственных растений и семян, данные по кооперации, характеризующие рост сельского хозяйства за последнее время: ликвидация 1927 г. в трехпольях в уезде, усиленное сортирование семян, переход на широкополосицу, применение минерального удобрения, делается уклон в сторону молочного хозяйства, начинаются мелиоративные работы, развивается кооперативность крестьянства“.

Подобные фразы можно почувствовать, но не усвоить.

В Коммунальной листовке обращает на себя внимание новое сведение, новая дата до сих пор неизвестная о постройке внутренней лестницы между 2 и 3 этажем. На стр. 2-й категорически указано: „Крутая каменная лестница постройки 1806 года ведет в 3-й этаж“. Между тем, никаких доказательств этому новому сведению не приведено, и оно в 30.000 листовок будет очень широко распространено и может оказаться неверным.

В нескольких местах листовки говорится, что такие-то предметы повешены на арке. Думается, что правильнее было сказать над аркой; на дыре ведь ничего не повесишь!

Нельзя также застекленную лоджию (впалину) третьего этажа назвать „Красной передней“, хотя она и окрашена суриком, как и вся башня, снаружи и ведет справа и слева в палаты.

Остальным музеям надо поспешить с выпуском кратких, внятных, популярных, грамотных и по возможности бесплатных листовок.

И. М.

„Богородский край“ №№ 1—8

(бесплатное приложение к газете „Голос рабочего“)

Богородские краеведы начали с небольшого: с издания двух небольших листочков приложения к местной газете „Голос рабочего“. Через 6 месяцев они смогли уже выпустить 7-8 №№ своего бюллетеня в 24 страницы.

На фоне общего издательского голода среди краеведческих организаций в стране — в Московской губернии особенно — попытка уездной краеведческой организации Бого-

родска издавать постоянный регулярный бюллетень заслуживает всяческой похвалы и одобрения. Но еще большего одобрения и всяческого подражания со стороны других уездов стоит то, что попытка небольшой группы краеведов очень скоро (с 7-8 номеров) стала настоящим делом, во главе которого стали: местный Уком ВКП (б), Уисполком, Упрофбюро. Отныне издателями „Богородского края“ являются местные руководящие центры: партия, власти и профдвижения. Это—прямо великолепно! И можно пожелать любой краеведческой организации добиться тех же взаимоотношений со своими руководящими органами.

Преобладающим материалом в „Богородском крае“ за первые номера являются очерки из истории Богородской и Глуховской фабрик и революционного прошлого такого крупного рабочего района, каким является Богородско-Глуховский. Первоклассные материалы в этом отношении уже собраны и опубликованы в вышедших номерах. Крайне интересные данные о рабочих волнениях в уезде восходят к 1771 году. Некоторые цифры из истории б. морозовский мануфактуры дают представление о целой эпохе в развитии промышленности в России; таковы цифры промышленного застоя, роста армии рабочих и др.

Очень хороши небольшие мемуарные материалы; рассказ крестьянина о крепостном праве в Богородском уезде является нужной иллюстрацией и к работе по охране

крепостного быта (усадьба Волконских). Пара статей на врачебно-санитарные темы свидетельствует о здоровых связях краеведов с врачебным миром уезда.

Отрывком из повести А. Перегудова „Гуслица“ бюллетень показывает уже сейчас, каким важным органом печати он может стать в будущем, когда средства позволят страницы журнала предоставить местным пролетарским писателям под их произведения.

Нельзя не отметить очень важной в наших условиях работы, начатой бюллетенем—библиографии города и уезда. Этот разрозненный пока библиографический материал в дальнейшем потребует систематизации и углубленной научной обработки.

Очень удачная статья о скульптуре Мартоса в Глинках является надежным началом того отдела, в котором будут собираться сведения о памятниках искусства, разбросанных по уезду; одинаково надо приветствовать и собирание фольклорного материала, которым Богородский уезд богат не меньше других уездов.

В Хронике бюллетеня издатели живо откликаются на различные события из местной жизни, связанные с изучением края.

Остается пожелать, чтобы „Богородский край“ нашел свое место в самых широких кругах местных читателей и стал настоящей брошюрой каждого передового рабочего и крестьянина в уезде.

И. К—ий.

R E S U M É.

Le present fascicule № 7-8 du „Moskovskiy Krayeved“, est publié par la Société pour l'étude du gouvernement de Moscou, en collaboration avec la sous-section des Musées du Département de L'Instruction publique à Moscou. Il est consacré en entier à l'oeuvre des Musées dans le gouvernement de Moscou et contient des articles sur les questions suivantes.

Klabounofsky I. G. dans un aperçu général sur l'oeuvre des Musées dans le gouvernement de Moscou caractérise les types des Musées existants et leur travail qui comporte des recherches scientifiques, des expositions et de la culture générale.

Sivkoff K. V. s'arrête exclusivement sur les „Musées—oussadby“ c. a. d. sur les musées créés dans les anciennes campagnes et propriétés de la noblesse, riches en trésors artistiques et présentant un tableau de la culture et des moeurs de la noblesse.

Pomeranzeff N. N. décrit les couvents transformés en musées, monuments de haute valeur au point de vue de l'architecture et d'un grand intérêt pour l'histoire des moeurs de leur temps.

Klouchantzeff B. M. expose l'immense travail accompli par le pouvoir Soviétique

que dans le gouvernement de Moscou comme dénombrement de monuments et d'édifices historiques.

Elagine N. S. s'occupe de la question de protection des monuments de la nature et indique le réseau désirable et existant des terrains réservés de l'Etat dans le gouvernement de Moscou.

Levinson N. R. expose le colossal travail accompli par le pouvoir Soviétique dans le gouvernement de Moscou comme restauration de monuments et d'édifices historiques.

Dorogoutine N. A. décrit l'essai de former un Musée Régional et le travail accompli par ce Musée.

Schnéerson N. A. parle des questions se rapportant à la construction d'un Musée historico-artistique et „Krayeved“.

Solovieff K. A. prenant comme exemple le musée de Dmitroff, décrit le type d'un musée de district „Krayeved“ consacré à l'étude et la culture intellectuelle de la localité où il se trouve.

Dans la Chronique du fascicule № 7-8 il y a en abrégé l'histoire des différents Musées „Krayeved“ du gouvernement de Moscou.

Une notice sur les publications des Musées, parues pendant les dix années depuis la Révolution d'Octobre.

Музеи Москвы и Московской губернии.

Настоящий список музеев Москвы и губернии является результатом ориентировочной переписи Музеев, предпринятой Музейным П/Отделом М.О.Н.О., для учета музейного строительства в губернии. Список не является исчерпывающим, ибо работа по всестороннему выяснению музеев крайне затруднительна теми изменениями, которые до сего времени происходят в музейной сети с одной стороны; с другой — трудности выявления существующих ведомственных музеев, исчерпывающего списка которых до сего времени не существует ни в одном учреждении. Можно предполагать, что в настоящий список из ведомственных музеев не попало еще музеев до 50.

Настоящая работа выполнена по поручению Музейного П/Отдела М.О.Н.О. сотрудником П Отдела. — Н. С. Елагиным.

Музеи Москвы.

I. Естественно-Исторические Музеи.

Биологический Музей им. К. А. Тимирязева при Коммун. Ун-те им. Свердлова. — История животного и растений. Биология и физиология животных организмов. — Миусская пл. д. 3. — Гл. Пол. Просвет.

Биологический Музей при Академии Коммунистического Воспитания. — Теория развития организмов на земле и их эволюционная история. — Девичье поле, Трубцкой пер. — Главпрофобр.

Ботанический сад и гербарий. — Коллекции растительности живых и гербарных. 1-я Мещанская № 28. — Главнаука.

Музей-выставка Ассоциации натуралистов самоучек. — Коллекции открытий и изобретений самоучек. — Арбат, 44.

Музей выставки биостанции юных натуралистов им. Тимирязева. — Материал по исследованию местной природы. Живые уголки природы. — Сокольники, Ростокинский пер., д. 97. — Главпрофобр.

Геологический Музей I М.Г.У. — Систематические коллекции по геологии. — Моховая. — Главпрофобр.

Геологический Музей Горной Академии. — Геология союза и техника геологических исследований. — Калужская ул., д. 14. — Главпрофобр.

Географический Музей I М.Г.У. — Физическая и описательная география. Модели, фотографии, картины. — Моховая. — Главпрофобр.

Горный Музей Горной Академии. — Техника горнозаводских работ. Изыскания и эксплуатация горных богатств. — Калужская ул. д. 14. — Главпрофобр.

Зоологический парк. — Коллекция животных всех стран. — Б. Грузинская, д. № 12. — М.К.Х.

Зоологический Музей I М.Г.У. — Систематические коллекции по зоологии. — Никитская ул., д. № 6. Главнаука.

Минералогический Музей I М.Г.У. — Систематические коллекции по минералогии. — Моховая. — Главпрофобр.

Минералогический Музей Горной Академии. — Коллекции минералов с производственным уклоном. Методы их разработки, техника разработок. — Калужская ул. д. 14. — Главпрофобр.

Музей охраны вод. — Коллекции загрязнения вод. Ц. Пр. Области и способы их очистки. — М. Харитоньевский пер., Дом Съездов. — Наркомздрав.

Музей охранной зоны р. Москвы при Рублевском водопроводе. — Изучение режима р. Москвы, ее био-химические свойства и борьба с водными инфекциями. — Ст. Рублево, Бел.-Балт. жел. дор. — М.К.Х.

Музей Пловучего Морского Института. — Главнаука.

Музей эволюционной теории им. Дарвина. — Музей иллюстрирующий факты и теорию эволюции животного и растительного мира: Ламарка, Дарвина, Менделеева. — М. Пироговская ул. II М.Г.У., д. 1. — Главпрофобр.

Почвенный Музей. — Исключительно полная коллекция почв всех стран и широт. — Петровское-Разумовское. — Главпрофобр.

Торфяной Музей при Центрально-торфяной станции. — Процессы образования торфов. Теория и практика изучения торфяных болот. Использование торфа. Трубниковский пер., д. 30. — Наркомзем.

II. Музеи прикладных знаний и производственные.

Автомобильный Музей при Ломоносовском Институте.—Теория и практика автомобильного дела. Техника и образцы автомобильного дела. — Б. Садовая ул., д. № 14.—В.С.Н.Х.

Аэро-Химический Музей им. Фрунзе.—История и теория воздухоплавания. Химическая война. — Петровский парк, д. 7/8. (Петровский Дворец). Н.К.В. Мор.

Музей-выставка товарных образцов.—Музей демонстрирует образцы всех товаров, служащих предметами биржевой торговли.—Ильинка, Б. Товарная Биржа.—Внуторг.

Музей Гознака. (Фабр. загот. госуд. знаков).—История печатания денежных и государственных знаков. — Мытная ул., д. № 17. В.С.Н.Х.

Геодезический Музей при Межевом Институте.—Приборы, теория геодезической работы. История русской геодезии.—Ул. Маркса, Межевой Институт, Гороховский пер. д. 4.—Главпрофобр.

Кустарный Музей. Коллекции кустарного производства, способы поднятия кустарных промыслов и история промыслов.—Леонтьевский пер.

Межевой Музей при Институте — История Межевого дела. Теория и практика межевого дела.—Ул. Маркса, Гороховский пер.

Металлургический Музей Горной Академии.—Технология руд и техника добычи. Современное достижение у нас и за границей.—Калужская ул., д. 14.—Главпрофобр.

Музей газового завода.—Коллекции производных получаемых заводом при выработке газа и способы их получения. Нижне-Сусальный пер., д. № 5.—М.К.Х.

Музей Института Инженеров Транспорта.—Теория и практика железнодорожного дела.—Бахметьевская ул., д. 15.—В.С.Н.Х.

Музей московских городских боен.—История и техника убоя скота и надзора за мясом.—Абельмановская застава, д. 2.—М.К.Х.

Музей нефтяного дела при Горной Академии.—Технология и техника нефти и нефтяного дела.—Калужская ул., д. 14.—Главпрофобр.

Музей Научного Авто-Мотор. Института.—Теория построения Авто. Достижения в этой области у нас и за границей.—Салтыковский пер. 5.—В.С.Н.Х.

Музей образцов и техники волокнистых веществ.

Музей силикатов при Институте Силикатов.—Силикатные породы, технология силикатной промышленности и географический материал. Мясницкая ул., д. 24.—В.С.Н.Х.

Музей сахарной промышленности.—Технология сах. промышленности. Статистика ее в СССР. Сырье, способы выработки сахара.—Мнусская ул., д. 2/5.—Институт им. Менделеева.

Музей технологии волокнистых веществ при М. Текстильном Ин-те.—Машины, сырье и способы обработки, рисунки и техника текстильных производств.—Донская ул., д. 60/62.—В.С.Н.Х.

Музей товароведения при Промышленно-Экономическом Техникуме. — Ул. К. Маркса, д. 21. М.О.Н.О.

Музей Товароведения Ин-та им. Плеханова.—Стремянный п. д. 28.—Главпрофобр.

Музей Трехгорной Мануфактуры.—История Трехгорной Мануфактуры и ее современное производственное состояние: рабочая сила, сырье и машины.—Нижняя Пресня, д. 1/30.—В.С.Н.Х. Кр. Пресн. Ман-ра.

Музей Хлебоинспекционный.—Образцы хлеба и хлебных продуктов, их товароведение, подделки и анализы.—Неглинная ул., д. 18/1—Наркомзем.

Политехнический Музей.—Музей техники, технологии и практики работы по всем отраслям прикладных знаний. — Лубянский пр., д. 3/4.—Главнаука.

Технический Музей Городского Трамвая.—М.К.Х.

Товарный Музей при Рос. Вост. Торг. Палате.—Образцы товаров, вывозимых из С.С.С.Р. и их экономика.—Верх. Торговые ряды. 1 Линия, ком. 50.—Внешторг.

Центральный Таможенный Музей.—Образцы товаров, вывозимых и ввозимых в С.С.С.Р.—Каланчевская вл., здание Тамож.—Внешторг.

III. Сельско-хозяйственные музеи.

Ветеринарный Музей.—Анатомия, физиология и болезни лошадей и крестьянского рогатого скота. Способы лечения и ухода за раб. скотом. — Трубная площадь, д. № 14/29—М.О.З.О.

Дендрологический Музей С.-Х. Академии.—Исчерпывающее собрание образцов древесных и кустарниковых пород.—Петровское-Разумовское.—Главпрофобр.

Зоотехнический Музей при С.-Х. Академии.—Коллекции по с. х. животноводству.—Петровское Разумовское. Главпрофобр.

водству.—Петровское Разумовское. Главпрофобр.

Музей агрономических Руд Ин-та по Удобрениям — Местохождения химического свойства и способы использования минеральных удобрений.—Тихвинский пер., д. 10.

Музей вредителей с.-х. растений.—Коллекции повреждений, вредит. и способы борьбы.—Садовая-Триумфальная, д. 10.—М.О.З.О.

Музей коннозаводства.—История русских пород лошадей.—Беговой ипподром.— Главнаука.

Музей мелиорации при С.Х. Академии.—Чертежи, модели и проекты мелиоративных сооружений и работ. Образцы почв и мелиоративных угодий.—Петровское Разумовское.—Главпрофобр.

Музей Наглядных Пособий по сельскому хозяйству.—Коллекции пособий по сел. хоз-ву для преподавания и лекторской работы.—Смоленский Бульвар.—М. О. С. Х.

Музей низовой агро-пропаганды.—Приемы и методы рационального ведения сельского хозяйства.—Тверская, д. 56.—Главпрофобр.

Музей птицеводства.—Породы кур, способы рационального птицеводства, корма, продукция и т. д.—Площадь Свердлова, Башня Китай-города.—Наркомзем.

Музей пчеловодства.—Естественная история пчелы, ее болезни, способы ухода и улучшенное ведение пчеловодства.—

с. Измайлово, Опыт. Пасека.—Наркомзем.

Музей рыболовства при С.-Х. Академии.—Естественная история рыбы, способы лова, разделение ее, снаряды, статистические данные.—Петровское-Разумовское.—Главпрофобр.

Музей сельского хозяйства Московской губернии им. В. И. Ленина при М. Губ. Доме Крестьянина.—Форма достижения и экономика крестьянского хозяйства Московской губернии. Способы поднятия отраслей сельского хозяйства.—Трубинная пл., д. 14/29.—Моссовхоз.

Музей шелководства при Опытной Станции по шелководству.—Развитие червя, его биология и способы выкармливания. Технология размотки коконов.—Бакунинская ул., д. 75.—Наркомзем.

Сельско-хозяйственный Музей при Центральном Доме Крестьянина.—Музей образцов. Материалы по пропаганде улучшенного сельского хозяйства.—Златоустовский пер. № 6.—Наркомзем.

IV. Санитарно-медицинские музеи.

Выставка по охране материнства и младенчества.—Физиология матери и ребенка; болезни их и способы предохранения от них. Рациональное ведение младенцев.—Солянка, д. 12.—Наркомздрав.

Музей-выставка по охране здоровья.—1) —Сухаревская п. 11.—Наркомздрав. 2) —Калужская ул., д. 12.—Наркомздрав.

Музей живых культур И. Э. Т. и контроля сывороток.—Коллекция живых культур различных бактерий.—Сивцев-Вражек, д. 41.—Н. К. З.

Музей Института судебно психиатрической экспертизы им. проф. Сербского.—Материалы по изучению психологии преступности и виды симуляции.—Кропоткинский переулок, д. 23.—Наркомюст.

Музей при Институте физкультуры.—Теория и физиология физических упражнений, гимнастики и игр.—Гороховская ул., д. 20.—Н. К. З.

Музей кожно-венерических заболеваний.—Коллекция-муляжей болезней ко-

жи и венерических.—Б. Пироговская. Клинический пер., д. № 1.—Главпрофобр.

Музей нервных заболеваний им. проф. Кожевникова.—Боженнинов пер., д. Нерв. Клиники.—Главпрофобр.

Музей профессиональных вредностей при Ин-те по изучению профзаболеваний им. Обухова.—Изучение болезней при различных производствах, быт рабочих этих производств.—Воронцово поле, д. 14.—Наркомздрав.

Патолого-анатомический Музей при Гос. Ин-те Зубоврачевания.—Болезни зубов и способы лечения.—Каляевская ул., д. 18.—Н. К. З.

Патолого-анатомический Музей I М. Г. У.—Анатомия человека.—Моховая, зд. Университета.—Главпрофобр.

Музей санитарного дела.—Пятницкая ул., д. 1.—Наркомздрав.

Музей эндокринных препаратов при Ин-те эндокринологии.—Арбат, д. 32/2.—Н. К. З.

V. Музеи по Народному Образованию.

Государственный Музей по Народному Образованию.—Коллекции, иллюстрирующие народное образование в РСФСР. Деятельность школ и научных учреждений. Методы педагогической работы.—Сретенка, д. —Н. К. П.

Музей био-сада.—Вопросы биологии природы в применении к педагогическим вопросам.—Садовая-Кудринская ул., д. 7.—М. О. Н. О.

Музей библиотекосведения при Публичной Библиотеке им. Ленина.—Статистика библиотечного дела. История

и современная статистика библиотек.—Моховая, д. быв. Базановой.—Главнаука.

Музей Института методов школьной работы.—Теория и практика трудовой школы. Пособия по школьному курсу и работы школ.—Лубянский проезд. Политехнический музей.—Главпрофобр.

Музей Института внешкольной работы.—Материал по внешкольной работе с детьми: площадки, игра, экскурсии, труд и музеи.—Подсосенский пер., д. 21.—Главнаука.

Музей наглядных пособий и педагогический при Педтехникуме им. Проф. Интерна.—Коллекции пособий для школ по курсу трудовой школы.—Подсосенский пер., д. — М. О. Н. О.

Музей Народного Образования.—Музей отражает достижения в области образования и просвещения Р. С. Ф. С. Р. Отчеты, графика, издания и макеты по школьной, просветительной и научной работе в Республике.—Сретенка, д. 8.—Н. К. П.

Музей наглядных пособий Хамовнического района.—Наглядные пособия и краеведение Хамовнического района.—Остоженка, д. 51.—М. О. Н. О.

Музей 1-ой опытной станции по Народному образованию.—Работа станции по созданию новых форм и методов педагогической работы.—М. Дмитровка, д. 14.—Главсповос.

Музей педологии и исключительного детства.—Психические обследования, материалы и картограммы по дефективности. Работы учащихся.—Погодинская ул., д. 8.—Главпрофобр.

Музей популяризации естествознания при Политико-просветительном

факультете А. К. В.—Коллекции музея, дающие пропаганду и основы реалистического мирозерцания.—Тверская ул., д. 56.—Главпрофобр.

Музей при технику-педагогическом Институте им. Либкнехта.—Педагогическая коллекция по труду.—Разгуляй М. О. Н. О.

Центральный Педагогический Музей.—Пособия для школьного преподавания по всем дисциплинам. Пособия для краеведной работы школы. Ул. Воровского,—д. 8.—М. О. Н. О.

Районные музеи наглядных пособий.—М. О. Н. О.—1) Замоскворецкий — М. Ордынка, д. 31. 2) Краснопресненский — Садовая Кудринская, д. 7, кв. 1 и 4. 3) Бутырский — Б. Масловская ул., д. 55. 4) Сушевско-Марьинский — Сушевская ул., д. 14. 5) Рогожско-Симоновский — Коммунистическая ул., 9. 6) Сокольнический I — Соколинская, д. 24. 7) Сокольнический II — Мещанская, д. 24. 8) Сокольнический III — Крестовская застава, Ярославское Шоссе, д. 24. 9) Бауманский I — Преображенская застава, д. 19. 10) Бауманский II — Плетешковский пер., д. 3. 11) Баумановский III — Введенский пер., д. 20.

VI. Социально-культурные Музеи.

Антирелигиозный Музей.—Коллекции антирелигиозной пропаганды. Разоблачение религиозных предрассудков.—Страстная площадь.—быв. Страстной мон-рь.—М. О. Н. О.

Коммунальный Музей.—Хозяйство города Москвы во всех его отраслях и в исторической последовательности.—Суарева башня. М. К. Х.

Музей-выставка по рационализации техники управления.—Рыбный пер.—Н. К. Р. К. И.

Музей-выставка строительства Московского Совета.Музей отражает строительство Моссовета за 10 лет по всем отраслям своей деятельности как Москвы, так и по губернии.—Парк культуры и отдыха.—Моссовет.

Музей криминологии и уголовной политики при I М. Г. У.—Моховая, 9.—Главпрофобр.

Музей О. Г. П. У. Лубянская площадь.—О. Г. П. У.

Музей по изучению преступников.

Музей по советскому строительству.

Музей уголовного розыска—Методы, приемы и техника, применяемая при уголовных преступлениях, статистика пре-

ступности.—Гнездиновский пер., д. 3.—Наркомвнудел

Музей Центральной комиссии союза связи.—Собрание материалов по истории союза с 1905—1928 г.—Солянка, 12.—В. Ц. С. П. С.

Музей Центрально-статистического управления. Статистика СССР.—Покровка, Б. Вузовский пер., д. 2 (во дворе).—Ц. С. У.

Музей Центрального музея труда.—Материалы по исследованию рационального построения трудовых процессов.—Петровка, д. 24.—Наркомтруд.

Пожарный Музей.—История пожарного дела в Московской губернии и материал по горимости губернии более чем за 100 лет.—Ул. Кропоткина, д. 22.—Моссовет.

Социальный Музей им. Пожевой при I М. Г. У.—I М. Г. У. Моховая.—Главпрофобр.

Центральный Музей по охране труда. Коллекция по охране труда, техники безопасности на производствах и социальное страхование.—Нов. Басманная ул., д. 18, Наркомтруд.

VII. Историко-культурные Музеи.

Антропологический Музей им. Д. Н. Анучина.—История материальной культуры народов земного шара.—Моховая ул., д. 11.—Главнаука.

Государственная коллекция музыкальных инструментов.—Редкие инструменты: скрипки, виолончели и др.

История создания музыкальных инструментов.—Мясницкая.—Г. И. М. Н.

Дом В. М. Васнецова.—Дом и обстановка художника Васнецова и его художественные работы.—Троицкий пер., д. 13.—Главнаука.

Дом-Музей Л. Н. Толстого. Дом со всей его обстановкой, как это было в 80—90 г.г. жизни Л. Н. Толстого. — Хамовники, ул. Л. Толстого, д. № 21. — Главнаука.

Исторический Музей. Коллекции по истории и истории материальной культуры народов, населяющих территорию СССР. — Красная пл., д. 1. — Главнаука.

Индуст. выставки - Музей при Ц. Доме искусства в деревне им. Поленова.

Выставки - музей отражает театры в постановках, макетах и декорациях. — Зоологическая ул., д. 1. — Главискусство.

Комната А. И. Герцена. — Собрание рукописей иконографии, реликвий и сочинений Герцена, помещ. в комнате, где он родился. — Тверской бульвар, д. 25. — В.С.П.

„Кутузовская изба“. — Военно-исторический музей, отражающий эпоху 1812 года. — Поклонная гора. — М.О.Н.О.

Литературный Музей Всероссийского союза писателей. — Состояние рукописи портретов, книг, биографий писателей с 80-х г.г. до наших дней. — Тверской бульвар, д. 25. — В.С.П.

Музей Большого театра. — Коллекции костюмов, постановок, портреты, актеров и история театра за 100 лет. — Площадь Свердлова. — Главискусство.

Музей Большого кремлевского дворца. — Терема XVII в. и дворец XIX в. — Кремль. — Главнаука.

Музей восточных культур. — Музей отражает материальную культуру и искусство народов Востока. — Кропоткинская наб., д. 29. — Главнаука.

Музей М. Горького. Архивный материал, рукописи, портреты и сочинения писателя. — Ваганьковский пер., д. 4/6. — Публ. Библ. им. Ленина.

Музей Ф. М. Достоевского. — Семья, родные и круг знакомых и друзей Ф. М. Достоевского, его жизнь и литературная деятельность. Помещ. в доме, где он провел детство. — Новая Божедомка, д. 2 — МОНО.

Музей Достоевского. — Рукописи, портреты и сочинения Ф. Достоевского его вещи. — Красная площадь. Исторический музей. — Главнаука.

Музей-Дом боярина XVII в. — Жилые комнаты боярской усадьбы XVII в. с их обстановкой и укладом жизни. — Варварка, д. 8. — Главнаука.

Музей-Дом 40-х годов. — Дом среднего московского дворянина 40-х г.г. — XIX ст. с его обстановкой и укладом жизни, бывш. дом славянофила А. С. Хомякова. — Собачья площадь, д. 7/12. — Главнаука.

Музей быв. Донского мон-ря. — Музей искусства XVII в. в архитектуре иконе, резьбе, графике, шитье и надгробиях. — Донская площадь, д. 1. — М.О.Н.О.

Музей Ермоловой. М. Н. — Квартира, где жила и умерла великая русская артистка. — Тверской бульвар, д. № . — Главнаука.

Музей игрушки. — Коллекции по истории детской игрушки. — Ул. Кропоткина, д. 12. — Главнаука.

Музей графики и книги. — История книги и ее оформления, графика, набор и т. д. с XV—XX стол. Рукописи. — Ваганьковский пер., д. 4/6 — Главнаука.

Музей Малаго театра. — Библиотека, рукописи, портреты, реликвии и постановка театра за 100 лет. — Площадь Свердлова — Главискусство.

Музей Мечникова. И. И. — Обстановка кабинета Мечникова, библиотека, рукописи, переписка и портреты. — Сивцев-Вражек, д. № 41. — Н.К.З.

Музей народной песни им. Пятницкого. — Коллекция записей народных песен населения СССР. — Б. Божениновский пер., д. 17, кв. 931. — Главискусство.

Музей б. Новодевичьего мон-ря. — Музей отражает памятники XVII в. преимущественно в области шитья и архитектуры (барокко). — Б. Пироговская ул. — М.О.Н.О.

Музей Рубинштейна. Н. Г. — Вещи Н. Рубинштейна; рояль, рукописи, портреты и материал по истории Московской консерватории. — Ул. Герцена. Государственная Консерватория. — Главискусство.

Музей б. Симонова мон-ря. — Монастырь — крепость и ратное дело старой Руси. — (XVI — XVII в.в.) — Ленинская слободка — М.О.Н.О.

Музей Скрябина, А. Н. — Кабинет, где жил и умер композитор. Его вещи, рукописи, переписка, портреты. — Николо-Песковский пер., д. 11. — Главнаука.

Музей Тимирязева, К. А. Кабинет, где умер проф. Тимирязев. Его библиотека, рукописи, портреты и вещи. — Ул. Герцена. Шереметевский пер.

Музей Л. Н. Толстого. — Жизнь и творчество Л. Н. Толстого. — Ул. Кропоткина, д. 11. — Главнаука.

Музей усадьба Останкино. — Загородный увеселительный дом помещика XVIII — XIX в.в. с крепостным театром.

Музей-храм Собора Василия Блаженного. — Архитектурный и историко-культурный памятник XVI стол. — Красная площадь. — Главнаука.

Музей Художественного театра. — История театра и его постановок. Реликвии и рукописи. — Проезд Художественного Театра, д. Театра. — Главискусство.

Музей церкви грузинской иконы божьей матери. — Архитектура памятника XVII в. и его живописные работы школы Ушакова. — Варварка. Грузинский пер. — Главнаука.

Музей Чехова, А. П. — Архивный материал, рукописи, портреты, реликвии и сочинения Чехова — Ваганьковский пер., д. 4/6. — Публ. Библиотека им. Ленина.

Театральный Музей. — История русского Театра в архивном материале, портретах, макетах, вещах и реликвии великих артистов русской сцены. — Лужницкая ул., д. 12/29. — Главнаука.

Центральный Музей народоведения. — 1) Народы вневропейских стран.

В музее собраны материалы, характеризующие быт и культуру народов внеевропейских стран. Калужская застава, д. быв. Мамонова.—Главнаука.

2) Народы Европы. Материалы бытовые, хозяйственные, промысловые народов Ев-

ропы, главным образом СССР.—Калужская ул., Нескучный дворец.—Главнаука.

Этнографо-Археологический музей И.М.Г.У.—Музей сравнительного историко-археологического искусствознания.—Моховая, д. 11.—Главпрофобр.

VIII. Историко-Революционные Музеи.

Кабинет В. И. Ленина.—Кабинет В. И. Ленина в помещении Совета Народных Комиссаров—где он работал и жил с 1918 г. по день своей болезни.—Кремль.—В.П.К.

Музей Института Ленина.—Музей связи с жизнью и деятельностью В. И. Ленина.—Б. Дмитровка.—Ц. К. Партии.

Музей Института К. Маркса и Ф. Энгельса.—Музей массового рабочего движения. Революционная история социалистических идей. Ул. К. Маркса и Ф. Энгельса, д. № 5.—ВИК.

Музей Каторги и Ссылки.—Материалы по истории политического каторги и ссылки.—Лопухинский пер. д. 5 — Общ. Полит. Каторж.

Музей „Красной Пресни“.—Историко-революционные движения на Красной Пресне в 1905—1917 г.—Большевистская ул., д. 4.—МОНО.

Музей Красной Армии и Флота.—Материалы по гражданской войне. Образование Красной армии и флота и их деятельность на фронтах.—Екатерининская пл., д. 2.—Нар. Ком. Воен. Мор.

Музей Кропоткина. П. А.—История жизни и деятельности анархиста Кропоткина помещается в доме, где родился Кропоткин. Его кабинет и библиотека привезены из Лондона.—Кропоткинский пер. д. 26.—МОНО.

Подпольная типография Ц. К. большевиков 1905 г.—Типография, где печатались в 1905 г. листовки прокламации и журнал „Рабочий“.—Лесная ул. д. 55.—В.И.К.

Музей Революции.—Историко-революционные движения в России с XVII в. до 10-летия Октябрьской революции и социалистического строительства.—Тверская ул. д. 59.—В.И.К.

IX. Художественные музеи.

Музей Живописной Культуры.—Современное искусство в главнейших течениях.—Рождественка, д.—Главнаука.

Музей Изысканных Искусств.—Искусство и памятники Культуры Древнего Востока. Греции, Рима, Западной Европы, эпохи Возрождения, Средневековья и XVIII в. Живопись. Скульптура. Гравюры.

Музей Новой Западной Живописи б. Морозова.—Живопись и скульптура французских, испанских и др. мастеров.—Ул. Кропоткина, д. 21.—Главнаука.

Музей Новой Западной Живописи б. Щукина.—Собрание картин новейших французских, немецких и итальянских мастеров.—Главнаука.

Музей Рогожского кладбища.—Собрание древне-русской живописи (иконы) с XIV—XVIII в.—Старообрядческая ул. д. 1.—М.О.Н.О.

Музей Русской Живописи б. Остроухова.—Собрание русских мастеров конца XIX ст. и древне-русской иконы (XIII—XVII в.)—Трубниковский пер., д. 17/1.—Главнаука.

Музей фарфора.—Коллекция русского фарфора с его возникновения до наших дней. Иностраннный фарфор.—Главнаука.

Художественная Галерея им. Третьяковых.—Собрание живописи русских мастеров с XVII—XX ст.—Скульптура.—Лаврушенский пер.—Главнаука.

Центральный Музей Декоративного Искусства (быв. Оружейная Палата).—Коллекции Прикладного Искусства всех народов, преимущественно русского: чеканка, шитье, ткань, оружие, эмаль, серебро и др.—Кремль.—Главнаука.

X. Краеведческие музеи губернии.

Государственный Музей Центрально-промышленной области.—Москва. М. Грузинская ул., д. 15.

Музей Богородского края.—г. Богородск. „Волхонка“—М.О.Н.О.

Музей Воскресенский краевой.—г. Воскресенск. быв. Ново-Иерусалим. монастырь.—М.О.Н.О.

Музей Волоколамского края.—Стрелецкая слобода. быв. Иосиф. монастырь.—М.О.Н.О.

Музей Дмитровского края.—г. Дмитров. Борисо-Глебский монастырь.—М.О.Н.О.

Музей Звенигородского края.—г. Звенигород. быв. Саввинский мон-рь.—М.О.Н.О.

Каширский Музей местного края.—г. Кашира.

Музей Ленинского уезда.—г. Ленинск. Базарная площадь.—М.О.Н.О.

Лосиноостровский Музей. — Ст. Лосиноостровская. Сев. жел. дор., Осташевское шоссе. — Госплан.

Музей Можайского края. — г. Можайск. Базарная площадь. — М.О.Н.О.

Музей Подольского края. — г. Подольск, школа II ступени. — М.О.Н.О.

Музей Рузского района. — (Можайск. у.). — г. Руза, „городок“. — М.О.Н.О.

Музей Сергиевского края. — г. Сергиев, Старо-Лавр. корпус. — М.О.Н.О.

Музей Серпуховский краеведческий и художественный. — г. Серпухов, д. быв. Мараева. — М.О.Н.О.

Краеведческий Музей Ульяновской волости Моск. у. — Ст. Сходня, Октябрьской жел. дор., районная школа. — М.О.Н.О.

Музей Васильевской волости Клинского у. — Ст. Завидово, Октябрьской жел. дор., с. Васильево, шк. II ступ. — М.О.Н.О.

Музей Кудиновской волости Богородского у. — Ст. Кудиново, Нижегород. жел. дор. — М.О.Н.О.

Музей Лопасненской волости Серпухов. у. — Ст. Лопасня, Курская жел. дор. — школа 2 ступени. — М.О.Н.О.

Музей Моревской волости Можайск. у. — Д. Морев, школа II ступени.

Музей Непецинской волости Колом. у. — Село Непецино, Совхоз. Г.П.П.

Музей Сухановской волости Подольск. у. — Ст. Расторгуево, Ряз.-Ур. жел. дор., село Суханово, школа II ступени. — МОНО.

Музей Яхромской волости. — Ст. Яхромы, Савел. жел. дор., с. Андреевское, школа II ступ. — М.О.Н.О.

Музей усадьбы — Царицыно. Ленинск. волост. Моск. у. — Музей садово-огородного района, Моск. у. — Ст. Царицыно, Курской жел. дор. — М.О.Н.О.

Сельско-хозяйственные музеи.

Музей культуры лекарственных растений. — Коллекция семян, гербарий и образцы лекарственных растений. — Ст. Битца, Курск. жел. дор. — Н.К.З.-м.

Музей сельского хозяйства, Коломенского уезда. — С.-х. почвы. Климат. Культуры. Вредители из животного мира. Экономика и сельское хоз-во уезда. — Коломна, Красноармейская ул. — У.З.У.

Музей сельского хозяйства Богородского уезда — Пропаганда сел.-хоз. хозяйственных улучшений. — Богородск. — У.З.У.

Сельско-хозяйственный Музей в г. Бронницах. — Агро-помощь сельскому хозяйству уезда. — г. Бронницы. — У.З.У.

Производственные музеи.

Музей промышленности Орехова-Зуева. — Образцы производства фабрик Орехова-Зуева. Статистика рабочей силы. Экономика и процессы производства. — Англиканская ул. — У.И.К.

Музей игрушки Сергиевского уезда. — Кустарный игрушечный промысел Сергиева в прошлом и настоящем и процессы создания игрушки. — г. Сергиев.

Производственный Музей Колом. завода. — История завода и его производство. — Коломна. Завод. — В.С.Н.Х.

Культурно-исторические.

Архангельское. — Усадьба вельможи с его дворцом, картинной галлереей, библиотек, парком и парковыми сооружениями, конца XVII в. начал XIX в. — С. Архангельское, Воскресенского уезда. — М.О.Н.О.

Дом Кротова в г. Дмитрове. — Обстановка дома где умер П. А. Кротов и где он жил по приезде в Россию. — г. Дмитров. — Музей Кротова.

Егорьевский Историко-археологический Музей. — Рукописи, книги, резьба, костюм, ткани, фарфор, картины. — г. Егорьевск, Площ. Революции. — М.О.Н.О.

Историко-художественный Музей пр. Александра. — Картины, фарфор, портреты и художественная промышленность. — г. Сергиев, Красюковка. — М.О.Н.О.

Историко-бытовой Музей „Вифания“. — Бытовые иконы XVIII в. — г. Сергиев, „Вифания“. — Главнаука.

Кусково. — Усадьба второй половины XVIII в. крупного вельможи, дворец, эрмитаж, грот, и др. садовые сооружения. Парк Версальского типа. С. Кусково, Московского уезда. — М.О.Н.О.

Музей „Бородино“. — Военно-исторический музей — 1812 г. — С. Бородино, Моск. у. — М.О.Н.О.

Музей поэта Ф. И. Тютчева в Муранове. — Дом и обстановка поэта Баратынского Е. и Ф. И. Тютчева, Рукописи. — С. Мураново, Сергиевского уезда. — М.О.Н.О.

Музей-Усадьбы с Коломенского. — Усадьба и. Алексея с архитектурными памятниками. Быт и искусство деревенского зодчества XVII в. с. Коломенское Моск. губ. — Главнаука.

Музей Чайковского — Дом где жил композитор Чайковский. П. И. Рукописи, книги, портреты, обстановка. — г. Клин. — Главмузей.

„Пушкинская комната с Яропольца“. — Комната где жил Пушкин в усадьбе Гончаровых. Обстановка, Портреты. — С. Яропольцы, Волоколамского уезда. — МОНО.

Сергиевский Историко-художественный Музей быв. Лавры. — Архитектурные памятники XIV-XVII в. Ткань, резьба, чеканка, миниатюра, шитье и история мон-ря. — г. Сергиев — Лавра. — Главнаука.

Усадьба „Абрамцево“. — Дом и обстановка писателя С. Т. Аксакова и Мамонтова — где жили художники 80-х гг. XIX стол. (Репин, Васнецов и др.) — С. Абрамцево, Сергиевского уезда. — М.О.Н.О.

Усадьба „Остафьево“. — Усадьба поэта Вяземского с его библиотекой, архивом и обстановкой, портреты, Парк, усадьба связана с Пушкиным, Карамзиным, Жуковским и др.

Урюпино. — Усадьба и парк среднего московского дворянина. — С. Урюпино, Воскресенского уезда. — М.О.Н.О.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стран.

Григоров, С. П. Значение музеев Москвы для музейного строительства СССР	5
Клабуновский, И. Г. Музейное строительство в Московской губернии	18
Сивков, К. В. Музеи-усадьбы Московской губернии	37
Померанцев, Н. Н. Музеи-монастыри Московской губернии	45
Клушанцев, Б. М. Охрана памятников архитектуры в Москве и Московской губернии	59
Елагин, Н. С. Охрана природы в Московской губернии	73
Левинсон, Н. Р. Ремонт и реставрация памятников архитектуры	85
Дорогутин, Н. А. Опыт построения Областного Музея в Москве	103
Шнеерсон, Н. А. Из опыта построения художественно-исторического краевого музея	115
Соловьев, К. А. Опыт построения краеведного музея.	123
Хроника.—Московский Коммунальный Музей—П. Сытин. Музей Старой Москвы—П. Миллер. Музейно-краеведная работа в Ленинске—Е. Сосенкова. Музей Сергиевского Края—В. Мордвинова. Волоколамский историко-бытовой и краевой музей—К. Щепетов. Работа Звенигородского Художественно исторического краевого музея—В. Колобов. Краткая история музея Можайского края—Н. Власьев. Страницы из истории и быта Рузского музея местного Края—С. Елагин и Б. Грузинов. К истории Егорьевского Музея—Е. Ветвицкая. История Бронницкого уездного музея—Ушаков. Серпуховский Художественно-исторический и краеведческий музей—Н. Агальцов и Н. Осипов. Краткие сведения о Каширском музее. Царицынский историко-художественный и краеведческий музей.—В. Казанцев. Краткая история открытия Ульяновского волостного краеведческого музея—А. Шишков. К истории Яхромского волостного музея—И. Муравьев. Софьинский волостной музей—Н. Коршунов. Кудиновский волостной музей—Н. Канатчиков.	137
Библиография.—Издания Музеев Московской губернии—Е. Цветаева.	162
Рецензии.—Е. Ц., П. Миллера, Н. Левинсона, И. К-ий.	168
Resumé.	173
Список музеев Москвы и Московской губернии	174

ИЗДАНИЯ

Общества изучения Московской губернии.

И. А. Здановский.—Каталог рек и озер Московской губ. С прилож. гидрограф. карты (6 лист.), масштаб 6 в. в дюйме. 96 стр. М. 1926 г. Ц. 3 руб.

А. А. Борзов, проф.—Краткая программа для описания рек и речных долин Моск. губ. 16 стр. М. 1926 г. Ц. 40 к.

И. А. Здановский.—Составление географического словаря Московской губ. (программа). 7 стр. М. 1926 г. Ц. 15 коп.

Программы и инструкции по монографическому обследованию деревни. 20 стр. Л. 1927 г. Ц. 25 коп.

Подворная карточка.—14 стр. 20 коп.

М. С. Швецов.—Краткий очерк геологического строения Каширского уезда. 33 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 50 коп.

О. П. Булич.—Коломна, пути исторического развития города. Общий очерк. 94 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Н. Лушихин.—Программа по обследованию и учету полезных ископаемых. 12 стр. М. 1928 г. Ц. 15 коп.

Н. С. Тюнин.—Краткая программа обследования лесов местного значения. **В. О. Недельский.**—Анкета по учету оврагов, песков. 10 стр. М. 1928 г. Ц. 10 коп.

„Московский Краевед“.—Вып. I. 74 стр., с рис. М. 1927 г. Ц. 75 коп.

„Московский Краевед“.—Вып. II. 107 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 1 руб.

„Московский Краевед“.—Вып. III. 67 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 65 коп.

„Московский Краевед“.—Вып. IV. 79 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 75 коп.

„Московский Краевед“.—Вып. V. 73 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 75 коп.

Д. П. Сырейчиков.—Определитель растений Московского Края. 294 стр., с рис. М. 1927 г. Ц. 3 руб.

„Московский Край в его прошлом“.—Сб. 128 стр. М. 1928 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

„Московский Краевед“.—Вып. VI. 62 стр., с рис. М. 1928 г. Ц. 65 к.

„Московский Краевед“.—Вып. VII—VIII. Музейный. 181 стр., с рис. М. 1929 г. Ц. 1 руб. 80 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

„Московский Краевед“.—Вып. I (9).

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ: Москва, 9, Моссовет, Губл
Изучения Московской губернии. Тел. 5-45-10.

Цена 1 руб. 80 коп.

1286059

ГБУК г. Москвы
Центральная библиотека
им. Н. А. Некрасова

2 030000 806027